

**ПРИНИМАЯ УЧАСТИЕ В СУДЬБЕ
МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА
ИЗ ДЕТСКОГО ДОМА,
МЫ ОТКРЫВАЕМ В СЕБЕ ЗАПАСЫ
ДОБРОТЫ И БЕСКОРЫСТЯ.**

**XXVII СЪЕЗД КПСС
ТРЕБУЕТ ОТ НАС...**

*Начинаем новую
дискуссию.*

**ЭВМ
У ВАС
ДОМА.**

СМЕНА

ISSN 0131—6656

№ 7 (1413) апрель 1986

К 100-летию
со дня
рождения
С. М. Кирова

ВЫСОКИЕ ТРАДИЦИИ

Александр ФИЛИПОВ,
секретарь комитета ВЛКСМ
производственного
объединения
«Кировский завод»

той весной, 27 марта, исполнилось 100 лет со дня рождения С. М. Кирова, выдающегося деятеля нашей партии, большевика-ленинца, пламенного трибуна, несгибаемого борца за социализм.

Среднего роста, широкоплечий, в плаще нараспашку, он идет навстречу людям. Открытая улыбка, внимательный прищур глаз... Таким навечно остался Киров в памятнике, установленном около заводской проходной.

На Кировском заводе и поныне сильна память о Сергее Мироновиче, или попросту Мироньче, как называли его рабочие. С какой любовью и задушевностью рассказывают ветераны завода о встречах с Кировым! Откровенных, пронизанных правдивостью и заботой о судьбах страны встреч было немало в заводском клубе, а чаще прямо в цехах и мастерских. Сохранилась старая фотография: краснопутиловцы слушают Кирова в одном из цехов. Молодые парни, комсомольцы вскарабкались на лестницы, на подъемный блок, повисли на канатах — только бы получше взглянуть оратора, получше расслышать

каждое его слово. Да, меткое, публицистически отточенное слово Кирова покорило любую аудиторию. За Кировым люди были готовы идти — и шли! — куда угодно, на бой и на труд.

Без малого девять лет яростной, напряженной, самоотверженной работы на посту первого секретаря Ленинградского губкома, а затем обкома партии — самый яркий период в жизни Кирова. За это время он накрепко сдружился, сроднился с ленинградскими рабочими. А «Красный путиловец» был ему особенно дорог: все эти годы он состоял здесь на партийном учете. В путиловцах Сергей Миронович видел передовой отряд рабочего класса, людей, внесших огромный вклад в победу Октября. В них же он видел и опору социалистического строительства, развернувшегося в те годы в стране.

Перелистаем лишь некоторые страницы истории нашего завода, связанные с именем Кирова.

...В пустовавшей пушечной мастерской впервые собрали пять тракторов. Заводу поручили наладить серийный выпуск столь нужных стране машин. Но как это сделать? Нет ни специалистов, ни оборудования. «Надо обращаться за помощью к американцам, к Форду» — твердили иные «спецы». Но Киров, который с дотошностью инженера вникал в дело, был категоричен: «Довольно нам фордов!» Упор был сделан на пролетарскую сознательность, рабочую инициативу и смекалку. Через не-

сколько месяцев из ворот «Красного путиловца» вышли 400 тракторов.

...В начале первой пятилетки перед тракторщиками, так называли себя тогда путиловцы, поставлена более сложная задача — довести годовой выпуск от 3 до 10 тысяч машин.

Утро Сергея Мироновича в Смольном начиналось с изучения заводской сводки за прошедшие сутки, а ночью он частенько приезжал на завод: одно присутствие Кирова вселяло уверенность в людей.

— Не знаю, готовы ли вы технически овладеть десяти тысячной программой, — с жаром говорил Киров рабочим и инженерам, собравшимся в заводском клубе, — но коммунистически вы к этому готовы и сможете не только выполнить ее, но и перевыполнить, на то вы и краснопутиловцы!

И люди действительно творили чудеса. «Дашь встречный!» — так ответили путиловцы на призыв Кирова. Через год вместо 10 тысяч тракторов с конвейера завода сошло 12 тысяч машин.

В каждом начинании, в каждом достижении ленинградцев неизменно была частица большой, щедрой души Кирова, его редкостного организаторского таланта.

Сам Сергей Миронович видел секрет успехов, достигнутых трудящимися Ленинграда, в дружной, творческой, целенаправленной работе. «Там, где мы навалились, — там выходит», — говорил он с трибуны XVII съезда партии.

Нет, не только для учебных и музейных бережем мы у себя на заводе кировские традиции. Они наше духовное богатство, наше оружие, наш надежный рабочий инструмент. Конечно, мы ушли далеко вперед, качественно сложнее и

внедрение новых станков и изготовление узлов к трактору К-701М.

Немалый вклад в общее дело вносят комплексные творческие молодежные бригады, которые сосредоточивают свое внимание на «узких местах» производства. Например, коллектив, который возглавляет молодой токарь Владимир Голиков, лишь за один год разработал и внедрил около 20 технических новинок.

«Лицом к технике, к науке!» — призвал молодых Киров. И мы стараемся, чтобы как можно больше молодых рабочих приобщалось к рационализаторству и изобретательству. С этой целью при комитете ВЛКСМ открыты университет экономических и научно-технических знаний, школа молодого рационализатора.

Сергей Миронович любил молодежь, часто выступал перед комсомольским активом области. «Комсомол, — говорил он, — это всходы, выросшие уже на советской ниве. Прекрасные всходы, — добавлял Киров, — и поэтому им нужно уделять большое внимание».

Прямо, открыто, не заигрывая с молодежью, Киров указывал комсомольцам на их недоработки. Справедливые упреки от Сергея Мироновича приходилось слышать и молодым путиловцам. К ним он предъявлял повышенные требования, зная, что на комсомол «Красного путиловца» равняются другие.

Кировская требовательность и ныне присутствует в нашей работе. Успокаиваться, почивать на лаврах нам нельзя. Честь марки завода, носящего имя Кирова, ко многому обязывает. Понятно, что о нашей работе люди судят по качеству и надежности наших тракторов. Но все начинается с чести и честности тех, кто их делает.

Им следуют
молодые рабочие
ленинградского
объединения
«Кировский завод»,
выполняя решения
XXVII съезда КПСС.

Комитет комсомола объединения, где работают несколько тысяч юношей и девушек, не упускает из виду и проблемы идеино-политического, нравственно-воспитания. И тут опять вспоминается Киров. Не псаломщиком коммунизма, а «живым коммунистическим борцом» хотел видеть Сергей Миронович каждого молодого человека Страны Советов. Бойцом, умеющим отвечать за свои поступки и готовым, говоря словами Кирова, «со всей большевистской яростью ополчиться против тех недостатков, которые тормозят наше строительство».

Большая, разнообразная работа ведется у нас в молодежных общежитиях, в подшефных школах. Стремимся дойти до каждого. Хотя, честно сказать, многим активистам не мешало бы поучиться индивидуальному подходу к «трудным» у наших замечательных ветеранов. Таких, как Усман Закирович Каримов, в прошлом парторг тракторосборочного цеха, где как раз и состоялся на партучете Киров. Таких, как Валентина Максимовна Баженова, пионервожатая с довоенным стажем. Вот уж кто работает не за страх, а за совесть! И по сей день у этих людей, хорошо знавших Мироньча, крепка кировская закалка.

Словом, за какое дело ни возьмись, всегда перед нами живой, незабываемый образ Кирова, его большевистский пример. В каждом деле, в каждом нашем свершении Киров с нами. Так было, и так будет.

СЕРДЦЕ ОБЯЗЫВАЕТ

Премий Ленинского комсомола недавно удостоены директора лучших детских домов страны

Директор детского дома... Трудно представить себе должность более хлопотную и ответственную. На его плечах забота о сотнях юных душ. И для того, чтобы обогреть их все, надо прежде всего самому иметь большое и доброе сердце. Быть человеком бескорыстным и самоотверженным.

Нам приятно представить читателям «Смены» директоров трех детских домов, недавно отмеченных за успехи в коммунистическом воспитании подрастающего поколения высокой наградой — премией Ленинского комсомола.

Фаина Андреевна Соколова работает в должности директора детского дома уже тридцать восемь лет. Один из главных принципов, по которому строятся взаимоотношения в ее детском доме, — «без замков, звонков и уборщиц». Без замков — значит на полном доверии друг к другу. Без звонков — никакой казенщины в отношениях с ребятами. Без уборщиц — на полном самообслуживании.

Антонина Павловна Хлебушкина. В годы войны она стала директором Ташкентского детского дома для сыновей и дочерей защитников Сталинграда. Среди ее воспитанников — министр, инженеры, рабочие, механизаторы, строители и, конечно, учителя. Не так давно в доме сыграли пятьдесят девятую свадьбу.

Вячеслав Павлович Рязанов. Из прожитых тридцати пяти лет двенадцать работает педагогом. По общему признанию, жизнь детей в Татановском доме мало чем отличается от жизни в доме родительском. Самоуправление, поощрение ребячьей инициативы — закон жизни этого коллектива.

Фаина Андреевна СОКОЛОВА,
Яснополянский детский дом
Щекинского района
Тульской области

Недавнее постановление партии и правительства об усилении внимания к детским домам — это радость для всех, кто причастен к этому делу. Многие мы можем теперь купить по безналичному расчету. Многие, но не все, что необходимо. Особенно из одежды, обуви, других промышленных товаров. Пора бы на практике реализовать те возможности, которые открыты постановлением.

...Что я считаю особенно важным в работе с детьми? Конечно, трудовое воспитание. Наши ребята хорошо шьют, с удовольствием работают в подсобном хозяйстве. Прошлой осенью собрали пятнадцать тонн одних только яблок, не считая овощей. Необходимы детям и занятия спортом. И жаль, что нет у нас спортзала, бассейна. Еще одна проблема, которую надо решать, на мой взгляд, незамедлительно, — обеспечение наших выпускников жильем. Ведь нередки случаи, когда, даже окончив институт, молодой человек вынужден годами ютиться в общежитии. Причем без всяких перспектив на получение собственного жилья. Не о квартире отдельной я говорю, а хотя бы о комнатке в коммуналке, маленькой, но своей. Это было бы логическим продолжением заботы государства о человеке, не по своей вине обделенном родным домом.

Антонина Павловна ХЛЕБУШКИНА,
детский дом Министерства
строительства Узбекской ССР

Нынешний Новый год мы встречали вместе с бывшими воспитанниками. В гости к нам пришли более ста человек, многие со своими детьми — то-то была радость! А уж нашим подопечным, я считаю, просто необходимы подобные встречи — такой заряд оптимизма они дают!

Вторая новость — на полную мощность заработал наш огород, а это де-

сят гектаров земли. Сами растим теперь картошку, морковь, свеклу. А к праздникам из плодов собственного сада наварили полтонны персикового варенья... Приезжайте пробовать, гостям мы всегда рады. И добираться до нас легко: шефы заасфальтировали двухкилометровый участок дороги от дома до основной магистрали.

Возвращаясь к новогодней встрече, отмечу, что традиционная дружба бывших наших воспитанников с нынешними очень крепка. Эти взаимоотношения детей со взрослыми напоминают семейные. Никаким культпоходом их не заменить. Побольше таких встреч я желаю всем воспитанникам детских домов.

Вячеслав Павлович РЯЗАНОВ,
Татановский детский дом
Октябрьского района
г. Тамбова

Недавно хоккеисты нашего детского дома выиграли традиционный турнир «Золотая шайба», стали чемпионами области. А помогли им в этом шефы — производственное объединение «Ревтруд» и облпотребсоюз. Это они обеспечили команду формой для выступлений, самым лучшим хоккейным снаряжением.

Шефы для нас — надежная поддержка. Это они принимают в своих пионерских лагерях — бесплатно, разумеется, — наших ребят. Это благодаря им дети побывали в Волгограде, Мичуринске, многих других городах. Сводный педотряд — комсомольцы производственного объединения «Ревтруд», педагогического института, педучилища, тамбовского филиала Московского института культуры — наш верный помощник в дни проведения соревнований, праздников.

Комсомольцы тамбовских школ стали для многих наших ребят друзьями. Они несут к нам то самое тепло, которого так не хватает нашим воспитанникам. У нас в доме я очень люблю воскресные вечера, когда хозяева и гости, разбившись группками, тихо сидят, разговаривают. О книгах, о телепередачах. Обо всем...

Фото Виктора ГУСЕВА, Михаила КУЗЬМИНСКОГО, Виктора ЧЕРНОВА

САША
КОЛУШЕНКО.

АЛЕША
БЕДЕРДИНОВ.

ния родителей, в домах ребенка, детских домах и школах-интернатах». В конце года Президиум АПН СССР создал лабораторию.

Приступая к своей работе, очерчивая круг научных и педагогических поисков, лаборатория сразу столкнулась с проблемой: или уйти в узкопрофессиональные, пусть и чрезвычайно важные проблемы, или попытаться стать еще и всеобщим центром самой широкой общественной деятельности, исходя из той простой мысли, что современное сиротство, забота о нем не только педагогическая, но и высокая гражданская, общественная, народная задача. Многие в предполагаемой работе выходят за пределы лишь одних исследований и педагогических методик и призвано активно внедряться в такую сферу, как общественная мораль.

Вот как определяет лаборатория принципы своей работы:

— решает задачу, поставленную ЦК КПСС и Совмином СССР перед Академией педнаук СССР в этой области, а именно: разрабатывает научно-методические рекомендации по организации жизни и деятельности воспитанников разных возрастных групп в детских домах и школах-интернатах с

учетом новейших достижений в области педагогики, психологии, медицины и других наук о человеке;

— ведет активную разработку методов формирования всесторонне развитой личности в условиях детских домов и школ-интернатов для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, расширяет исследования по проблемам формирования детского коллектива и повышения его идейно-воспитательных функций;

— привлекает к проблемам современного сиротства внимание самых широких кругов общественности, стремясь к созданию подлинно народного мнения об ответственности родителей и прежде всего матерей за брошенных детей, о постыдности родительского предательства;

— всеми средствами пропагандирует опыт лучших педагогов детдомов и интернатов для сирот, стремится к укреплению их престижа, привлечению к научным и методическим разработкам, способствует выработке нравственно-этического кредо педагога-патриота;

— участвует в подготовке общих и при необходимости конкретных рекомендаций по укреплению всех форм шефской работы над детскими домами;

Альберт ЛИХАНОВ,
писатель,
зав. лабораторией воспитательной
работы в детских домах НИИ общих
проблем воспитания Академии
педагогических наук СССР

Посмотрите на лица этих детей... Вглядитесь внимательней. И если к вам придет печаль, ощущение беспокойства, если вам удастся прочесть или хотя бы только предположить мысли этих совершенно реальных ребят из подмосковного детского дома «Молодая гвардия» — а он расположен в поселке Внуково, — если вам станет тревожно на душе, а потом вы испытаете ощущение вины, сменяемое действенным желанием помочь этим ребятам — делом, поступком, — то художник достиг своей цели.

Лаборатория воспитательной работы в детских домах и школах-интернатах для сирот НИИ общих проблем воспитания Академии педнаук сделала «социальный заказ» молодому графику Антону Куманькову: нарисовать серию портретов ребят из детского дома. Готовы уже десятки листов, часть которых публикуется здесь. По существу, это целая выставка, и, будем верить, выставка такая скоро состоится в стенах Академии педагогических наук.

Но почему лаборатория академии дает заказ художнику? Нет ли здесь определенной неестественности положения? Или, напротив, чего-то нового?

Чтобы объяснить это, требуется небольшое отступление.

В январе 1985 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О мерах по улучшению воспитания, обучения и материального обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попече-

лица ДЕТЕЙ

ЮРА НЕКЛЮДОВ.

СЕРЕЖА АНДРЕЕВ
И АЛЕША МИЛОХИН.

СЕРЕЖА АНИСИМОВ.

ИРА ЧЕХОВИЧ И ЭЛИА БОБЫЛЕВА.

СВЕТА КЛИМОВА,
ТАТЬЯНА
НИКОЛАЕВНА
ЖЕЛУДКОВА
И АНЯ ВОЛКОВА.

И ДОЛГ ВЗРОСЛЫХ

— способствует участию общественности, научной, технической, художественной интеллигенции во внешкольном и внеклассном образовании и воспитании детей, оставшихся без родителей, участвует в подготовке выставок, выпуске художественной литературы, считая одной из важных своих задач работу «на стыке» педагогической науки, воспитательной практики, литературы, искусства и всех иных форм влияния на душу подрастающего поколения.

Это общие принципы. Есть и конкретные задачи, но они суть план практической работы, выполнить который лаборатория сможет с помощью педагогов-ветеранов, специалистов в разных сферах знаний, включая медицину и искусство, проектирование и разные отрасли промышленности.

Но все это возможно и имеет смысл при одном всенепременном условии — при условии, что общественность не забывает о проблеме детского дома, родительской, а это значит — взрослой ответственности, при условии, что партийные организации проявляют повышенный интерес не только к детям без родителей, но и к родителям, бросившим детей, что комсомол вкладывает все новую и новую энергию в это святое дело, что профсоюзы, директора предприятий-шефов, работники народного образования, средства массовой пропаганды постоянно и последовательно следят за темой обоюдострой, подвигающей от слов и добрых чувств к реальным плановым делам и добрым действиям.

И все же многое начинается с сердца!

С простого человеческого волнения!

Художник Антон Куманьков нарисовал цикл детских, вполне конкретных портретов, но в лицах этих ребят есть одно общее: неизбывная печаль, ранняя суровость, одиночество.

Можно ли быть спокойным, зная о живущем в нашем мире детском одиночестве?

Вот вопрос, которым стоит поверить взрослые чувства и реальные поступки.

Впереди каждого доброго дела идет доброе чувство. Испытывая его — не уклониться, а довести до конца начатое, — что может быть действенней и порядочнее?

Не к этому ли подвигает нас сам дух нашего времени?

Итак, взгляните еще раз в эти лица.

Вспомните: каждый год в конце марта проходит всесоюзная неделя «Творческая молодежь — воспитанникам детских домов». Но круглый год открыты двери детских домов для шефства, для всякого доброго почина!

Перевернуть дело, о котором речь, не по силам ни лаборатории, ни педагогическому ведомству, ни армии воспитателей, а их ведь далеко не армия, ни шефам, если каждому действовать в одиночку.

Только всем миром, только обществом можно одолеть беду. И всякому тут найдется дело по душе. Стыдно только одно.

Стыдно отворачивать глаза и совесть при виде и знании детской печали.

ИНТЕРЕСЫ ДЕЛА И ЛИЧНЫЕ ИНТЕРЕСЫ КАЖДОГО ИЗ НАС. КОГДА ОНИ СОВПАДАЮТ, РЕЗУЛЬТАТЫ НЕ ЗАСТАВЛЯЮТ СЕБЯ ЖДАТЬ. И СЕГОДНЯ, КОГДА РЕШЕНИЯ ПАРТИЙНОГО СЪЕЗДА ТРЕБУЮТ, ЧТОБЫ КАЖДЫЙ СТАЛ ПОЛНОПРАВНЫМ УЧАСТНИКОМ ОБЩЕГО ДЕЛА, ТРЕБУЮТ УСИЛИЙ, РЕГЛАМЕНТИРОВАННЫХ НЕ ПРАВИЛАМИ И ПАРАГРАФАМИ, А СОЗНАТЕЛЬНОСТЬЮ, ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ, РАБОЧЕЙ СОВЕСТЬЮ И ЧЕСТЬЮ, ОСОБЕННО НЕТЕРПИМО ВСЕ ТО, ЧТО СДЕРЖИВАЕТ НАШИ УСТРЕМЛЕНИЯ К НОВОМУ КАЧЕСТВУ РАБОТЫ И ЖИЗНИ. МЫ НЕ МОЖЕМ, НЕ ИМЕЕМ ПРАВА ЗАКРЫВАТЬ ГЛАЗА, КОГДА ТРЕБУЕТСЯ РЕШИТЕЛЬНОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО, КОГДА ТРЕБУЕТСЯ ВОЗВЫСИТЬ СВОЙ ГОЛОС, ЧТОБЫ ОТСТОЯТЬ ПРАВДУ. ОБ ЭТОМ ПИШУТ В РЕДАКЦИЮ НАШИ ЧИТАТЕЛИ.

Что волнует молодых

Не сказали правду в глаза...

Каждый человек хочет, чтобы его уважали, каждый добивается этого. Но как? Один — добросовестным, честным трудом. Другой старается быть со всеми в хороших отношениях. А есть и такие, кто умудряется бравадировать своей ленью, умением увильнуть от работы. Что это? Поза, «игра»? А если жизненный принцип, позиция? Кто тогда виноват, что человек стал таким? Не мы ли сами? Ведь это мы его вовремя не одернули, не заставили задуматься, как он живет, не сказали правду в глаза...

Петр САНИН

Ты лучше сразу говори: что надо? Родионов наклоняет голову, смотрит на Цветкова поверх очков. За три года работы начальником участка Михаил Родионов успел привыкнуть, что Виктор Цветков периодически кладет ему на стол заявление об уходе «по собственному». Полежит оно месяц-полтора, потом надо подойти к Виктору, похлопать по плечу: брось ты, мол, с этими заявлениями, а мы тебе разряд повысим, или отпуск летом дадим, или просто десятку к зарплате накинём.

На этот раз Родионов не стал ждать, спросил сразу: что надо?

Цветков отреагировал мгновенно:

— Еще сто рублей.

И не понять, задирает молодого начальника или просто уходит от разговора.

— А может, пятьсот?— Лицо Родионова становится серьезным, он прячет заявление в ящик стола, а Виктору глазами показывает на дверь. Михаил знает, через неделю этот разговор повторится и повторяться будет до тех пор, пока наконец Виктор не выложит прямо, чего он хочет. Возможно, конечно, Цветков и сам еще толком не придумал, что именно требовать, ждет, пока Родионов сам предложит или отпуск летом, или десятку лишнюю. Найдет, где ее взять.

Каждое утро Михаил Родионов проходит мимо заводского отдела кадров. Нет, не видно у этих дверей толпы желающих устроиться на работу к нему, Родионову, на участок хозспособа отдела капитального строительства Ленинградского сталепрокатного завода. А в штатном расписании четыре-пять мест, как правило, вакантные. Вот и сложилась «традиция»: подашь заявление об уходе, так в ножки поклонятся, только бы не ушел.

Кланяться Цветкову Родионов не собирался, но и терять такого работника тоже не хотелось. Еще бы, единственный хороший сварщик на две бригады бетонщиков. К любому делу привычен. А уж в рабочей смекалке никто с ним не сравнится.

Когда строили вентиляционную камеру в пятом цехе, надо было поднять калориферы — тяжелые, неудобной для подъема формы — на восемнадцатиметровую отметку. Ребята уже примеривались, как тягать их на спине через десяток лестничных пролетов.

Что ж, таскайте, посмеивался Цветков, посмотрю, как вы мучаетесь. Посмеивался, а сам починил старую лебедку, к тросику приделал крюк. Нажал кнопку — калорифер наверх. За ним второй, третий, пятый, восьмой. И все — за каких-то полчаса!

Да, хороших работников ценят. И это Виктор отлично понимает. Потому часто и напоминает о себе, пусть даже таким странным образом, как заявление об

уходе. Пускай поговаривают — больше ценить будут.

Было дело. Пришел на участок новый мастер. В первый день ему поручили вместе с Цветковым привезти сварочный аппарат, лебедку и сорок метров металлического уголка с одной из площадок завода, находящейся в Московском районе города.

Приезжают на место, мастер сидит в кабине, ждет, пока Виктор организует все дела.

— Меня тут знают, — похвалился тот, — только глазом моргну — и у нас полный кузов.

Мастер ждет час, два. Кузов пуст. Мастер идет искать Цветкова. Тот в компании приятелей — сидят, балагурят.

— Не отдадут они лебедку, — кивает на приятелей Виктор. — Им самим нужно.

— Ну, хоть уголок погрузим, ребята, не зря же машину гоняли! — взмолился мастер.

— Тебе надо, ты и грузи. — И опять спины показали.

Грузовик вернулся на завод пустой...

Здесь хочу остановиться и признаться, что знаю Цветкова хорошо. И мастером, с которым Виктор ездил на филиал завода в Московском районе, был я. С тех пор прошел год, но мне хорошо запомнился тот случай и особенно реакция на него Родионова:

— Витя — золотой человек. Не раз тебя выручит, он на все руки мастер. А почему он себя так повел, ты понял?

— Почему?

— «Подмять» он тебя хотел. Показать, что ты хоть и начальник, а без него ничего не сможешь.

Что ж, если на то пошло, мне Цветкова «подмять» полгоче. В моей власти и премию снять, и выговор ему сделать, и отпуск на зиму перенести: дескать, ты, Витя, мне пустой кузов, а я тебе — зимний отпуск. Но чего я этим добьюсь? Очередного заявления об уходе?

В отношениях с ним нужна была какая-то определенная линия, и для начала по всем производственным вопросам я стал обращаться не к Цветкову, бывшему тогда и. о. бригадира, а к другим рабочим. Виктор оставался в стороне и твердил свое: «И лебедки не будет, и аппарата не будет...»

А ребята между тем трудились, дело шло неплохо. И каждый маленький успех — без участия Цветкова — угрожал

его лидерству. Тогда-то и наладил Виктор лебедку старую и крюк свой хитрый к ней приделал.

— Я же говорил, что Витя не раз еще нас выручит, — кивнул мне Родионов.

— А если опять придет сейчас с заявлением и будет за свой крюк... «чаевые» выпрашивать?

Слово «чаевые» Мишу задело:

— В чем ты видишь «чаевые»? В премиях? Так Цветков их заслуживает. В отпуске летнем? И это он заслужил.

Потребность в самоутверждении, желание быть лидером способствовали развитию предприимчивости, изобретательности, инициативы этого рабочего. С другой стороны... Опять вспоминалась мне наша поездка.

Во всех поступках Цветкова, хороших и плохих, видно было желание, чтобы его признавали, уважали, считались с его мнением. Желание хорошее. И уважения, признаюсь, он заслуживал. Заслуживал своим трудом.

Но уважение к рабочему человеку, к его труду проявляется не только в моральном отношении. На производстве оно проявляется и в материальном выражении. Пусть в отпуске летнем, пусть в десятке. Не лишней — заработанной.

Да, человек самоутверждается в труде. Но какими стимулами и насколько умело мы побуждаем его к тому, чтобы утверждение это было на пользу нам — коллективу, обществу? Ведь это не столько материальный, сколько — и в первую очередь — моральный просчет,

ПОЗИИ

Леонид СМЕРНОВ,
мастер Ленинградского
сталепрокатного завода

ИЛИ

когда рабочий с золотыми руками в день зарплаты видит, что лодырю начислено столько же. Сколько грамот ему ни вручай, какими благодарностями в его адрес ни увешивай доску приказов, прочно западет в душу рабочего обида...

Был у нас такой случай. Устанавливали новый станок в первом цехе. Под его фундамент надо было пробить отбойным молотком десять двухметровых траншей в бетонном полу. Поставили мы на эту работу двух молодых парней — Георгия Лаврова и Валерия Нестерова. Пока они искали молоток, пока шланги, пока перекурили — день прошел. Только на второй день долбить начали. Потом молоток разобрали, что-то покрутили внутри, снова собрали.

На третий день первую траншею все-таки домучили. На четвертый перевозу их на другой объект, в первый цех ставлю опытных рабочих — Иванова и Воронцова. Разметил для них по чертежу две траншеи, ушел. Не прошло и часа, Воронцов заглянул в конторку:

— Давай, мастер, размечай дальше, где долбить.

Разметил остальные семь траншей. До конца дня Иванов с Воронцовым их сделали. Девять за один день!

Подошло время закрывать наряды, так неужели той неспешной паре молодых закрывать так же, как Иванову и Воронцову?

Начальник участка посмотрел на составленный мною расчет, улыбнулся:

— Ну что, вот ты и сам начал давать—как это ты там выразился?—«чаевые» передовику.

Миша ехидничал, но и для него было очевидно, что если мы будем начислять лучшим рабочим такой же заработок, как лодырям, то лучшие просто уйдут от нас. Или, что еще страшнее, начнут со временем работать так же, как те, неспешные. В той или иной форме сами выразят протест против «уравниловки».

— А что, если нам внедрить КТУ?—вполне логично возник у меня вопрос.

— Сам с рабочими ругаться будешь?—спросил на всякий случай Родионов.—Я в свое время вдоволь наругался.

На собрании к идее внедрения КТУ отнеслись холодно. И почему-то против были именно лучшие рабочие, для которых внедрение КТУ было бы материально выгодно. Несогласие мотивировали спецификой работы заводских строителей: ведь мы не крупное строительное подразделение, которое ведет работы на постоянном объекте и может принять подряд. Мы занимаемся в основном «латанием дыр» — где станок поменять, где простенок из кирпича выложить, где еще сделать какую-нибудь срочную, но мелкую работу. Поэтому в течение дня рабочие наши разбросаны по территории всего предприятия. Были б они все время рядом, «на глазах», можно было бы и оценить трудовой вклад каждого объективно, а так...

Истинная причина (хотя о ней никто и

работа вроде кипит, а чуть отошел — сели в тенечке, покуривают. Мастер может и не заметить, у него и без того забот хватает. А бригадир Иванов все заметит. Он рядом работает. Да так, что на его фоне лодыря сразу видно. Бригадир выставляет процент премии каждый день. В конце месяца мастер вывел среднюю цифру: простая арифметика — и никакой дележки. Жалуйся не жалуйся на бригадира, а как ты поработал, увидишь в получку.

Увидели. От иных, столь же «энергичных» в работе, как Нестеров, Лавров или Валерий Пасменко, вскоре легли на стол заявления об уходе. Зато не поступало больше таких заявлений от Цветкова.

А тем временем троице «неспешных» нам пришлось сделать неприятность. Очень, честно скажу, не хотелось этого. Несколько листов бумаги порвал я, пока составил докладную записку, подготовил проект приказа о лишении ребят премии.

Рубцов, начальник ОКСа, хмурился, читая мои бумаги, в глазах его было сомнение:

— Еще почти весь месяц впереди... Да, было шестое число. А что значит снять рабочим премию в начале месяца? Это значит, что все оставшиеся до тридцатого числа дни ребята, как и прежде, будут приходить на работу, но в сознании у них появится одна опасная для дела, расхолаживающая и руки, и головы мысль: ради чего стараться? Премия все равно уже снята, как ни трудись, а в получку тебе выплатят лишь голый тариф.

И все-таки в тот день нельзя было обойтись без наказания.

В тот день Лавров и Нестеров пришли на работу с опозданием — без четверти восемь. Ну что ж, вот вам, ребята, возможность исправиться: срочное задание. Задание, надо сказать, не из приятных. Смежники заасфальтировали люки отстойников, которые недавно мы построили. И теперь нам предстояло

разбивать асфальт, вслепую искать эти люки и все это сделать быстро, пока смежники не пришли класть второй, последний слой асфальта и не замуровали люки окончательно.

Наша троица «неспешных» начала ковыряться в асфальте. Стоило мне отойти, ребята бросали ломы.

— Прошу вас, побыстрее, — не выдержал я.

— А почему я должен эти люки откапывать? — выпалил Жора Лавров. — Я, что ли, их заасфальтировал?

— Видите, ребята, если мы их не откапаем сейчас, потом придется долбить двойной слой асфальта. Самим же хуже будет.

Жора нехотя поднялся.

Сколько ни воспитывай Жору, сколько ни трать слов, факт с люками его тоже «воспитывает». И все же, если мы не найдем люки сейчас, пойдет насмарку труд намного больший.

Пройдя уже полтерритории завода, я повернул обратно. Ребят на месте не оказалось. Только в час дня я их встретил наконец у раздевалки.

— Где были? — спросил спокойно, насколько мог.

— Квас ходили пить.

Не знаю, педагогично я поступил или нет, но ответил еще спокойнее:

— Ребята, я не кричу, не ругаю. Все увидите в зарплату. Как поработали, так и получите.

Поднялся в конторку, достал бумагу,

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 7 (1413) АПРЕЛЬ 1986

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
воспитанники
детского дома
«Молодая гвардия»
Андрей Хорольский
и Дима Репин.

Рисунок
Антон КУМАНЬКОВА.

1 К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С. М. КИРОВА.
«ВЫСОКИЕ ТРАДИЦИИ».

2 ДЕТСКИЙ ДОМ — ТЕПЛЫЙ ДОМ.

4 XXVII СЪЕЗД КПСС ТРЕБУЕТ ОТ НАС...
ЧТО ВОЛНУЕТ МОЛОДЫХ.

9 ПУБЛИКАЦИИ «СМЕНИ».
ПРОЗА ЮРИЯ КАЗАКОВА.

15 НОВАЯ ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ДИСКУССИЯ
«ОТСТУПИТЬ ИЛИ ОДОЛЕТЬ?».

16 «СЕГОДНЯ Я ЛЮБЛЮ, СЕГОДНЯ СЧАСТЛИВ Я».
Стихи о любви.

18 НРАВСТВЕННАЯ НОРМА.
Ираида ПОТЕХИНА. «КОНФЛИКТ НА СОЛОВКАХ».

20 НАУКА — ТЕХНИКА — ПРОГРЕСС.
«ПАПА, МАМА, Я И... КОМПЬЮТЕР».
Фотоочерк Петра НОВИКОВА.

21 ТВОЙ СОБЕСЕДНИК — ЧЕМПИОН.
«ЖИЗНЬ НА ЛЬДУ И ПРОСТО ЖИЗНЬ».

24 СИЛУЭТЫ.
Юрий НАГИБИН. «АННЕНСКИЙ».

28 ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА.

29 Повесть Николая ЛЕОНОВА
«ОБРЕЧЕН НА ПОБЕДУ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: В. И. ВИНОКУРОВ, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ (ответственный секретарь), В. И. ДЕСЯТЕРИК, М. Г. КИЗИЛОВ (заместитель главного редактора), А. П. КУЛЕШОВ, И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора), Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантросов. Технический редактор А. В. Гусева.

© Издательство «Правда». «Смена». 1986 г.

СМЕНА ПОЭЗА?

не обмолвился на собрании), по которой КТУ отвергли, была в другом: к нему уже отбили на участке вкус. Отбили тем, что определяли его неправильно. Собирались в конце месяца и представляли каждому коэффициент. Споры, недовольство, атмосфера дележки. Действительно надоед ругаться.

Как же теперь возродить коэффициент? Решение предложил нам начальник ОКСа Игорь Викторович Рубцов: выставлять КТУ каждый день, по свежим следам. Только не совсем КТУ, раз уж его отвергли, а процент премии, начисляемой дополнительно к тарифу. Как сегодня поработал — такой процент премии выставляет против твоей фамилии бригадир.

Ни преждевременный уход, ни опоздание, ни просиживание без дела не оставлялись теперь без последствий, все фиксировалось бригадирами. Слово «КТУ» ни разу не употреблялось. Но то была лишь простенькая хитрость, поскольку оттенок осторожности к этому слову еще оставался. По сути же, КТУ ожил в новой форме... и заработал.

В том, что он заработал, мы с начальником участка убедились, когда в конторку к нам зачастили Лавров и Нестеров с обидами на бригадира Иванова. Да, раньше, когда их работу контролировал только мастер или же начальник участка, умудрялись ребята одну траншею три дня долбить. Мелькнул мастер на горизонте — хватать отбойник в руки,

на одном листе вывел: «Докладная записка», на другом: «Приказ». С этими бумагами я и пришел к Рубцову.

На следующее утро копии приказа висели уже в конторке и в рабочей раздевалке. Я ждал реакции. Долго ждать не пришлось.

— Это за чтой-то нам премию срезали?— выпалил Лавров, переступая порог.

Я не хотел для ребят ничего плохого. Хотел только одного— чтобы они делали дело. Неужели нельзя без выкручивания рук заставить наших «молодых» работать? Ведь в армии-то вкалывали, командирами отделений были. Хотя догадываюсь, откуда «влияние». Работал тут один парень, Руслан. Специально не называю фамилию— он еще молод, неглуп, и многое еще в его жизни, во взглядах, думаю, изменится. Ушел он из ОКСа в другой цех, но на наших молодых рабочих повлиял очень сильно. Руслан тоже «самоутверждался». Самоутверждался в противоречии всему и вся.

Бывают противоречия принципиальные. Ими в конечном итоге мир движется вперед. Но бывают противоречия из-за упрямства, позы. Говорят: «работай», а я не буду, работу мне дали глупую— люки выковыривать, инструмент мне дали древний— лом. Безобразия! Сидит такой Руслан, «беломоринкой» попыхивает, сам к инструменту не притронется, а всех «разоблачает». Смело вроде бы, принципиально.

Так он и «самоутверждался» в глазах молодых ребят. И «молодые» наши тоже стали посиживать да «разоблачать». Действительно, проще на словах возмущаться беспорядком и любоваться, какой ты умный, как ты все понимаешь, как видишь все, что не замечает начальство, и как смело, как принципиально бубнишь себе под нос.

К концу дня ребята нашли все-таки один из люков. Найдя первый, легко высчитали, где расположен второй. Подняли лючины, установили их на бетонные кольца, забетонировали. Так кончилась эта срочная, необходимая и в то же время глупая работа.

Что теперь поручить ребятам? Они шли за мной, опустив головы, в глазах, если случалось встретиться взглядом, я видел обиду: «Сейчас дадут нам какую-нибудь яму рыть, а серьезная работа— опять «старикам».

А справитесь с серьезной-то? Вопрос этот я не задал, не хотел обижать. Просто отвел их в шестой цех, где нам предстояло устанавливать крупный станок.

И вот уже второй день Лавров и Нестеров пробивают отбойными молотками бетонный пол на полуметровую глубину. Потом здесь по уровню поставят станок, в выдолбленные отверстия заведут анкерные болты, зальют их бетоном, и станок будет стоять незыблемо. То, что мы делаем, самым прямым образом связано с известной программой ленинградцев «Интенсификация-90», ведь основная задача нашего участка— обновление парка технологического оборудования. Есть у нас и такие станки, которые работали здесь, когда Лаврова и Нестерова еще на свете не было, ведь завод наш— одно из старейших предприятий Ленинграда, скоро ему исполнится 130 лет.

...Я уже собирался идти домой, сидел в конторке, когда в дверь постучали. Вопрос, с которым пришел Лавров и Нестеров, меня настроил: они хотели поработать в субботу. Я понимал, зачем им это нужно— все-таки двойная оплата. Но шепски с установкой этого станка не было.

— Смотрите, ребята,— показываю им расценки.— Сегодня вы заработали по восемь рублей. А за субботу вам как платить? По двойной?

— По двойной.

— А делаете вы в субботу каждый на шестнадцать рублей? Нет. Не под силу. Все равно ведь на восемь сдела-

ете. А государство заплатит вам по шестнадцать. И вот вы придете в магазин с шестнадцатью рублями каждый. Купите продукты, какие-то вещи. Ровно столько, сколько люди произвели на эти шестнадцать рублей. Но сами-то вы произвели только на восемь.

— А вот недавно мы вообще за день ничего не сделали,— прищуривается Жора,— а все равно ведь заплатили за простои.

— А ты не догадываешься, что эти деньги государству вернешь?

— ?

— Придешь когда-нибудь машину покупать— вернешь. Или еще что-нибудь, что продается намного выше себестоимости.

— Значит, машины дорогие потому, что именно мы плохо поработали?— спрашивает Валера Нестеров почти обиженно.

Мы говорим долго. Как могу, помогаю ребятам самим додуматься. Говорим о том, что экономика— это не какие-то отвлеченные вещи. Вершим этим мы, миллионы конкретных людей, таких же, как Жора и Валера, вершим каждый день своим трудом. А если и получаем деньги за простои, за передельвание брака, за поливание огорода под дождем, то все равно остаемся внакладе, поскольку не обеспечили эти рубли никакими продуктами труда.

Спор наш закончился подсчетом. В субботу решили отдыхать, а на весь оставшийся объем работ составить единый аккордный наряд. Выполните его за неделю или за месяц— дело ваше.

В понедельник я не следил за работой ребят. И когда к концу дня заглянул в шестой цех, приятно удивился— сделано было довольно много.

Во вторник... Во вторник обстановка резко изменилась. Главный инженер ОКСа дал задание: бросить все силы на четвертый цех. Там надо демонтировать старые прокатные станы, поставить новые. Сроки самые сжатые. Придется организовать две смены.

Лавров и Нестеров, похоже, приуныли: только наладили дело в шестом цехе, только почувствовали, что значит самостоятельно вести объект, работать на отдельный наряд, и вот все бросай, иди на новое место...

И началась в четвертом цехе схватка с бетоном. В пылу работы не до того, чтобы останавливаться, любоваться ею. Но в памяти надолго осталось: на бетонном полу, прочно и широко расставив ноги, уперлись руками в отбойные молотки Лавров и Нестеров. С ребят летит пот, и один из шлангов, идущих от компрессора, не подсоединен к молотку, а просто подвешен, да так, чтобы струя сжатого воздуха обдувала разгоряченные лица. Скульптура, и только!

Рядом— Виктор Цветков. Разобрал отбойный молоток, залил маслом, вставил новую пику. Он больше всех из ребят понимает в механизмах. Сам еще сравнительно молод, 35 всего, но за хорошую работу записали мы его в «старики». А теперь вот с «молодыми» рядом трудится. И работают они на равных.

...Днем, вернувшись в четвертый цех, я увидел, что компрессор выключен, отбойники брошены на пол, а ребята посиживают в уголке и... Тут у меня как отнялось все: сидит с ребятами Руслан со своей неизменной «беломоринкой» в зубах и рассуждает на любимую тему.

— В гробу я видел эти оксовские расценки... Заплатят вам, держите карман!— доносились обрывки фраз.

Захотелось повернуться и уйти. Но тут встал Жора Лавров, потрогал мотор компрессора:

— Остыл! Кончай перекур!— И взял в руки отбойник.

Что волнует молодых

Сколько можно планировать брак?

Дорогая редакция! Просим разобраться в сложившейся на нашей швейной фабрике обстановке. Мы выпускаем изделия, не пользующиеся спросом у покупателей. Торговые базы закупают у нас одежду, бракуют и возвращают на фабрику. В прошлом году, например, «завернули» в одном месяце 200 женских пальто стоимостью по 150 рублей— был выявлен конструкторский брак. Вызвали из объединения технолога, но он устранить дефект не смог. Администрация, прекрасно зная, что мы сошьем плохие пальто, дала разрешение на выпуск той модели.

Потом стали шить мужские плащи, модель 12619, цена сто рублей. И все повторилось снова: обнаружился конструкторский дефект, но мы продолжаем шить эти плащи. Иначе говоря, переводим зря уйму дорогостоящего сырья. Пропустили уже 400 плащей с браком... Мы, конечно, понимаем, что план—закон. Но ведь выпускать плохие вещи преступно. Как же быть?

А в каких условиях мы работаем? В цехе по штатному расписанию 58 человек, на самом деле—30—33. Однако планиники этого не учитывают и план «спускают» на полную численность. Чтобы выполнить его, остаемся после работы, прихватываем субботу. Многие из-за этого увольняются... И то сказать: какое уж тут качество, лишь бы успеть выдать количество. Это, конечно, тоже не оправдание, но есть же предел и нашим возможностям.

А смена закончится, выйдешь с фабрики— тут тебе куча других— житейских, бытовых— проблем. Приезжайте— сами увидите. Как в таких условиях жить и работать?

О. ФЕРТЫХ, В. СЕМИНА, Е. РЯБОВА,
Л. КРАСНОЩЕК, всего 25 подписей

Аркадий ПАЛЬМ

Письмо пришло из города Синельниково, что в Днепропетровской области. Когда я приехал на фабрику, знакомился с рабочими, одна смешливая девушка отозвала меня в сторону.

— Хотите, — говорит, — я вам сон расскажу?

Конечно, я захотел. Чувствую— неспроста этот вроде легкомысленный разговор.

— Снится мне кот. Настоящий, в сапогах. Несет в лапах портфель из крокодиловой кожи. И— ко мне: на, бери. Раскрыла я портфель, а там— доллары, фунты, иены... Словом, валюта всех стран. «Это вам за то,— говорит кот,— что такие плащи шьете. Нашим дорогу даете».

Смотрит на меня девушка, ждет реакции. Я поначалу усмехнулся: мол, что за булгаковские сны посещают комсомолец? Но намек-то более чем прозрачный. Горы бракованного товара советливому человеку еще не такие сны могут навевать. Синельниковская фабрика на свои товары получает все больше рекламаций: пятнадцать— в 1981 году, тридцать две, на сумму 55 тысяч рублей,— в минувшем.

Однако и рекламации не дают полного представления о качестве здешней продукции. Те четыреста плащей, о которых пишут в редакции швей, после нехитрых операций «растолкали» снова по торговым базам. Одни «взбодрили» при помощи утюгов, другие просто перевели во второй сорт, десяткой подшевели. Словом, вряд ли вы, читатель, купите такой плащ.

До боли знакомая картина: в магазине готовой одежды вешалки буквально забиты плащами, пальто, куртками разных фасонов и расцветок, а покупатели подойдут, посмотрят, пощупают, да так и уйдут ни с чем. Разве что с чувством

недоумения, а то и откровенного возмущения тем, что подобная продукция вообще оказывается в продаже, предлагается, рекламируется. Возвращать бы ее фабрикам-изготовителям, взыскивать с них все издержки, всю стоимость производства и транспортировки изделий, которые никому не нужны, ни на что не годятся.

Но нет пока у торговли таких полномочий, возвращать разрешается лишь явный брак.

И висят месяцами в торговых залах эти самые плащи, пальто, куртки, и продолжают поступать на склады новые партии точно таких же по низкому качеству, по несовершенности.

Я далек от того, чтобы утверждать, будто вся продукция швейников плоха, но убежден: производство ненужных изделий даже в самых малых количествах— роскошь непозволительная, чистой воды бесхозяйственность.

Практика, подобная укоренившейся в Синельникове, известна давно и столь же давно осуждена как порочная. Тем не менее она до сих пор не только не изжита, но и продолжает по-прежнему пользоваться популярностью у иных горе-руководителей.

Почему же фабрика гонит брак? Я приезжал туда с главным инженером производственного объединения имени Володарского Н. Демурой. Выслушал многочисленные претензии швейников. Нет хорошей ткани. Крайне отсталая материально-техническая база. Старое оборудование. Подводят смежники.

Короче говоря, если все перечислять, не хватит страниц в журнале. Но устроит ли эти объяснения работниц фабрики? Или нас с вами, покупателей?

Очень удобно ссылаться на нерадивых поставщиков, присылающих некачественные материалы. В этом году ситуация сложилась такая: фабрика обеспечена сырьем на две трети действительной потребности. Чтобы восполнить недостающую треть, придется

принимать все, что дадут, в том числе и заведомо плохой материал. Отказаться от него? Нельзя. В Минлегрпроме все еще планируют «от достигнутого», в штуках. Шили в прошлом году, допустим, две тысячи плащей. Теперь давайте столько же плюс пятьсот. Материал, говорите, плохой? Неважно, нам количество требуется.

Вал и качество были и будут заклятыми врагами. Между прочим, принимать сырье низкого качества — значит узаконивать «серую» продукцию, заранее планировать брак. С точки зрения здравомыслящего человека, кому это нужно? Не лучше ли выпускать числом поменьше, зато качеством повыше? Ведь и так базы ломаются от не пользующихся спросом пальто и плащей — куда еще? А когда у поставщиков перестанут брать плохое сырье, то и они, глядишь, призадумаются, как улучшить качество своей продукции. Сейчас же им все равно: что ни предложат — все возьмут.

Понятно, короб больших и малых проблем образовался не за один день. Но далеко не все из них относятся к числу трудноразрешимых. Фабрика в Синельникове даже сегодня могла бы выпускать более качественную продук-

к швейным машинам. Такую вот перспективу предлагает Минлегрпром УССР.

За фабрикой прочно укрепилась репутация предприятия, где нужно работать за двоих. Не каждой женщине это под силу. Особенно тяжело во вторую смену. Немудрено, что здесь большая текучесть кадров. А нехватка квалифицированных работников тоже напрямую связана со снижением качества продукции — это каждому известно.

Валентина Семина, одна из тех, кто написал в редакцию, откровенно призналась:

— Я уволилась потому, что все это надоело. И конца не видно.

Молодая женщина несколько раз ушла с фабрики и снова возвращалась обратно, обремененная разными посулами. Посулы в основном касались улучшения условий труда и быта. Однако ничего не меняется. Теперь ее решение окончательное — уходит работать в детский сад воспитательницей.

Любовь Широкова, профгруппорг: — Конечно, стыдно, что качество низкое. А как ему быть высоким, если у нас на участке не хватает до сорока процентов людей? Работаем не подни-

комсомольцы трафаретные листки — и все. Когда не решаются кардинальные экономические проблемы, эффект соревнования опускается на порядок ниже.

Сейчас Лариса не скрывает своего желания «отбыть» положенный срок на фабрике и уехать в Тюменскую область на ударные комсомольские стройки. Что же не устраивает девушку? Прежде всего условия труда. Кроме того, нет общежития. Живет она с отцом-пенсционером и мамой в Днепрпетровске. Встает в три часа сорок минут. Потом мать провожает ее до электрички. Полтора часа в один конец. Занималась легкой атлетикой, ходила в бассейн и на аэробуку, когда училась в техникуме. Теперь на это нет времени.

...На предприятиях области проходит аттестация рабочих мест. Суть ее — замена старого оборудования, освобождение от ручного труда, реконструкция, а затем и переход на бригадные методы труда. Как свидетельствует Н. Демура, главный инженер производственного объединения имени Володарского, главк запретил им заниматься аттестацией рабочих мест в Синельникове. Причина — реконструкция предприятия не планируется и на двенадцатую пятилетку. Полностью обновить парк машин не представляется возможным: выделяют «единички». А план по-прежнему будет доводиться по достигнутому уровню с прибавкой.

В Днепрпетровском производственном объединении имени Володарского все за научно-технический прогресс. Принято немало решений по этому поводу. Но если внимательно их проанализировать, то все, что так звучно названо «планами ускорения научно-техниче-

нуть на дверь крючок. И так из каждой мелочи вырастает целая проблема.

А вот уже далеко не мелочи. Во вторую смену не найдешь на месте работника медпункта. Не бывает его по вечерам.

В буфете — пачки пересохшего печенья, окаменелые конфеты, пряники и... сигары. Воды ни минеральной, ни фруктовой не оказалось. Отсутствовали и соки — то, чем славится любой прилавок на Украине. Но только не фабричный в Синельникове.

В пяти минутах ходьбы от фабрики — горком ЛКСМУ. Первый секретарь Юрий Алябьев не помнит, когда в последний раз был на этом предприятии. Признался: «по-настоящему» фабрикой горком еще не занимался.

Что же мешало? Спрашиваю: — Кто из членов бюро курирует комсомольскую организацию швейников? — Заборг. Но он в больнице, а пока — инструктор Виктор Шевченко...

Познакомились с Виктором. Не так давно окончил Днепрпетровский инженерно-строительный институт, год с небольшим работал в межколхозной строительной организации. В горкоме — год. «Ведет» село и «по совместительству» швейную фабрику. Со спецификой этого производства знаком «в общих чертах». Пока единственный итог участия в делах фабрики — «создали комсомольско-молодежную смену». Эффект? Никакого. Брак идет и в этой смене — ведь условия труда не изменились.

Беды и заботы работниц не кончаются за порогом предприятия. Трудится здесь в основном молодежь. Большинство приехали издали. Родился ребенок — сиди дома, поскольку детских учреждений крайне мало. Подросток пошел в школу — начинаются новые трудности и волнения. Много лет уже родители тщетно просят горисполком построить пешеходную дорожку через овраг, что лежит на пути в школу, — весной и осенью он становится почти непреодолимым препятствием. Обращались родители по этому поводу и в другие инстанции, тоже безрезультатно. Например, ответственные работники Министерства автомобильной промышленности СССР, в чьем ведении находится самое крупное здесь промышленное предприятие — рессорный завод имени Коминтерна, ответили: мол, пустяк это, будет вам пешеходная дорожка через овраг. Однако слова остались словами. Видно, «пустяковые» дела самые сложные.

А в каких условиях учатся дети рабочих? В школе №2 двухсменная, в классах по 40—46 человек. Крайне нужна еще одна школа. Разговоры о ней ведутся давно. Наконец заместитель министра автомобильной промышленности СССР Е. Старенко назвал вроде бы окончательный срок — 1987—1988 годы. Еще 2—3 года ждать! Но и этот срок у многих вызывает сомнение: пешеходную дорожку ведь тоже обещали...

Рессорный завод — одно крыло города, швейная фабрика — другое. На первом трудятся отцы, на втором — матери. Забота об их ребятишках — фактор в городском микроклимате немаловажный. Но этого почему-то никак не хотят понять вполне взрослые, ответственные дяди. Может, потому, что забота о детях никак не отражается на выполнении производственных планов и качестве работы родителей? Еще как отражается!

Целый узел проблем завязался в Синельникове. И каждая из них так или иначе связана с качеством продукции швейной фабрики, о чем пишут молодые работницы. Давно уже настала пора не развязывать — разрубать этот узел. От каких ведомств и организаций это зависит — здесь сказано. Достаточно уже было пустых разговоров и обещаний.

...Уезжал я из Синельникова в ненастную погоду. Холодный дождь зло тараторил по красочному стенду с огромной надписью «Фабрика — дом родной».

ПЛАЩ СЖВОЗЬ СЛЕЗЫ

цию. Но здесь подножку ставят плановики... своего же родного Минлегрпрома. Вот образчик несбалансированности планов: на фабрике по штату должно быть 264 швей. В наличии — 174. Но задание-то доводится на количество рабочих мест, хотя девяносто из них пустуют, и это известно в республиканском министерстве! Спешка, необходимость вытянуть завышенный план по «количеству» заставляют закрывать глаза на мелкие огрехи — некогда исправлять. А из «мелочей» как раз и складывается внешний вид, привлекательность одежды.

Чтоб выполнить нереальный план и «выдать» положенное количество ненужных плащей, швей работают по 3—4 часа сверхурочно, приходят на фабрику и по субботам. Никто не обещает фабрике пополнить списочный состав работниц. Отсутствие 90 человек предлагается компенсировать за счет «внутренних резервов». Если расширять это выражение, получится ясно и просто — сохранять, увеличивать сверхурочные, прихватывать выходные дни. Предлагается и такой вариант — занять помещение красного уголка под первую смену: дескать, она легче, чем вторая, и женщины Синельникова валом повалят

мая головы, и наша ли вина, что от усталости порой швов не различаем?

Галина Митченко: — Оборудование старое, 1972 года. Импортная японская ткань полистер, что называется, «не ложится» на наши машины. Отсюда и такое качество. И, конечно, донимают переработки. Некогда даже в кино сходить.

Разговаривал и с Ларисой Краснощек, контролером ОТК, секретарем комитета комсомола фабрики. Года полтора назад Лариса окончила техникум и по распределению попала в Синельниково. Вскоре ее избрали комсомольским вожаком. Взгляла за работу с энтузиазмом. Как водится, на собрании были выбраны члены комитета комсомола, распределены обязанности. Но на этом все и закончилось. Светлана Изотова, например, отвечает за культсектор. Благодаря ее стараниям провели комсомольцы новогодний «Огонек». Вроде всем понравилось. Но после праздника начались будни с постоянными заботами о плане, конфликтами с механиками и модельерами-конструкторами, постоянной подменой товаров на операциях. В условиях острой нехватки рабочих рук социалистическое соревнование превратилось в формальность. Заполнили

ского прогресса», больше похоже на мероприятия по расшивке узких мест. Хотя в отношении Синельниковской фабрики даже этого не скажешь.

Передо мной бумага, подписанная председателем профкома фабрики Н. Адамовой и адресованная обкому профсоюза рабочих легкой и текстильной промышленности. Читаю: «Коллективом Синельниковской швейной фабрики 9 июля 1985 года обсуждены мероприятия по выполнению коллективного договора за первое полугодие. Проверкой установлено, что в основном все мероприятия по разделам выполнены». А ведь ни один вопрос, касающийся ускорения научно-технического прогресса, даже не ставился в повестку дня!

...Необходимо, думается, рассказать и о том, что напрямую влияет на настроение, самочувствие, работоспособность людей, а стало быть, и на качество их работы. Речь о социально-бытовых условиях на предприятии и в самом городе.

Оказывается, стулья для швей — невысшимый дефицит и распределяет их чуть ли не сам союзный министр. Переодеться работницам тоже негде. Нужно, лучший момент, забежать в комнату к механикам, выставить сторожа, наки-

Что волнует молодых

Что мешало?..

В решениях XXVII съезда партии остро поставлен вопрос о том, что надо резко сократить сроки внедрения ценных изобретений. Полагаю, это относится не только к будущим изобретениям, но и к тем, которые были предложены раньше. Сейчас надо их все как следует рассмотреть и выяснить: что (или кто?) помешало их внедрить? Хорошо бы и «Смене» включиться в это полезное дело: ведь гласность тут очень важна, да и изобретатели в большинстве своем молодые люди.

Наталья ОРЛОВА

Николай ХЛЕБОДАРОВ

Молодой специалист Нияз Шаякберов изобрел «Устройство для защиты электрических сетей от замыкания на землю». Оно было зарегистрировано в Госкомитете по делам изобретений и открытий под номером 162883 в... 1962 году. За это время Шаякберов успел защитить две диссертации, стать уважаемым ученым, доктором наук, успел даже постареть. Но до сих пор ни Госкомитет по науке и технике, ни ВЦСПС, ни ВНИИ релестроения, которые вроде бы должны быть заинтересованы во внедрении изобретения, способного обезопасить труд многих людей, не удостоили Шаякберова своим вниманием. До сих пор в Шаякберове не хотят признать изобретателя. И его устройство по-прежнему не выпускается, а значит, и не применяется.

Необходимость — мать изобретения, говорят знающие люди. У Шаякберова так и было: после окончания вуза его направили на угольную шахту в Киргизию. Там он и столкнулся с проблемой защиты человека от поражения электротоком.

На шахте, конечно, были всевозможные реле, отключающие линию в случае перегрузки или короткого замыкания. Реле срабатывало, отключало ток, а электрику Шаякберову приходилось порой подолгу искать неисправность, ремонтировать и снова подключать линию к сети. Ремонт обходился дорого: было много простоев. Но главное, короткие замыкания не щадили людей. Под землей замыкание особенно опасно: если и не ударит током, все равно попадешь в крошечную темень...

У Шаякберова родилась необычная идея: человек сам должен стать своеобразным выключателем. Коснулся провода, а ток, вместо того чтобы ударить, уходит на выключатель. Идею «ходячего» реле проверил на себе. Остался цел. Предложил попробовать шахтерам — оценили по достоинству. Заодно попросили узнать: нет ли таких еще где-то, в других шахтах. Если нет, то надо и там внедрить. Дело-то стоящее: речь идет о жизни человека.

Шаякберов подал заявку в Госкомитет по делам изобретений и открытий. Эксперты аналога не нашли — значит, никто пока в мире до этого не додумался.

Но радость изобретателя была преждевременной. Через четыре года «пробивания» своей идеи он понял, что сама идея — ничто, пока ей не дадут хода в

ДОЛГООЕ КОРОТКОЕ ЗАМЫКАНИЕ

Двадцать лет не внедряется изобретение, защищающее человека от удара током.

соответствующем ведомстве. А хода ей там не давали. Почему? Да потому, что Шаякберов просто так придумал то, над чем уже давно и тщетно ломают головы целые коллективы исследователей. Выходило, что от него одного больше пользы, чем от них всех. Во всяком случае, он их вроде как бы скомпрометировал.

У Шаякберова уже было заключение Макеевского НИИ, проводившего испытания его устройства. В нем говорилось, что защита предусмотрена наивысшая, избирательная и гарантированная при любых условиях. Заключение редкое!

Испытания образцов были проведены в головном ведомственном Чебоксарском НИИ, и 11 апреля 1969 года появился любопытный документ: «Представляется целесообразным... начать разработку защитных устройств по предлагаемому принципу в специализированных организациях для оснащения ими сетей переменного тока напряжением до 1000 вольт».

Шаякберова, конечно, удивило, что специалисты предлагают все начать сначала, хотя устройство давно испытано.

Ведомственным ученым с ним было трудно: никакой вопрос не заставлял его врасплох, и он упорно не понимал, почему его идеи не дают хода. Он ждал, что государственные интересы все же возобладают...

Но ждать пришлось долго, поэтому Шаякберов по своей инициативе при-

ехал на заседание научного совета Государственного комитета по науке и технике по проблеме «Охраны труда», где «выбил» задание: «Разработать надежные средства и методы предупреждения электротравматизма, защиты человека от вредного воздействия электрического тока, статического электричества, электромагнитных полей». Было это уже 19 декабря 1972 года. Госкомитет по науке и технике также записал: «Просить министерство электротехнической промышленности финансировать работы Таджикского политехнического института». К этой просьбе министерство не прислушалось, поэтому институт выполнял их за счет «внутренних резервов».

Наконец, на итоговом координационном совещании во ВНИИ релестроения 16 мая 1975 года решают: «Продолжить разработку ряда основных типоразме-

Шаякберов собрал эти письма и снова поехал во ВНИИ релестроения, где предложил уже готовую техническую документацию на... пять вариантов устройств. «Идеи ваши?» — спросили его. — Так вы и двигайте их сами! У нас своих изобретателей девать некуда, а тут еще чужие лезут!»

Настырный Шаякберов поехал в ВЦСПС, в отдел охраны труда. «Готовая документация?» — спросили там. — А что с ней делать? У нас своих бумаг по горло. Этим занимается головной институт по охране труда. Несите туда». Поехал он в институт, но и там не взяли.

Как-то на глаза Шаякберову попало объявление о Всесоюзном конкурсе средств охраны труда, объявленном ВЦСПС. Нияз решил принять в нем участие. Когда узнал, что жюри его устройство проигнорировало, потребовал объяснений. Ему вежливо ответили: «В общем потоке устройств, не имеющих экономического эффекта, ваше было отвергнуто. Архив уничтожен».

Позже я побывал на специализированной выставке «Охрана труда» и, не найдя устройства Шаякберова, спросил: «Почему его нет? Разве сделано что-то лучшее?» Экскурсовод ответил: «Лучше нет. Но экспозицию выставки составляли научный совет по охране труда Госкомитета по науке и технике и ВЦСПС. Там сказали, что эти устройства всем давно известны и нечего их показывать».

Только теперь Шаякберов разобрался в ведомственных хитростях и приемах волокиты: его умело водили по официальным кабинетам, а затем пускали в лабиринты корыстных соображений, давали ему возможность обрести соавторский коллектив... А когда он сам разработал техническую документацию, то оказалось, что она нигде не предусмотрена, значит, производство по ней нигде не планируется. И не будет планироваться, пока ведомственные организации не пропустят ее по своим каналам: от технического задания до рабочих чертежей. Короче говоря, через 5—10 лет!

...Направляясь на встречу с Шаякберовым, я рисовал себе немислимое устройство, которое не в силах изготовить современное предприятие. А уж детали этого устройства, думал я, наверняка ценятся на вес золота. Но Шаякберов положил передо мною... обыкновенную электрическую пробку с приставкой толщиной в полтора сантиметра. И это все?! Начинка приставки состоит из элементарных радиодеталей, которые есть на прилавках любого радиоматериала. И эту пробку не может выпустить Министерство электротехнической промышленности? Просто не верится!

Решаю на себе испытать это устройство. Берусь за провода напряжением в 380 вольт. Только щиплет кончики пальцев. Прикоснись я к этим проводам без «защиты Шаякберова» — и доли секунды было бы достаточно, чтобы «искры посыпались из глаз»...

Шаякберов уже не ищет лавров признания — слишком много потеряно времени и душевного здоровья. Теперь он уже не изобретает в одиночку и острожно спорит с маститыми учеными. Одна весьма солидная фирма пригласила его в свою докторантуру, которую он успешно окончил (опять по вопросу защиты от поражения электрическим током), стал признанным ученым, но — отвергнутым изобретателем.

Шаякберов до сих пор не может понять, почему в ученые его буквально затащили, а изобретателя признать в нем не хотят, и все его идеи ловко хоронят в лабиринтах ведомственных инстанций.

Понять это действительно трудно.

Все больше и больше в нашей почте писем, затрагивающих общественно значимые проблемы, касающихся забот, волнующих не только автора письма, но и все наше общество. Каждое такое письмо становится поводом для серьезного обсуждения, командировки. Ждем «трудных» писем и впредь.

Юрий КАЗАКОВ

На рабочем столе писателя остались наброски и заготовки к повести «Две ночи» («Разлучение душ»). Первая глава повести, которая названа «Ночь первая», по мнению писателя, была уже завершена.

Юрий Казаков, имя которого будет жить, пока жива в русском народе любовь к отечественной словесности, написал в своей жизни не так уж много рассказов и очерков. Но как истинный талант он этим немногим громко заявил о себе на весь мир, поразив своих современников пронзительной, чистой и резкой прозой. Резкой в том смысле, какой придавал этому слову И. Бунин, говоря о достоинствах того или иного рассказа. То есть проза Юрия Казакова была резко проявлена, каждое слово наполнено правдой, звучало в ряду других слов с предельной ясностью, было поэтически благозвучно и занимало единственно возможное место в строке и во всем рассказе.

Талант его развился и окреп в начале шестидесятых годов. Появление каждого нового его рассказа в печати становилось событием в литературном и читательском мире. И это несмотря на то, что в то время уже гремели имена таких рассказчиков, как Сергей Антонов, Юрий Нагибин, Виктор Конечский, Сергей Никитин... Но Юрий Казаков с легкостью, доступной только большому таланту, вошел сразу же в число признанных мастеров малой прозы и занял ведущее в ней место, которое останется теперь за ним навсегда.

Великую Отечественную войну Юрий Казаков встретил мальчиком, живя в то время на Арбате. С какой удивительной точностью и зримой ясностью описывает он в зрелом возрасте те далекие дни, когда в Москве завывали сирены воздушных тревог, как четко врезались в память впечатлительного мальчика бомбежки, разрушения и беды минувшей войны! Это говорит, конечно, о том, что Юрий Казаков был рожден писателем, художником в самом высоком смысле этого слова. И то признание, та всемирная слава, которая пришла к нему, не была случайной, а явилась естественным результатом его очень серьезной и вдумчивой работы, которой он отдавал всего себя, как бы зная заранее, еще с юных лет, о грядущей своей роли в развитии русской советской литературы.

Он много работал не только над своими рассказами. Ему принадлежит многотрудный и прекрасный перевод трилогии казахского писателя Абди-жамила Нурпеисова, перевод, которому он отдал не один год своей жизни.

Юрий Казаков много ездил по стране, открыв для себя, а значит, и для нас с вами, свой Север, написав знаменитый «Северный дневник».

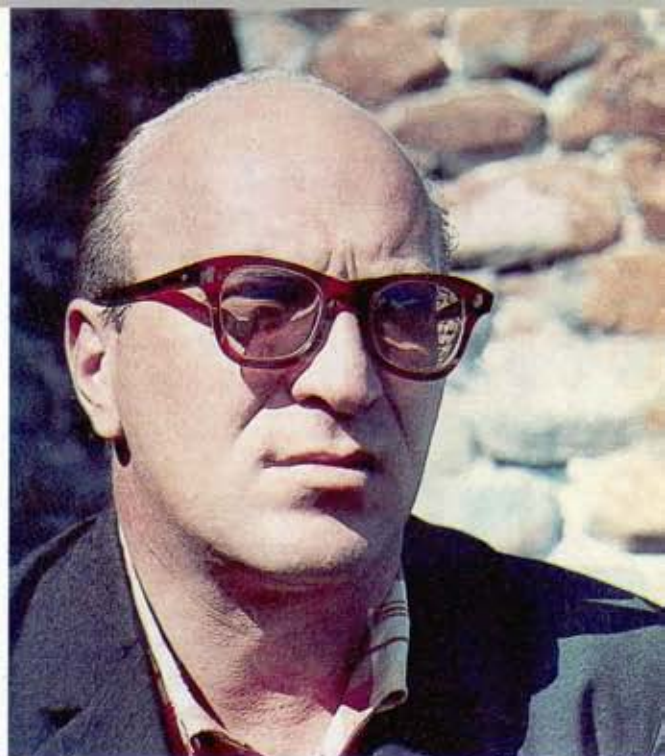
Казаков был очень нежный и вдумчивый человек, до конца своих дней мечтавший о новых поездках на охоту в дальние и близкие края Севера, хотя, надо сказать, он никогда не был страстным охотником, отдавая лишь дань уважения традиции многих старых русских писателей, в творчество которых был влюблен до самозабвения: Л. Толстого, Тургенева, Чехова, Бунина...

Прозу Юрия Казакова надо читать уединенно, целиком отдавшись ее поэзии. Не ждите от нее простой информации! Знайте, что эстетическое наслаждение, которое принесет вам строки этого удивительного писателя, и есть та самая высокая и глубокая информация, которую и должен нести людям настоящий художник.

Георгий СЕМЕНОВ

Их было четверо в ту ночь — две женщины и двое мужчин. Еще не было девяти часов, когда поодиночке, не торопясь, стали они подниматься на крышу.

После долгого летнего жаркого дня, после изнурительной и спешной работы на войну, после жужжания станков, запахов масла и металла там, где делали снаряды, или запахов ваты и новой материи там, где шили телогрейки и гимнастерки, или запахов лекарств, бинтов и гноя там, где поправлялись и умирали раненые, после дня тревожных слухов и обсуждений, многократных объявлений по радио, боевых маршей и песен, после сводок Информбюро, в которых говорилось, что наши доблестные войска громили противника на всех фронтах, но почему-то оставили еще один город, после длинных очередей в магазинах, после невыносимой летней красоты мрачного дня они должны были подняться на крышу своего дома, чтобы дежурить всю ночь, прятаться от зенитных осколков, слушать грохот выстрелов и взрывов, тушить зажи-

НОЧЬ ПЕРВАЯ

Публикации
«Смены»

галки и смотреть сверху на невыносимую красоту затемненной Москвы.

Поэтому они не спешили, поднимаясь по черной лестнице на крышу. И еще потому, что дом был высокий, старый, шестизэтажный, а они устали, и еще там, наверху — они знали, — опять, как и вчера и позавчера, будет тянуться тягостное ожидание тревоги и отдохнуть нельзя будет.

Все они тогда, в то далекое время, были молоды, видели каждый день небо и улицы, и, несмотря ни на что, никто из них не верил, что будет убит когда-нибудь или ранен. И хотя война, начавшаяся месяц назад, была войной, которую никто из них даже представить себе раньше не мог, — для каждого из них это была война вообще: для всех, для других, — а они, хоть и участвовали уже в ней, должны были уцелеть, что бы там ни было, — это каждый из них знал твердо.

И вот, поднимаясь по гулкой темной лестнице с железными перилами, с различными надписями на стенах, с запахом кошек и земли из засохших цветочных горшков на подоконниках, в темноте — стекла в окнах вылетели при первой же бомбежке, и окна были забиты фанерой, — нужно было хоть пять минут

побыть наедине с собой и подумать о том, что же все-таки делается и как жить дальше. Но сколько ни останавливайся, сколько ни клади лоб на холодное железо перил, лестница все равно выводила каждого на чердак, а оттуда на крышу. И скоро они собрались все.

Их было четверо на крыше, над Арбатом, надо всей Москвой в вечернем, уже мглистом воздухе, а пятым был мальчик Коля.

Первой на крышу пришла Лена. Она была богиня, мотогонщица и амазонка. Все ребята с Арбата и из переулков знали ее красный с никелем «Индиан-Скаут», у каждого в душе, как сияющий образ, горели неугасимо ее нечеловечески красивое лицо и летящая фигурка в мужской ковбойке или в жакетике, прекрасные ноги в бриджах и крагах, нежно сжимающие ревуший звероподобный «Индиан-Скаут»!

Она ездил по стене в парке культуры каждый вечер, заездов по пятнадцать — двадцать в паре с красавцем Монтако. Она выходила, сильным ударом откидывая занавеску в стене, на круглую арену внизу, торпливо докуривала папиросу, поправляла локоны и привычно вскидывала руку и глаза, приветствуя свесившихся сверху, с антресолей, зрителей. Потом

Фото Анатолия ФИРСОВА

восточной походкой выходил Монтако, и они вдвоем, уже не обращая больше внимания на зрителей, начинали ощупывать свои мотоциклы. Потом мотоциклы по очереди встрескивали, Лена прыгала в седло уже на ходу и начинала набирать скорость на кругах, на арене, все больше смещаясь в сторону, выписывая эллипс своей судьбы, каждый раз поднимаясь все выше по закругленной внизу стене и тут же съезжая на арену. Когда мотоцикл ее уже тигрино рывал и весь деревянный цирк начинал кряхтеть и подаваться, покачиваться в ритме ее наездов, она, выбрав момент, въезжала на стену и больше не спускалась на арену, а все прибавляла газу и поднималась по стене выше, выше — к самым лицам зрителей, и зрители качались вместе со стенами, как в море, и ветер бил им в лица, и шевелились, подавались, стучали и скрипели под колесами доски, а внизу разогнался, начинал въезжать на стену и съезжать, беря новый разгон, красавец Монтако.

А потом они летели один за другим по стене, это было страшно и прекрасно, лицо ее бледнело, глаза расширились, и длинные рыжеватые локоны ее развевались, создавая за собой золотой след, как бы медную спиральную полосу, медленно гаснущую, как след болиды — волнами мчались они друг за другом, и в извечной тоске она убежала, а он догонял ее, и весь цирк шатался и был окружен снаружи толпой, внимавшей треску и реву внутри, переминавшейся в нетерпении скорей погасить туда, наверх, по крутой лестнице и увидеть это чудо.

Вечером усталая, бледная, с кругами под глазами, она вывела свой «Индия» из цирка, улыбалась поздним зрителям, поджидавшим ее, и уносилась домой на Арбат. На огромной скорости мчалась она по Садовому кольцу, но милиционеры знали ее, козыряли и долго смотрели вслед.

И это было всего месяц назад! И уже две недели она не жила дома, училась на курсах медсестер, работала в госпитале, таскала вместе с санитарями раненых из палат в операционную и назад или выносила умерших в подвал. Ей уже выдали гимнастерку, юбку и сапоги, а она ненадолго заходила домой, злилась там в одиночестве, неохотно пила жидкий чай, смотрелась в зеркало, кривила рот — две недели она ждала ответа из военкомата, а ответ не приходил. «Надоело!» — кричала она по телефону Пескову и даже стучала по столу. — Элька, ты ни черта не понимаешь! Ты забыл Испанию! У нас сейчас все горит, города горят, пойми ты это! Я туда хочу, я в авиацию хочу!

Пескова звали Элигием, но имя его во дворе как-то не прижилось, и клички ему подходящей не придумали, так и звали с детства: Песков да Песков. Зато Василий, как только приехал на Арбат лет двенадцати, как вышел первый раз во двор и увидели его ребята, увидели его припухшие губы и глаза, так сразу и решили: Губан! — и точка. И имени даже не спросили.

Ночь шла на убыль. Самолеты, частью отбомбившись, частью отогнанные, начали уходить один за другим на восток и на запад, прожектора стали гаснуть, зенитки умолкать — приходило время отбоя.

Но последний, одинокий самолет еще бродил, как заблудившийся, еще ныл и вибрировал на недостижимой высоте в посоловшем небе. На него уже не обращали внимания, хотя он с подозрительным упорством все возвращался и возвращался. Один только далекий прожектор вяло бродил по небу в надежде на счастье, и одна пушка (с соседнего высокого дома) посылала в высоту редкие неохотные очереди. Все остальные молчали и ждали. Скоро угас и прожектор, и только пушка все стреляла. Внизу перекликались и громко ходили дежурные во дворах и на Арбате.

— Эгей! — заорал Губан, и стало ему весело, закрутил над головой клещами. — Давай все сюда! Отбой!

Когда все сошлись, топя по крыше, приглядываясь друг к другу в полутьме самого раннего рассвета, нервно и устало посмеиваясь над своими запачканными копытными лицами, Губан потянулся, снял рукавицы, положил за трубу клещи.

— Все! Концерт окончен, пошли, огольцы, покурим! Ах ты, моя ягодка! — опять заорал он и лапанул Фаину. — Пойдем, погреешь!

— Уйди, дурак! — счастливо и устало сказала Фаина, но тотчас послушно пошла за ним к слуховому окну. За ними пошли и Песков с Колей. Уже занес ногу в окно, Песков оглянулся на Лену.

— А ты что? — удивился он.

— Лезь, лезь, — грустно и нежно отозвалась Лена. — Покуришь, выходи, на рассвет посмотрим... Чинарик притащи, не забудь!

— Ладно, я сейчас, — сказал Песков и скрылся.

Последнее, что видел, залезая в окно, Коля, — это как Лена прилаживалась возле трубы, подбирая подбородку колени и обтягивая на коленях узкую военную юбку. Между голенищами сапог и юбки нежно светились ноги в шелковых чулках, и Коля, пристально поглядев на эти сапоги, и ноги, и юбку, и на лицо Лены под пилоткой, почувствовал вдруг горячий толчок, царапину первой детской ревности к Пескову. А потом и он с горящими щеками нырнул в теплую темноту чердака.

Все собрались возле открытой двери черного хода, у бочки с водой. Губан и Песков уже курили, причем Губан сидел на карачках, спиной к притолоке, свесив руки, и плевал на шлак под ногами после каждой затяжки. Песков курил папироску, Губан — махорку, и дым, смешиваясь, пах сладко, вкусно.

— И чего он, зараза, летает? — спросила Фаина, подняв лицо к крыше и слушая ноющей звук.

— Разведчик, — сказал Губан, морщась и жарко затягиваясь. — Это он хочет поглядеть, чего они тут понаделали...

— Бомбу еще бросит, — опасно сказала Фаина, нервно прислушиваясь к редким очередям пушки и вою в вышине.

Песков и Губан засмеялись.

— У него и бомб-то нет.

Улыбка еще не успела сойти с их лиц, когда это случилось. Резкий, молниеносный грохот, подобного которому не слышал никто из них ни разу за все ночи, потряс дом, раскидал всех, задушил и оглушил.

Если бы кто-нибудь в эту секунду посмотрел на Вахтанговский театр, он увидел бы, как в нежнейшем сиянии рассвета к небу вздымается тугой толстый столб чего-то плотного, черного. Это плотно-черное будто до сих пор находилось в сдвинутом, спертном состоянии, а теперь, освободившись, все время расширялось, распухало, росло вверх и в стороны, из него все время вырывались новые и новые перекрученные клубы и клубочки, и клубочки эти были уже не такие черные, как сердцевина, а посерее. И еще в этом громадном расширявшемся столбе черного мелькали, показываясь и пропадая, какие-то небольшие предметы, похожие на кубики и спички. Но это были не спички, а куски стен и балки, они были огромными, но на большой высоте казались маленькими, и только по тому, как медленно они переворачивались, выныривали из черного и опять прятались там, как в прибое, как в пене, можно было догадаться по медленности их кувырканья, какие они огромные и

тяжелые. Но они не только летели вверх и кувыркались, они еще распадались на более и более мелкие куски, а балки, мгновение назад еще прямые, вдруг оказывались уже скрученными, и все это разрасталось, распухало, умножалось, как лавина, как снежный ком, и по своей похожести на лавину это должно было падать вниз, а оно двигалось, поднималось вверх, будто стало легче воздуха, как азростать, и движению этому, удалению от земли, казалось, не будет конца.

Наконец, все остановилось, какое-то время висело неподвижно, а потом стало неохотно валиться назад и далеко в стороны по каким-то странностям траекторий, дым совсем поредел и стал расплываться шапкой и тоже оседать вниз, но еще медленнее, чем валились обломки.

Этой устрашающей красоты никто не видел, потому что не только там, наверху, но и тут, на земле, все падало, рассыпалось, съезжало и разрывалось крыши, валились стекла и рамы, отбитые карнизы, текла кирпичная пыль из глубоких оспин, оставленных на стенах визжащими раскаленными осколками, и уже давно — секунды две — лежали без сознания или убитые люди, застигнутые взрывом на открытом месте.

Коля, который в момент взрыва стоял лицом к открытой двери черного хода, почувствовал, как по спине ему изо всей силы ударили широкой доской, и, кувыркаясь, полетел на первую площадку. Очнувшись, он завозился, пытаясь встать, руки его попали в мокрое, и он с ужасом решил, что ранен. Но руки и ноги были целы, и, взглядевшись в полумрак, он понял, что опрокинулась бочка с водой, стоявшая на верхней площадке перед дверью на чердак, и вода теперь звенела и лилась в тишине уже далеко внизу, стекая с пролета на пролет.

— А-а... а-аа... услышал он стон на чердаке, и тут же Губан громко позвал там же:

— Фаинка! Коля... Живы? Эй!

Как пьяный, весь в белой пыли, Губан вышел на площадку и стал тупо глядеть, как встает на четвереньки и хватается за подоконник Коля. С трудом повернувшись к чердаку, он опять крикнул:

— Эй! Кто...

В этот момент, пригнувшись, с черным лицом, держась за живот, из чердачной темноты вывалился Песков, молча и сильно оттолкнул Губана и бросился через две ступеньки вниз. Ноги, наверное, не слушались его, потому что на втором пролете он упал, поднялся, загрохотал дальше, снова упал, опять загрохотал...

— А-а, не могу... — снова стон, и такой низкий, что Коля не узнал голоса.

— Фаинка? — позвал Василий. — Где ты?

Зацепившись за порог, он пошел на чердак, ходил там ощупью, скрипел шлаком и звал:

— Где ты? Где ты, ну где ты?

Потом стихло, и вдруг — почти рычание из глубины:

— Не трогай, ооу... уйди, оо...

— Давай, давай... Ничего, ничего... — тяжело дыша, бормотал Василий.

Они показались вдвоем, Губан закинул руку Фаины себе на шею, а она шла, цепляясь за стену, и стонала уже однообразно и тихо.

— Куда это попало? — бормотал Губан. — Колька, куда это попало, а?

— Лена где? О-о... Лена?

— Потихоньку... Вот так...

— Лена-а! Пусти...

— В наш дом засадил, что ли?

— А мы живы, Вася? Ты не бросай меня, больно мне... Все тело... больно.

— Ты на меня, на меня опирайся...

— Вот он летал-то, Вася, так я и знала...

— Что делают, сволочи, а? Что делают, гады?

— А вы смеялись...

— Куда это Песков кинулся?

— Где Лена-то? А Коля? Коля, где ты, я не вижу! Иди вниз... О-о!

Так они и сходили медленно, со стонами, держась за перила и стены, ничего еще не зная, что там снаружи, внизу, чувствую только тупую боль и ярость.

Воздух был красным, когда Коля вышел во двор. За минуту перед тем уже отчетливое утро теперь померкло, и стало темно. Это стояла в воздухе, не осела еще кирпичная пыль, поднятая взрывом. То тут, то там в красноватом сумраке раздавались вопросительные и деланно-бодрые голоса дежурных.

— Куда попало-то?

— Стой! Где рвануло?

— Рядом тут, не знаю...

— Давай на Арбат!

- Стекол-то, стекло!
- Что? Эй, кто там? Куда, говоришь?
- В театр попало...

Из бомбоубежища в конце двора рвались на волю люди, думали, что их завалило, глухо барабанили в дверь, глухо визжали женщины. Туда побежали сразу несколько дежурных, стали кричать наперебой:

- Тихо, тихо!
- Спокойно, граждане!
- Ничего не произошло, все в порядке, сейчас отбой дадут!
- Это волна была, воздушная волна!
- Стекла? Стекла все целы!

Странно, но стекла все выбиты были наружу. Выбило и рамы, выбросило фикусы, кастрюли, кастрюли — все это навалом валялось по всему двору, и все хрустело и звенело под ногами.

Коля пошел было к воротам на улицу, но тут же остановился, поблелев и приоткрыв рот. Возле стены сидела и морщилась Фаина, немного поодаль, ближе к середине двора, стоял сутуло Губан, стоял на коленях Песков, а между ними лежало что-то изломанное, страшное, вовсе не похожее на человека.

Песков по очереди, молча и сосредоточенно, брал то руку Лены, то голову, то пытался выправить неестественно, как у тряпичной куклы, откинутую и вывернутую ногу, то принимался поправлять, одергивать юбку, потому что все было задрано до живота, но тут же оставлял все как было, только притрагивался — и оставлял. Губан, наверно, хотел закурить, шарил, хлопал себя по карманам дрожащими руками, но ничего не мог найти.

Коля глянул на это раз, другой, потом испугался, зажмурился. Хрустя стеклом, он начал обходить это и опять остановился. Навстречу ему от ворот бежали люди в белом, много людей, как ему показалось, с сумками и носилками. Двое сразу же подбежали к Лене, нагнулись, перекатили ее навзничь, глянули и побежали дальше, молча, деловито. Песков вскочил с коленей, догнал, схватил одного за ворот белого халата, рванул так, что тот повалился, разрывая халат.

— Ты что? — Песков, не выпуская халата, попытался, поволок лежавшего. — Ты, гад, куда бежишь, а?

Его обхватил сзади Губан, кричал в ухо, навзрыд: — Отпусти, отпусти... Она же... Элька! Песков! Слушай меня, она же... Отпусти! Брось, милый! Иди к ней! Иди к ней! Погляди на нее еще! Погляди на нее! Она же... Последний раз, Песков! Отпусти, слышишь! Иди к ней...

— А-а! — закричал Песков так, что эхо пошло по двору. — Пусти меня! Где? Лена! Леночка! Где? Где? А-а! Ленка же! Губан!

Фаина, бормотавшая что-то у стены, повалилась, завывала. Коля вдруг повернулся, побежал на Арбат, а сзади кричавший Песков схватил Лену под мышки, хотел унести куда-то, и ноги ее вяло поползли по мусору и стеклу, а Губан стал отпихивать Пескова, вырывать у него Лену...

В предлагаемых вниманию читателей набросках, непосредственно связанных с «Ночью первой», пунктирно прослеживается судьба главного героя повести «Две ночи» («Разлучение душ»).

А

рбат был завален обломками, провода троллейбусные были оборваны и провисали, несколько столбов повалено. Из магазина напротив театра полз удушливый желтый дым и растекался вверх и вниз по улице. Все стекла во всех домах, а в ближних и рамы были выбиты, все это было настолько необычно и страшно, что Коля опять на минуту потерял сознание. Он не упал, но только ничего не понимал, как, бывает, не понимают ничего идиоты.

Он прошел еще немного и наконец увидел место, куда попала бомба. Театр был разрушен до основания. Остались только часть сцены наверху и часть зрительного зала с креслами. Все остальное было уничтожено. Возле театра росли прекрасные старые липы в два обхвата — от них не осталось даже пней. В переулке стояла машина, осколок попал ей в багажник, пробил насквозь и вырвал мотор вместе с радиатором.

На обломках уже суетились люди, что-то приподнимали, растаскивали... От Арбатской и Смоленской площадей уже подъехали тракторы, уже заводили тросы и таскали в сторону самые крупные обломки стен от подвального этажа. На тротуарах вверх и вниз лицом лежали несколько убитых, к ним не прикасались, бегло только заглядывали в лица и отворачивались. Пронзительно выли сирены «Скорой помощи». Из переулка от родильного дома двое вели санитарку в белом халате. Осколок попал ей в лицо, сорвал шапочку, она шла, запрокинув голову, дыхания у нее не было уже, она могла только коротко, подстреленно вскрикивать: «А! А! А!» — после каждого вскрика слышен был хрип. Кровавая масса на ее лице пузырилась. На ослепительно белый халат падали комки крови и слюны, слоями оставались на белом халате до самого подола. Две женщины, которые вели ее, качались от ужаса и дурноты. Всюду пахло кислым дымом тола.

Вдруг Коля вздрогнул и оборотился в ужасе. С хриплым чужим криком, страшная, старая, всклокоченная, с мокрыми от слез очками, спотыкаясь, подбегала к нему мать...

— Коля... Коля... — и, налетев на него, сев возле него на дробленные кирпичи, сказала, обеспамятев: — Га! Га! Сы... Сыно-чек! Га! Жив? Жив? А мне сказали... Га! Сказали, понесли сыночка...

Коля затрясся, лицо его поплыло, зедь задергалась, будто он все бежал, бежал, он зарыдал, ведь он был маленький, еще мальчик, Коля — с веснушками, с прозрачными ушками, худой...

И вот уже сколько прошло с тех пор — кажется, целая жизнь прошла, и тогдашний Коля ушел на

всегда во тьму времен, и его никогда больше не будет на земле — того Коли, в тот июльский вечер в Москве.

Теперь это рослый мужчина, и, кажется, ничего не сбилось, не разлилось из того, что было тогда в нем. Он высок, груб, полноват, лицо у него широкое, шея толстая, и ему трудно поворачивать голову.

Живет он все в Москве, работает на заводе и сколько в свое время переметал, сколько выбирал себе профессий — ни одна не сбылась мечта, а стал просто инженером, женился, и сын у него почти такой же, каким он был когда-то.

И только старые приятели зовут его Колей, а так все чаще Николаем Ивановичем, и он уже ко всему привык, и жизнь у него, если сравнить с какими-то неудачниками, очень хороша, и был бы он счастлив, если бы не бывали у него ночи...

Бывают у него ночи, когда снятся ему ужасные сны.

Снится ему, что опять война, только уже атомная. И что ночь, и он знает уже, что куда-то надо бежать, где-то скрыться, потому что сейчас это произойдет. Он выбегает из дому во двор, в страшный черный двор, потому что затемнение, нигде во всем мире ни проблеска света. И город вроде не Москва, а какой-то незнакомый город, чужой, и он не знает, куда бежать. Из других подъездов тоже бегут люди, их становится все больше во дворе, все рвутся на улицу, все сдавливаются, стесняются в подворотне, как под гребовой крышкой, кричат, и он тоже кричит, рвется на улицу, но не может никак вырваться, куда-то пропала вся его сила, но все-таки медленно подвигается к выходу вместе со всеми. И вот, когда он уже на улице, раздаётся крик всего города, все обращают лица свои кверху, а там, как новая звезда, разгорается и заливает все вокруг невыносимым зимним блеском атомная бомба.

Он никогда не видел взрыва атомной бомбы, и поэтому во сне она ему представляется как огромная осветительная ракета, такая же беззвучная, неподвижная, все пронизывающая.

Он бежит по улице, с кем-то сталкивается, ищет тени, укрытия, между тем как везде становится светлее и светлее, как при солнце, но это не солнечный теплый живой свет, это свет неестественный, и нет от него спасения.

Тогда он бросается в какое-то подвальное окно, разбивает стекло, режет себе лицо и руки, извивается, как червь, ломает раму, втискивается в какой-то коридор, ползет в темноту, но свет настаивает его, и что самое ужасное, что, ползая уже по сырой, пахнущей залпесневелой картошкой, утрамбованной земле подвала, лицом вниз и крепко зажмурившись, даже уткнувшись еще в сгиб локтя, он все равно видит этот беззвучный медленный свет, будто он просвечивает его насквозь или будто он лежит навзничь, широко раскрыл глаза, будто он видит даже не глазами, а всем телом, спиной, затылком, ногами...

Просыпается он в поту, с мучительно колотящимся сердцем, задыхаясь, весь облитый холодом смерти,

«...И СТАЛ РАБОТАТЬ»

Москва, 23 февраля 1964 г.

Господин редактор, благодарю Вас за намерение включить мою автобиографию в издание «Современные авторы». На анкету я не буду отвечать, потому что не понимаю английского и, кроме того, сведения о себе, которые я Вам сообщу, наверное, также будут и ответом на вопросы анкеты.

Я намерен говорить только о своей литературной деятельности, т. е. это и есть, в сущности, моя жизнь за последние десять лет.

В 1953 году я выкурив полтачки папирос на лестнице Литературного института, прежде чем осмелился зайти в учебную часть. Я тогда держал конкурс на поступление в институт. Конкурс был очень большой, примерно сто человек на одно место. Естественно, что я страшно волновался. Мимо меня все ходили вверх и вниз, и когда спускались, то редкие спускались счастливыми. Наконец и я взлетел вверх, и мне сказали, что я принят. Так я стал студентом Литературного института. Тогда я написал два или три рассказа. Наверное, это Вам покажется странным, но первые рассказы, которые я написал,

были рассказами об американской жизни. И вот с ними-то я и поступил в Литинститут. Тогда же мой руководитель, прочитав эти мои рассказы, навсегда отбил у меня охоту писать о том, чего я не знаю.

Родители мои, простые рабочие люди, хотели, чтобы я стал инженером или врачом, но я стал сначала музыкантом, потом писателем. И отец, и мать до сих пор не особенно верят, что я настоящий писатель. Потому что для них писатель — это что-то вроде Толстого или Шолохова.

И вот тогда, на первом курсе института, а мне было тогда уже двадцать пять лет, тогда как моими товарищами стали люди гораздо моложе меня, но уже настоящие поэты и прозаики, т. е. уже печатающиеся, уже писатели, как я думал, — тогда-то я испугался. Я понял, что я ничего не знаю, я не знаю, как писать и что писать. И я еще не знаю, смогу ли я вообще когда-нибудь напечататься. И тогда я хотел даже уходить из института. Потом, очень скоро моя робость прошла, мало того — она перешла как бы в свою противоположность. Я стал думать, что я непременно стану выдающимся писателем. Сначала для меня нужно было выяснить, кто вообще писал лучше всех. Годы два я только и делал что читал. Читал по программе и без программы. И после долгих чтений и размышлений я пришел к выводу, что лучшие всех писали наши русские писатели. И я решил писать так же, как они. Ни у кого в особенности я не учился, я просто уловил нечто

общее, присущее всем нашим лучшим писателям, и стал работать.

Писал я мало. Вообще наши русские писатели мало писали и пишут. Сведения, например, о том, что Уильям Сароян написал за 10 лет 1500 рассказов, десятки повестей и романов, — кажутся нам невероятными. Я не помню, сколько именно написал я до сегодняшнего дня, но, кажется, что-то около сорока рассказов.

Очень скоро (после первых четырех-пяти рассказов) я стал ходить уже в гениат. Мне прочили славное будущее. Многие и тогда еще называли меня лучшим рассказчиком современности. Нужно сделать скидку и на тогдашнюю нашу молодость, и на студенческую среду вообще. Студенты всегда любят преувеличивать, как в своих симпатиях, так и в антипатиях. К счастью, все эти громкие слова не повредили мне, т. е. не заставили меня относиться к делу небрежно.

Все годы я много ездил. Вообще мне кажется, что я хорошо жил, что так и надо жить писателю. Я занимался альпинизмом, охотился, ловил рыбу, много ходил пешком, ночевал, где придется, все время смотрел, слушал и запоминал. Многие критики потом упрекали меня за то, что я, якобы, высказывал осколки прошлого. Они были не правы, потому что не видели того, что видел я.

резко вскакивает, секунду сидит на постели, затаив дух, и слышит посасывание сына из другой комнаты, видит смутно-светлую отвернувшуюся к стене фигуру жены, ощущает запах сна, запах ночной теплой, спокойной комнаты и тогда только понимает, что это опять сон...

В такие минуты является ему потребность еще и еще раз что-то решить для себя, решить, что же такое его жизнь, и он думает с некоторым испугом, что ему уже тридцать пять лет. Но что из того? Он еще молод, и, в сущности, все зависит от него самого. Обстоятельства, которые противостоят ему, все-таки преоборимые обстоятельства, потому что как личность он может что-то предпринимать, бороться, терпеть. Это не война, когда человек превращается в ничто.

Только что пережитый кошмар во сне, глубокая ночь над городом, эта неполная тишина Москвы, когда даже в самый глухой час все-таки слышен слабый гул, но зато особенная сонная тишина квартиры, ночные звуки ее особенно какие-то приятные, звук воды на кухне, слабое гудение газовой горелки, запах кофе, дыхание сына в соседней комнате.

Он включает приемник, устанавливает самый тихий звук и слушает какую-то станцию, ночью мало помех, хорошо, глубоко и отчетливо слышен джаз. Он любит джазовую музыку и сколько уж переслушал ее, и ему так хорошо всегда думается под джаз, но и досадно немного: опять и опять джаз поет о смерти, такая тоска в его мелодиях, в этих низких женских голосах, как в погребальной мессе, все о смерти... Но ведь жизнь на земле продолжается, и вновь с вековым упорством расцветают травы, и он под эту грустную музыку думает о жизни, о радостном.

...У него такое чувство, будто он поднялся после долгой болезни, и хоть за окном еще ночь, картины, которые он воображает, озарены солнцем, и он думает, думает, перебирает всю свою жизнь, возвращается в детство и тут же вспоминает, что было неделю назад, и эта беспорядочность доставляет ему удовольствие, хотя он знает еще, что это дрожь возбуждения, это оживление его, воспоминания разные и вообще как бы раскладка всей жизни, пересмотр ее, потом кончатся другими мыслями, он это предчувствует, но не хочет сразу отдаваться тем мыслям, а сперва думает вообще, будто бы поднявшись как космонавт над Землей, а она перед ним поворачивается, и он, когда надо, сразу приближается и рассматривает пристально ту или другую картину, тот или иной день.

Но сперва он все-таки вспоминает ту далекую ночь на крыше, а потом пути всех, кто там был тогда. Он знает, что Т. убит под Вязьмой и В. тоже убит на Карельском фронте, а Ф. умерла в Ленинграде, она в августе уехала в Ленинград и умерла там.

И, вспомнив все это, он начинает думать о войне и о тех, кто эту войну предвидит, готовит и планирует. Он думает о министрах, о президентах и генералах и так волнуется, что курит, не переставая, облокотившись на подоконник и глядя на случайный поздний огонь в соседнем доме. Он воображает их всех так, как видел когда-то в кинохронике, на журнальных обложках, с раскрытыми ртами, перед микрофонами, в мундирах, над картами, на военных маневрах, на фоне задранных в небо чудовищных ракетных туш.

По какому праву все эти люди, родившиеся где-то на других континентах, задолго до того, как родиться ему, не знающие ничего о его жизни, тем не менее угрожают ему смертью. Они хуже его, они стары, они почти все старики! Он мстительно мысленно раздевает их и видит подагрические лодыжки, толстые вялые животы и худые старческие спины, жилистые шеи или, наоборот, апopleктические, с двумя подбородками. Они немощны и противны, их физическую слабость скрывают мундиры с наваченными плечами и грудью, фраки и рубашки, выпущенные манжеты, лаковые ботинки на плоских ступнях.

Он видит, как они едут в низких зеркальных машинах, и впереди их, по бокам и сзади мчится на мотоциклах полиция в мышиных мундирах, в белых поясах, в белых крагах и касках, они выходят из машин, и портфели с картами, и планами, и всячески-

ми секретами прикованы у них наручником к рукам, какие-то люди в штатском прижимаются к стенам, пропуская их, и они потом где-то в глубине закрытых комнат курят, и пьют, и обсуждают, и решают его жизнь.

С ненавистью думает он об ученых, о всех этих «отцах» атомных и водородных бомб и всяческих ракет, об этом поистине особом и ужасном племени роботов, продавших свои жизни за деньги, за невысказанную роскошь, за виллы и яхты, за женщин, живущих где-то отдельно от всех, в своих специальных поселениях, в своем секретном уединении. И они даже не людьми представляются ему, а марсианами из страшных фантастических романов, существами, чуждыми всему живому, всем полям и лесам и тихим рекам, любви, рождению, не только чуждыми, но и враждебными всему этому.

Для чего же был убит мой отец? — с холодом и звоном в голове думал он. — Для чего в Карелии погиб мой дядя, а в Кенигсберге — двоюродный брат? Зачем были убиты Халов под Сычевкой, Василий где-то у Днепра, а Лена там, тогда, в ту ночь, на крыше? А эти тысячи и тысячи в шинелях, зарытые где попало, разбросанные по всей великой земле, уже превратившиеся в прах, в землю, уже ставшие планетой, Землей, — они, убитые сразу и не сразу и умершие потом в жарких муках, убитые в жару, летом, зимой, когда их трупы неделями костенели в сугробах, осенью, в грязи, — за что?

А за то, яростно подумал он, чтобы вот я сейчас сидел в каюте с этой женщиной, чтобы я, тогдашний мальчик, теперь встал на их место и чтобы был Крым, который им уже не увидеть, но который вижу я, чтобы была вот такая звездная ночь, чтобы люди ночью спали, а днем работали, чтобы я мог думать и любить кого-то, чтобы я начал новую жизнь и сделал все, чего недоделали они?

Чем же я отплатил им за свою жизнь, когда я все больше забываю о них, как и вообще о всех предыдущих поколениях, каким же я должен быть умным, сильным и мужественным, чтобы жить теперь, чтобы знать все о своей земле и быть верным моему отцу, моему великому рабочему, и не дать ему погибнуть в себе, хотя в его могиле от него, верно уж, и костей не осталось, а ведь я вышел из него, и я с матерью, с маленькой сероглазой тихой женщиной, был где-то

далеко позади него, когда он, думая о Родине и включая и нас в эту Родину, перебежал где-то на Украине от ямки к ямке, от окопа к околу, ползал, лежал, пережидая бомбежки и минометные шквалы, вскакивал, стрелял, рыл землянки, переобувался, писал письма и думал о мире, когда он наконец сможет снова начать свою бесконечную и великую работу, пока наконец не погиб, и неизвестно даже, пулей он был убит или осколком и как умер — сразу или мучился, — и о чем передумал за время между тем мгновением, когда металл разорвал его тело, и мгновением, когда вздохнул последний раз на земле?

Так вот, спасибо ему, спасибо, что встретил он мою мать и полюбил ее когда-то и когда решил, что мне быть, а ведь я мог и не быть, за то, что за свою короткую жизнь успел сделать столько вещей, столько успел переработать металла и дерева, что и сейчас, наверно, где-нибудь снует, вертится, ходит в масле какая-нибудь деталь, сотворенная им, или крепко стиснутые в бетоне и кирпиче хранят свой вечный покой рельсы и балки, сваренные, согнутые, склепанные им!

Чего он добился в свои годы? Что сделал, как прожил все весны и зимы — он не думает об этом в высшем смысле, а просто как человек, появившийся для чего-то в один прекрасный день в этом мире и обреченный уйти из него в конце концов. Но не о смерти своей он думает, и для него жизнь проста и естественна, смысла он в ней не ищет, смысл не ему решать, он просто чувствует, что если жизнь человечества бессмысленна, значит, бессмысленна и его жизнь. А если жизнь всех неисчислимых миллиардов, прошедших и грядущих, наполнена смыслом, значит, и его жизнь имеет великий, таинственный смысл в цепи всех поколений.

Он не один в этой жизни. Рядом с ним жена, ровно и постоянно любимая им женщина, и его сын, в котором он с острой нежностью угадывает свои и ее черты, потом его друзья и родные, потом его работа, его детали из стали, бронзы и меди, простых и сложных конфигураций, которые, наверно, уже миллионами разошлись по всему свету и составляют различные чудесные машины, потом небо, земля, трава и ветер.

АВТОБИОГРАФИЯ

Москва, 15 декабря 1965 г.

Родился я в Москве в 1927 году в семье рабочего. Отец и мать мои — бывшие крестьяне, выходцы из Смоленской губернии. В роду нашем, насколько мне известно, не было ни одного образованного человека, хотя талантливы были многие. Таким образом, я первый человек в нашей родне, занимающийся литературным трудом.

Писателем я стал поздно. Перед тем, как начать писать, я долго увлекался музыкой. В 1942 году в школе, в одном со мной классе, учился музыкант. Одновременно он посещал и музыкальную школу, где занимался в классе виолончели. Его одержимость музыкой в значительной мере повлияла и на меня, а мои природные музыкальные данные позволили и мне в скором времени стать молодым музыкантом. Сначала я стал играть на виолончели, но так как заниматься музыкой я начал довольно поздно (с 15 лет) и пальцы мои были уже не столь гибки, то я скоро понял, что виртуозом-виолончелистом мне не стать, и перешел тогда на контрабас, потому что контрабас вообще менее «технический» инструмент, и тут я мог рассчитывать на успех.

Я не помню сейчас, почему меня в одно прекрас-

ное время потянуло вдруг к литературе. В свое время я окончил музыкальное училище в Москве, года три играл в симфонический и джазовых оркестрах, но уже где-то между 1953 и 1954 годами стал все чаще подумывать о себе как о будущем писателе. Скорее всего это случилось потому, что я, как, наверно, и каждый молодой человек, мечтал тогда о славе, об известности и т. п., а моя служба в оркестрах, конечно, никакой особенной славы мне не обещала. И вот я, помню, стал тяготиться своей безвестностью и стал попеременно мечтать о двух новых профессиях — о профессии дирижера симфонического оркестра и о профессии писателя или, на худой конец, журналиста. Я страстно хотел увидеть свою фамилию напечатанной в афише, в газете или в журнале.

Тяга к писательству все-таки пересилила, я стал более внимательно читать очерки и рассказы, стараясь понять, как они сделаны. А через некоторое время стал и сам писать что-то. Не помню теперь уже, как я тогда писал, потому что не хранил своих рукописей. Но уверен, конечно, что писал я тогда и по отсутствию опыта и вкуса, и по недостаточной литературной образованности плохо. Все-таки, видимо, было нечто в моих тогдашних писаниях симпатичное, потому что отношение ко мне с самого начала в редакциях было хорошее, и в 1953 году я уже успел напечатать несколько небольших очерков в газете «Советский спорт» и в том же году был принят в Литературный институт.

«Я позвонил в «Смену» Смирнову. И знаешь что? — Там, оказывается, обижаются на меня за то, что я их обхожу и ничего не даю: просят рассказы. Я им хочу снести «Пропасть» (во втором варианте, т. е. она уехала)...»

Из письма Ю. Казакова к матери от 18/XI-53 г.

РАССКАЗ

ПРОПАСТЬ

1
День этот, такой страшный, такой необычный день, начался для Агеева великолепно! Два с лишним месяца ездил он с геодезической партией и, возвратившись наконец в Ленинград, прекрасно выспавшись в темном купе, бодрый, свежий вышел на площадь у Московского вокзала и сразу пошел на стоянку такси.

Конечно, до дому мог бы он доехать и на троллейбусе, но после двух месяцев бродячей жизни, ночевки в душных избах, шалашах, палатках, после запаха портянок и сапог, после грязи, пыли, жары и всевозможных неудобств и лишений он непременно хотел приехать домой на такси! И когда подошла его очередь, когда шофер, преувеличенно суетясь, помог ему уложить вещи и особенным ленинградским говорком спросил: «Куда изволите?» — когда машина мягко и сильно взяла с места, отваливая, прижимая его к спинке сиденья, — он вытянул ноги в лыжных ботинках, закурил и с наслаждением подумал, что он дома.

И ему сразу, будто давно ждало этого случая, открылось кипение Невского. Город встретил его знакомыми, бордовыми и зелеными, великолепными домами, Аничковым мостом, Казанским собором, тусклым сухим блеском асфальта, сверкающим впереди шпилем Адмиралтейства и левее — тяжелой золотой шапкой Исаакия. Город сразу предстал перед ним во всем своем невыразимом великолепии, такой веселый, такой кипящий и нарядный при редком солнечном дне, что Агеев только вздохнул.

А потом он на целый день погрузился в счастье человека, готовящегося к встрече с девушкой. Он переоделся дома, и комната поразила его непривычной величиной и гулкостью. Он поехал на Невский, вошел в один из тех огромных прекрасных магазинов, которые всегда волновали его своим шумом, обилием покупателей и товаров, своими запахами кожи, резины, духов, табака, и долго, тщательно и весело выбирал и покупал новый ремень, новый галстук, четыре пары носков и дюжину платков. Потом он с наслаждением и тревогой стригся и брился, и молодая парикмахерша, будто чувствуя, что у Агеева сегодня особенный день, с отменным удовольствием, с отменной, подчеркнутой медлительностью стригла и брила его, и прыскала едким одеколоном.

Побрившись, он внезапно зашел в ресторан и, умиляясь от вида накрахмаленных салфеток, хрустала, прекрасных старинных ножей и вилок, съел холодный салат, кровотокающий бифштекс, выпил чашку черного кофе. И салат, и бифштекс, и самый

ресторан, пустой и сумрачный в этот жаркий день, и официант с пошлым лицом, шелковыми лацканами черного пиджака и вывернутыми ступнями, прихрамывающий, приседающий на ходу, — все это показалось ему восхитительным: давно не видел он ничего подобного и соскучился по хорошей еде.

А дома он опять мылся, гладил брюки, примерял рубашки, несколько раз перевязывал галстук и все больше нравился сам себе, все больше бледнел от волнения, все чаще взглядывал на часы, не в силах уже дожидаться вечера. Наконец он совсем оделся, в последний раз причесал и распушил волосы, последний раз тщательно осмотрел себя в зеркале и вышел. В прекрасном пиджаке с покатыми плечами и разрезом сзади, в узких, почти обтягивающих икры брюках, в ослепительной рубашке с твердым холодным воротничком, с туго, узко затянутым галстуком он медленно пошел по улице, отвернув полу пиджака, сунув левую руку в карман брюк, и на него тотчас стали оглядываться, так он был свеж, так молод, такая решительная влюбленность читалась на его загорелом, побледневшем лице.

2

Странен, таинствен становится в конце мая Ленинград! Медленно заходит солнце, долго сияют, вспыхивают окна домов, стекла автомашин, шпили и купола соборов, синее, густеет Нева, настораживаются сфинксы — все гложет, затаивается. Настает ночь, погружаются в тень каналы, смутны тогда силуэты зданий, пронзительны прямые линии проспектов... И только ползают, шипят по площадям тупые поливные машины, прыскают мертвой водой, и засыпает город очарованным сном.

Все изменяется! Все делается огромным, пустынным, призрачным. Небо светозноно, заря перемещается, зловец пепельный силуэт тяжелых бастионов Петропавловки, мертвенно бледен Зимний, пуста, громадна Дворцовая площадь, темен Исаакий, а его золотая шапка кажется серебристой. Как бред, как забытье, тянется эта ночь. Любви, стихов, молчания требует она.

И на свое несчастье, на свою великую беду подошел Агеев в такую ночь к Дворцовому мосту. Уже огороженный, уже готовый застыл этот мост, и бежали, прорывались под тревожные свистки опоздавшие с той и этой стороны. И, закинув голову, во весь дух перелетела мост и остановилась, задыхаясь от испуга и усталости та, ради которой через полчаса забыл уже все на свете Агеев.

А мост в ту же минуту дрогнул и стал беззвучно разыматься, приподниматься, вздыбливая рельсы, вздымая шелковистые, темно-серые ленты асфальта, запрокидывая фонари, столбы с провисающими проводами, открывая под ногами столпившихся черный страшный провал. И вот уж он вздыбился, застыл, как актер, воздевший руки в немом трагическом жесте.

— Как страшно! — прошептала она и тут только перевела дух. Агеев пристально взглянул на нее и похолодел. Она была так прекрасна в силе и блеске первой молодости, в шуршащем клетчатом платье, крепко перехваченном в талии, с обнаженными руками, которых она стыдилась, коротко постриженная, с сияющими, совершенно счастливыми глазами, что Агеев сразу покорно, с радостной и отчаянной готовностью подумал: «Я погиб!»

Они вместе очнулись от оцепенения, вместе отвернулись наконец от моста, вместе пошли по набережной... Вдруг она замедлила шаги и с недоумением посмотрела на него.

— Куда же мы идем? — спросила она. — Мне совсем в другую сторону!

— Ах, пойдемте куда-нибудь! — тотчас властно и радостно сказал он, зная уже, что она ему не откажет. — Давайте гулять!

— Да? — наивно отозвалась она и, быстро отвернувшись, перегнулась через парапет, стала взглядываться в воду. Агеев вдруг с восторгом увидел, как краснеют ее уши, понял, что она совсем еще девочка и не знает, как вести себя, что говорить, на что решиться, и что ей так же, как и ему, хочется познакомиться с ним, хочется погулять, но она не знает, удобно ли это.

— Как вас звать? — спросил он.

— Леночка, — тоненько сказала она, все еще глядя в воду.

— Ну, пойдемте, Леночка! — сказал он, взял ее за руку, и она послушно, робко пошла с ним мелкими шажками в своем тугом шелестящем, наверное, первом шелковом платье. Они свернули на Зимнюю канавку и опять остановились. Здесь было темно, чернели ровные без украшений стены, поблескивали

окна, зыбко струилась вода, а зади светились пролет моста и арка перехода в Эрмитаж.

— Господи, что подумает мама! — сказала Леночка и с мольбой посмотрела на Агеева. И сейчас же застыдилась, заторопилась, пошла, постукивая каблучками по каменным плитам, так понравился ей, так поразил ее Агеев, который в ту ночь был особенно хорош и молод, особенно решителен, взволнован и бледен той особенной бледностью, которую вызывает только любовь, только страсть и гибель!

Он догнал ее и снова взял за руку. Рука ее стала дрожать, а у него пересыхали губы, кружилась голова, и он уже ничего не чувствовал, кроме одного, что он погиб, что это невозможно, что этому никто не поверит, если рассказать. Они шли каналами, заворачивали, возвращались, переходили пустынную светлую Дворцовую площадь, подходили к Исаакию, в вышине над которым бледно сияла, горела громада купола, стлыли темные страшные ангелы. Им встречались такие же, как и они, молчаливые пары, но они уже не видели ничего — начиналось между ними то, чему нет названия, что сотрясает все тело безумием, что может в один день перевернуть жизнь. Разговорились по-настоящему они только под утро и, конечно же, говорили о своей жизни, о своих мечтах, поражаясь тому, что они встретились, и ужасаясь при мысли, что могли никогда не встретиться.

А расстались они на рассвете. Она жила возле Таврического сада, и Агеев проводил ее до самого дома, до старинных дубовых дверей на втором этаже. Горели по обеим сторонам площадки цветные витражи, бросали странный розово-лиловый свет на лицо Леночки. И она оказалась ему от этого незнакомой и печальной. Она сказала ему на прощание:

— Вы знаете, я боюсь... Я боюсь, у меня никогда больше не повторится такая ночь! Я так счастлива, что почти болна, и чувствую, что должна расплатиться за это... Это — как перед пропастью!

Он хотел поцеловать ее, но не осмелился, прикоснулся только сухими губами к ее руке. Он спустился вниз, постоял у подъезда и пошел домой, глядя себе под ноги, чувствуя одну только легкую печаль. Они условились встретиться в первую субботу, а через день он внезапно уехал в командировку. Уже собравшись, перед тем, как ехать на вокзал, он имел время зайти к ней, предупредить, узнать адрес, но не пошел... Не пошел нарочно из-за какого-то мгновенного упрямства, с едкой радостью думая о том, как она огорчится, отчаеется, когда он не придет в субботу, когда пропадет, исчезнет для нее на много дней и каким зато счастливым будет их свидание, когда, вернувшись, он придет к ней.

Как жалел он потом об этом! В какой сладкой тоске и муке прошли для него эти два месяца! Как часто просыпался он среди ночи в какой-нибудь душевой избе и, не в силах больше лежать, вставал и выходил на поросший мелкой курчавой травой двор. Овцы вскидывались и стучали копытами по убитой земле, пока он пробирался сенями. А на дворе его встречала все та же таинственная, могучая красота ночных лугов, наливающихся ржей, росы на огородах, крепкого томительного запаха холодной картофельной ботвы, пыльных широких дорог, тянущихся, как ему казалось, через всю Россию... И присев где-нибудь на бревнах, чувствуя ноющую усталость во всем теле, натруженном за день, он курил, думал о Леночке, вспоминал ее голос, ее слова, ее глаза и руки, ночные здания, темноту и свет, и Неву, и свое безумие, — дух захватывало у него, грудь стеснялась, на глазах выступали слезы, и он тогда слабо и небрежно усмехался, как бы стыдясь перед кем-то этих слез.

И вот наконец он дома, в Ленинграде, и еще не кончились белые ночи, теплота камней, прозрачность и остекленелость неба. И целый день наслаждался он мыслью о свидании, нарочно ни к кому не заходил, никому не звонил, боясь растратить то великое, что узнал, накопил он в себе за эти два месяца. Только ей одной хотел он рассказать о туманных рассветах, о деревьях, о запахе жилья, о бесконечных русских дорогах, о полыхающих зарницах, о страшных лиловых вырах грозах... Для нее он так тщательно одевался, наряжался сегодня, все больше возбуждался, холодел и горел, воображая ее прощание, ее доверчивость и любовь.

3

Он шел теми местами, где они гуляли в ту ночь. Такие привычные раньше, теперь они потрясали его. Он прошел мимо Манежа, мимо Исаакия, Адмиралтейства, мимо арки Главного Штаба... Он прошел по Мойке, впервые поражаясь гулкой темноте под мостами, миновал сумрачный Инженерный замок и вышел на набережную Фонтанки. Слева был Летний сад, темнела его пышная летняя зелень, сквозь которую просвечивали бледно-желтые мраморные статуи. Впереди — на сиренево-светлой воде Невы — смугло и четко рисовался Прачечный мост. Еще дальше была теплая пуста, сизые, плоские очертания противоположного берега. И он остановился, задумался над бегущей прозрачной водой Фонтанки, над

вытянутыми, прижатыми ко дну ржавыми водорослями. Потом свернул в переулок.

Какой это был странный переулок! И странно еще было то, что Агеев раньше никогда не бывал здесь. Высокие серые дома почти смыкались наверху, и совсем мало света проходило вниз. Прохожих не было. Почти ужасная прямая линия панели переходила в смутно-сизую даль перспективы. Это безлюдье, эта полутемнота, предвещавшая долгую стеклянную застылость ночи, эти окна наверху, блестящие мертво и плоско, — все это молчаливое, сумрачное, затаившееся неприятно поразило Агеева.

Внезапно Агеев увидел пьяного. Он сидел, привалившись спиной к водосточной трубе, опираясь руками в землю и свесив голову. Ничего решительно не было ужасного в его фигуре — обычный пьяный, каких много бывает в большом городе, и все-таки Агеев вздрогнул почему-то. Пьяный поднял лицо и тупо, пристально, с пьяной упорностью и бессмысленностью проводил глазами Агеева. А через минуту Агеев услышал вдруг у себя за спиной шаркающие, припадающие, слабые шаги. Агеев нервно повернул голову и снова ужаснулся, сам не зная чему: пьяный теперь шел за ним в двух шагах, все так же тупо и бессмысленно глядя ему в спину. Некоторое время Агеев напряженно прислушивался, ожидая, что пьяный заговорит с ним, попросит папиросу или денег на выпивку... Но пьяный молчал, только слышно было, как тяжело он дышит, как торопится и шаркает ногами. Агеев пошел медленнее, думая, что пьяный обгонит его и пойдет своей дорогой. Тотчас, как будто благодарно, замедлил шаги и пьяный. Изо всех сил стараясь казаться равнодушным, гуляющим, не замечаящим преследования, Агеев перешел на другую сторону и прислушался: пьяный шаркал за ним.

Тогда Агеев остановился и повернулся к пьяному. Тот тоже остановился, тяжело дыша, помаргивая, клонясь и приседая на слабых ногах. Агеев близко рассмотрел его лицо. Оно было отвратительно своей полной бессмысленностью, потасканностью. Оно было несчастно и как-то мучительно, тупо и упрямо сурово. Агеев быстро оглянулся: ни впереди, ни сзади не было ни души, и снова странными показались ему эта безлюдность в такой ранний еще час, эта серая безликость, мертвые окна, чистые панели с черными пятнами луж от недавнего дождя.

— Ну? — грубо спросил Агеев. — Чего надо? Пьяный молчал. Но быстрая, совершенно трезвая, насмешливая улыбка мелькнула вдруг у него на лице и в глазах. Смущенный Агеев отвернулся и пошел, уже по-настоящему испуганный, стремясь поскорее выбраться из этого узкого прямого коридора, и по-прежнему слышал, как задыхается пьяный, чувствовал спиной его упорный взгляд. Все это начинало походило на дурной сон, на кошмар... Что ему нужно? Почему так упорно преследует он его? И почему так трезво, с такой осмысленной хитростью улыбается? Почему так дик, угрюм и пустынен этот переулок? Что за странная минута?

Агеев шел, все более нервничая, злясь, уже боясь

оглянуться, боясь увидеть еще раз потасканное, ничего не выражающее, но вместе с тем нагло-вещное лицо. Он переходил на другую сторону, приостанавливался, торопился, и точно так же переходил, приостанавливался и задыхался, торопился за ним пьяный.

Наконец стали попадаться прохожие, стал слышен шум машин и трамваев на Литейном, и свистящее дыхание пьяного за спиной у Агеева прекратилось. Агеев облегченно вздохнул, ослабил напряженную спину и оглянулся: пьяного нигде не было видно. Агеев вышел даже на середину мостовой, чтобы посмотреть назад — пьяный исчез!

В глубокой задумчивости пересек Агеев Литейный и пошел по одной из тех прекрасных улиц со старинными особняками, которые ведут к Таврическому саду. Он скоро успокоился и забыл обо всем, и опять почувствовал радостный озноб при мысли о Леночке. Опять нахлынули на него воспоминания о далекой майской ночи и о своем одиноком двухмесячном жисте, о своей сладкой тоске, которая особенно остра была при виде шафранных летних закатов и по ночам. И вот он подошел уже к ее дому, остановился и закурил, со страхом и любовью глядя на старинный подъезд. Ему казалось, что она должна вот-вот выйти, вскрикнуть, увидев его, кинуться ему навстречу или притвориться рассеянной, равнодушной, спешащей куда-то. Что она? Как? Думает ли о нем, ждет ли, любит ли его так же, как он ее? Или забыла? Или до сих пор не простила ему того, что не пришел он в ту далекую субботу?

Он не мог больше стоять и курить, бросил папиросу, открыл тяжелую дверь, вошел в прохладную темноту подъезда, стал подниматься по лестнице, прислушиваясь, не хлопнет ли дверь на втором этаже, и ничего не слыша, кроме стука своего сердца. Вот опять знакомая площадка, которую он так часто воображал, вот эти прекрасные витражи, люющие сумрачный гранатово-лилово-желтый свет, вот огромная дверь ее квартиры... И, бледнея, сотрясаясь от стука сердца, чувствуя слабость и холод в животе и ногах, Агеев позвонил.

Ему долго не открывали. Переведя дух, он позвонил еще и слышал, как в глубине квартиры звякнул звонок. Но тишина была ему ответом, загадочно и сурово молчала тяжелая двусторончатая старинная дубовая дверь. Наконец раздался медленные шаги, дверь открылась, и первое, что он увидел, — была крышка гроба темно-бордового цвета с серебристыми ромбами по бокам и в головах, на широком тупом конце, прислоненная к стене в коридоре. И еще что-то ужасное, нечеловеческое было в этой квартире: шепот и шаги в глубине ее, крепкий еловый, лекарственный и еще

ОТ РЕДАКЦИИ. В этом месте рассказ, к сожалению, обрывается. Злоумышленники, забравшиеся в заколоченную на зиму дачу писателя, уничтожили бумаги в кабинете. Так были безвозвратно утрачены и последние страницы этого рассказа.

«Смена» № 10, 1955 г.

ПЕСНИ ЛЕСА

Весна наступала робко. Несколько раз начиналось потепление, проглядывало солнце, но потом вдруг снова дул холодный ветер. Только в середине апреля подул ветер, который принес весенние запахи, и зима сломалась. Прошел первый дождь, все кругом как бы отпотело, высокими из-под снега какие-то прутьки, кустики, на холмах появились темные проталины, по дорогам побежали ручьи. Целыми днями барабанили самцы-куропатки, яростно кричали сороки, лес шумел — начиналась самая прекрасная охотничья пора.

...Ночью меня разбудил лесник: «Пора! Пойдем!» Прямо с дороги проваливаемся в непроглядную тьму. Спит кругом лес, молчит, глухой и темный. Пахнет смолой, влажной землей.

— Шшшш... Тут! — останавливается лесник. Темно. Птицы не проснулись, чуть слышно скрипит ель, у подножия которой стоит шалаш. Постепенно начинаю улавливать ранее не различимые звуки: громко и часто тукает капель, задумчиво хоркают вальдшнепы, тянущие где-то стороной... Издалека, с болота, внезапно доносится странный звук, будто кто-то тихо ударил в надтреснутый колокол. Это журавли. И сразу, как по команде, заговорили все: победно закричали, затрубили на озере гуси, захлопали крыльями самцы-куропатки. Ночь кончилась.

На поляну с шумом опускается тетерев. С минуту он сидит неподвижно, поглядывая на пламенеющий восток, как бы в нерешительности: «Подождают ли уже пора?» — и, видимо, решив: «Пора!» — пригибается,

распускает крылья, бежит по поляне и вдруг громко и яростно кричит: «Чу-ффышш!» И в ту же секунду на поляну садятся еще несколько тетеревов. С безумной отвагой кидаются они друг на друга — и начинается битва любви, бывающая только раз в году.

Как они бьются! Как бормочут, чужикают, сшибаясь в воздухе!

Один петушок, молоденький и горячий, не нашел себе сразу врага. Он бестолково суется к дерущимся, но те — глаз в глаз и клюв в клюв — видят только друг друга и не обращают на него ни малейшего внимания. Петушок приходит в отчаяние, ему непременно нужен враг, нужна битва. Он шипит, раздвигая зоб, облетает несколько раз поле битвы и, наконец, начинает драться со всеми подряд, перескакивая от одной пары к другой. За ним гонится сразу несколько разгневанных бойцов, он бросается на них, отважно бьется — он счастлив.

Я лежу с ружьем в руках, слушаю песни леса, дышу его запахами. От ударов сердца руки мои дрожат и тело вздрагивает. Долго удерживаюсь, не хочу стрелять, не хочу разрушать этой праздничной весенней жизни. Но все счастье охотника — в выстреле, и я стреляю. Выстрел гулко разносится по лесу, перекачивается по озерам и затихает вдали...

...Солнце уже высоко. Мы идем по старой мшистой дороге с разбросанными по ней пятнами солнца и снега. Останавливаемся на высокой гриве. Далеко внизу, на разливе, видны утки, а совсем рядом с нами, на березе, стонет лесной голубь-вяхирь, и вздувшийся зоб его отливает золотом.

Все кругом поет и звенит. В лесу царствует весна.

В редакционной почте встретились два письма. Каждое, на наш взгляд, по-своему затрагивает очень важную для сегодняшнего дня проблему: как полнее реализовать себя в деле? Как добиться, чтобы человек больше заботился не о личной выгоде, а об общей пользе? Наше общество решает сложные, качественно новые задачи. И понятно, что ускорение социально-экономического развития страны неминуемо без творческой активности. «От каждого по способностям...» — под этим девизом должен жить и работать каждый человек. Но, к сожалению, не всегда таланты и дарования людей полностью раскрываются. Что этому мешает? Почему активность часто идет по узкому руслу, направлена на достижение лишь собственного благополучия? Почему некоторых молодых людей затягивает обывательское болото и как помочь им оттуда выбраться? Отчего порой опускаются руки у способных, сильных юношей и девушек, только-только начинающих свой самостоятельный путь в жизни? Нам кажется, что на все эти вопросы можно получить ответы в нашей новой дискуссии. Мы так и назвали ее: «Отступить или одолеть?» Естественно, дискуссия эта будет тем интереснее, чем больше читателей примут в ней участие.

«ОТСТУПИТЬ ИЛИ ОДОЛЕТЬ?»

НЕ ХОЧУ БЫТЬ «НОРМАЛЬНОЙ»

Мне 29 лет, и я «ненормальная». Все мои друзья нормальные люди, а я... Нет, это не клинический случай.

В школе — обычной и музыкальной — училась хорошо. До девятого класса. Потом начались конфликты с учителями — занималась только музыкой и осталась в общеобразовательной на второй год. Выручила другая школа, где я с успехом закончила и девятый, и десятый классы, и по сей день бесконечно благодарна ее учителям. Вот уж действительно не было счастья, да несчастье помогло...

Поступила в институт, влюбилась и одновременно запуталась в своем желании или нежелании заниматься будущей специальностью. Перестала ходить на лекции и была отчислена за неуспеваемость. Нашла работу по профилю бывшей учебы, проверила на деле сомнения и спустя три года восстановилась в институте на вечернем отделении...

В самое неподходящее время — перед защитой диплома — родила сына. То, что никому другому, кроме меня, он не нужен, догадывалась, конечно. Но особого значения этому не придавала. Все на поверку оказалось намного труднее, чем я предполагала, но, как говорится, если начать все сначала... Я все равно без всяких колебаний родила бы ребенка.

Учебники, стирка подгузников, кормежки, госэкзамены — все завертелось в каком-то вихре. А тут, как на грех, к нашему дому прибилась собака. Эрдельтерьер, только в ужасном состоянии — истощенный, облезлый весь. Мама у меня, наверно, тоже не очень нормальный человек, потому что разрешила взять его в коридор.

В итоге моей безалаберности и легкомысленности получился такой набор — грудной ребенок, самый сложный год учебы и больная собака, требующая ухода.

А мои нормальные друзья вовремя, без лишних приключений закончившие школу и институт, вовремя женившиеся и вышедшие замуж, вовремя (уж, конечно, не перед защитой диплома) родившие детей, начали жить нормальной жизнью. Двое закончили технический вуз. И дружно оставили свои дипломы «на черный день»: на 120 рублей, рассудили, счастливо не проживешь. Один работает в мастерской «Металлремонт», другой — носильщиком на вокзале. Подруга после пединститута берет на дом переводы и развозит газеты по точкам «Союзпечати». Два медика работают по специальности, делая явный упор на частную практику. Они не тунеядцы, не лентяи. Они «вкальывают» и за это «имеют».

Встречаемся мы теперь один раз в год — в день моего рождения. Празднуем его в любой день марта. Так заняты, что трудно поймать момент, когда все смогут приехать. Каждый раз предчувствие счастья прекращается с их приходом. Родные с детства лица, а разговоры... Что купили, что продали, сколько стоит, где достать, традиционный обмен нужными телефонами. Есть, правда, еще одна, всегда имеющая успех тема. Это я и моя семья — из искренней любви ко мне и самого что ни на есть искреннего сочувствия они учат меня жить «нормально». Предлагают избавиться от собаки, «отравившей» мне жизнь, берутся устроить Мишу на пятидневку в детсад с бассейном, а мне предлагают одну или сразу две кандидатуры состоятельных мужей.

Лично я — за благосостояние. Это прекрасно, когда живешь без особых забот о «хлебе насущном», не перехватываешь десятку до полочки. И я не меньше, чем всякая нормальная женщина, хочу замуж. Да и от собаки устаю: никогда не думала, что она

потребуется столько ухода. Но когда мои друзья начинают говорить на эту тему, я прихожу в ужас. Как же можно так запрограммировать свою жизнь! Как можно расстаться с Кешкой — он же привязался ко мне, а я к нему. И не смогу я заснуть ночью рядом с пустой Мишкиной кроваткой — я здесь, а он где-то там. И любовь не купишь ни за какие деньги, ни за какое благосостояние.

Я не знаю, что возразить моим друзьям. Чувствую, что они не правы, а слов убедительных не найду. Потому и пишу это письмо. Хочу разобраться.

Совсем недавно я прочитала статью о парне, служившем в Афганистане. Там он видел горе, смерть. Понял, что больше всего ценится в жизни. Вернулся домой и взглянул на все через призму пережитого там, и больно ему стало. Какими нелепыми, смешными и жалкими кажутся ему наши «ценности»: дубленки, кроссовки, телефоны нужных людей... Там пахло революцией, здесь — гнилью болотной. Там в человеке просыпалось самое прекрасное — отвага, верность, благородство, сострадание, ненависть ко всякого рода злу и жажда борьбы с этим злом. Здесь от чрезмерной успокоенности и сытости процветает равнодушие.

Почему мы так преступно спокойны? Ведь только и успеваем, что заработать деньги и потратить их на вещи. Любить толком не успеваем, ненавидеть тоже — подлость прощаем, лишь бы не связываться. Боймся брать на себя ответственность.

А, может, потому и не приходят в наши умные головы высокие, прекрасные мысли, что в них все забито нужными адресами и телефонами?..

Мои друзья не устают повторять: «Спустишься на землю, живи, как все нормальные люди». Не хочу! Разве это нормальная жизнь?..

Ольга БОРИСОВА,
инженер, Московская область

ХОЧУ, ЧТОБЫ МЕНЯ ПОНЯЛИ

Уважаемая редакция!

Не привите мое письмо за жалобу. Просто это крик души. Чувствую, как почва уходит из-под ног. Рушится все, ради чего живу, работаю. Неделю назад меня вызвал заведующий роно, накричал, как на мальчишку, а под конец заявил: «Если вы не прекратите свою самостоятельность — уволю. Тоже мне, Сухомлинский выискался».

Все исковеркано, искажено до неузнаваемости, меня обвиняют в каких-то постыдных помыслах, в безнравственности. Никто не хочет выслушать, понять. Директриса смотрит так, словно я нанес ей личное оскорбление. Коллеги в школе шарахаются, как от прокаженного, ищущаю за моей спиной. Но главное — ребята. Я не могу смотреть им в глаза. Что я им скажу, как объясню, почему мы больше не сможем собираться по вечерам, слушать музыку, смотреть слайды... Пришел конец нашему клубу любителей искусства. «Прометей» — так называется клуб — пал, сраженный анонимкой.

И в мыслях не было, что именно так начнется моя работа в школе. Ехал сюда с самыми радужными надеждами, захватил с собой книги, пластинки, диапозитивы. Готов был к любым бытовым неудобствам — все это мелочи, когда у тебя есть цель. Я-то мечтал о «школе радости», хотел открыть ученикам прекрасный мир поэзии, музыки, живописи — как Сухомлинский. Зря, наверно, я рассказывал об этом заведующему роно: мою откровенность он обратил против меня.

Но почему я должен это скрывать? Да, я хочу работать, как Сухомлинский, пытаюсь хоть в чем-

то быть похожим на него. Прошлым летом, почти перед самым окончанием пединститута, я познакомился со старой учительницей, которая работала вместе с Василием Александровичем. Не в знаменитом Павлыше, а еще раньше — в Удмуртии. Как увлекательно рассказывала она о том трудном времени!

На распределении я сам попросился в отдаленный район. Вот, думаю, там будет мой Павлыш.

Сначала все складывалось неплохо. Не скажу, что здешние педагоги приняли меня с распростертыми объятиями, но отношения установились вполне нормальные. Правда, директриса, посмотрев мои документы, «пошутила»: «С таким дипломом вы у нас вряд ли долго задержитесь. Наверно, аспирантурой грезите?»

На уроках я старался дать ребятам то, чего они не прочтут в учебнике. За это наши доблестные методисты меня и упрекнули: «Не увлекайтесь, ближе к программе». А так хотелось поделиться своими размышлениями о Пушкине, Лермонтове! Тогда я и предложил организовать клуб любителей искусства. Мои восьмиклассники загорелись этой идеей. Директриса поморщилась, но согласилась. И опять «пошутила»: «Материал для диссертации готов?»

Не знаю, какому «доброжелателю» помешал наш клуб. Мы слушали Баха и Чайковского, читали Маяковского, Ахматову и Пастернака, толковали о Рубенсе и Врубеле. Бывало, так увлекались, что сидели в школе до ночи. Техничка тетя Настя недовольно ворчала и называла нас «полуночниками».

И вот как гром среди ясного неба эта анонимка. В чем только меня не обвиняют! Дескать, я плохо влияю на учеников, показываю им картины, где изображены — о ужас! — обнаженные мужчины и женщины. Шедевры мировой живописи приравнены к пошлым картинкам. О чем еще говорить?.. А главное, никто не хочет разобраться в деле по существу. «Сигнал» поступил, значит, надо отреагировать. Как? Очень просто: прикрыть — и точка.

Честное слово, руки опускаются, когда вот так, лоб в лоб, сталкиваешься с обывательщиной, равнодушием.

Не знаю, сумею ли доработать до конца учебного года в этой школе. Нет сил. Хочу поехать в облоно и попроситься в другой район.

Вот так обрезают крылья молодым. Да разве только в школе? А чего стоит пробиться талантливому изобретателю, актеру? Многие начинают с хрустальной мечты, а оказываются у разбитого корыта. Неудивительно, ведь хрусталь, если его ударить о стенку, разлетается в мелкие кусочки. Вот и я сейчас собираю осколки, пытаюсь как-то склеить их, но, увы, не получается.

Если будете публиковать мое письмо, то не называйте адреса. А вместо фамилии поставьте псевдоним — им я подписываю стихи, которые пока никто, кроме меня, не читал.

Андрей ОКАЕЛОВ

Итак, почему опускаются руки у молодых?

У тех, кто полон сил, энергии, жаждет не слов, а поступков?

Как сделать так, чтобы каждый смог раскрыть свои способности?

Ждем ваших писем!

"СЕГОДНЯ Я ЛЮБЛЮ СЕБЯ"

Галактион ТАБИДЗЕ

Солнце июньское

Солнце июньское,
взглянь, светлоликое,
Вот на коленях я перед тобой,
Ту, что зажгла во мне
чувство великое,
Под светозарною сенью укрой.

Оком всевидящим,
оком спасительным
Горе и бедствия ты отврати
И чудодейственным
светом живительным
Помыслы чистые в ней возроди.

Время нещадное дланью незримою
Выстлало трупами путь роковой...
Тучи развеи над моею любимой,
Солнце июньское, молит сын твой.

Вспоминаются ль тебе
Каралетские деньки,
Горы в сказочной резьбе,
Лес, опушка у реки?!

Вновь ли светятся еще
Огоньки в глазах твоих?
Или срок уже пришел
И погасло пламя в них?

Шла ты под руку со мной,
Но недолго... Нынче мне
Уж неведомо, в какой
Ты пропала стороне.

Перевел с грузинского
Ираклий БУХНИКАШВИЛИ.

Валентин СОРОКИН

В первый раз мне сегодня легко,
Я на лыжах уйду далеко.
Пусть березы звенят надо мной,
Пахнет ветер морозный весной.
И твой голос из радостной тьмы
Мне выносят навстречу холмы.
Не боли ты, не злобься, душа,
Будет звездная ночь хороша.

Ты приехала, ты прилетела,
Потому и, наверно, Москва
В свете утреннем позолотела,
Веселее цветы и трава.

Ты приехала, дали чужие
Отпустили тебя. И вдвоем
Очень нежные, грустно-большие
Мы навстречу былому идем.

Твой браслет на руке серебрится,
Не по-здешнему кольца горят.
А вокруг — незнакомые лица.
Нас теснит и смущает их взгляд.

Ты приехала, и забасили
Все мосты на реке, и опять
Столько вздохов
приветных в России —
Каждый куст зашумел, не унять.

Я люблю тебя и замыкаю
Над тобою ладони свои.
Ты, как прежде, родная такая —
Жаль, замолкли вчера соловьи.

Но за городом, в нашем просторе,
Где березы взлетают в зенит,
Поседевший, как будто от горя,
Есть один, что звенит и звенит.

Лев ОШАНИН

Корабль идет,
как зверь хвостатый,
Винтами пенный след рубя,
А я гляжу в иллюминатор,
И в волнах вижу я тебя.
Ты только что вошла с дороги.
Глаза еще скупы и строги.
Но вот в улыбке дрогнул рот.
И прочь усталость,
прочь тревоги.

И мы с тобой одни, как боги...
Когда же это вновь придет?

В иллюминаторе сварливо
Раскачивается волна.
Соль Генуэзского залива.
И вот уж Генуя видна.

Андрей ВИШНЯКОВ

Тень строга и недвижима
В черной раме окна.
Вижу: милая женщина
Остается одна.
Шаль пуховая тяжестью
Разлита по плечам.
Одинокую женщину
Называйте — печаль.
Все вплотную приблизилось —
И беда, и вина.
На глазах моих женщина
Остается одна.
Не помогут раскаянья
И искания мне.
Одинокая женщина —
Одинока вдвойне...

Синяя лампа.
Приветливый свет.
Жизни святая минута.
Нет огорчений,
и праздников нет —
Есть ожидание чуда.
Старая рамка.
Знакомый портрет.
Вечная суцая мука.
Нету измен,
незвезения нет —
Есть ожидание друга.

Амир МАХМУДОВ

Ландыши

Весенний лес —
таинственный оркестр!
Непостижимы голоса и трели...
Колдуют, что ли, ландыши окрест?
От ландышей мы словно одурели.
Привиделось, поверилось тогда,
Что с неба валом ландыши валили.
Что с нами?
Это радость иль беда?
Не в ландыши и нас ли обратили?
И врассыпную ландыши легли,
Бель, как снег, или белее снега
Вдоль всей земли...
И нам с тобой разлуку принесли
Те ландыши,
просыпанные с неба.

Перевела с татарского
Марина КУДИМОВА.

Николай НОВИКОВ

Любовь

Для голода есть место у стола.
Цех — для труда.
Для немочи — больница.
А у любви нет своего угла.
Так велика, что негде поместиться.

Мороз под утро выбелит стекло
И вертикально к небу
Зачем ей печь? Дым поставит.
Она сама — тепло.
Дохнет на зиму — и снега растают.

Чужда ей ограниченность квартир.
Стеснителен уют. Она бездомна.
Сквозь потолки
и стены рвется в мир,

Веселый,
Страшный,
Звездный
И бездонный.

Она придет — и ты ей не перечь.
А ночью спи. Смешно ее стеречь.

Ты убегаешь все,
Ты убегаешь...
Скользнет — исчезнет голубая тень.
И каждый день
ты словно погибаешь
И возникаешь снова каждый день.

А мне дано искать тебя по свету,
Почти поймать.
И упустить опять,
И след терять,
И вновь идти по следу.
Отчаиваться,
Задыхаться,
Гнать.

Пусть сердце разрывается на части,
Клокочет воздух в легких на бегу.
Но если я скажу, что нету счастья,
Не верьте мне!
С досады я солгу...

Игорь ТАРАСЕВИЧ

И та любовь еще горит,
как позднее окно.
Но только сердце говорит,
что сравнивать — грешно.
Ее бледнеющая тень
мешала — не тебе.
Я думал в этот зимний день
о собственной судьбе.
О том, что белая постель
готова декабрю.
Что — снег, что — холод,
что — метель,
что я тебя люблю.

Мой товарищ, не ведая меры,
в простоте не находит греха,
но намерен построить карьеру
на зыбучей основе стиха.

Он и то почитает за счастье,
что, пускай не в начале пути,
обнаруживает страсть
и пристрастие
разучился годам к тридцати.

ОДНЯ СЧАСТЛИВАЯ

А.С. ПУШКИН

Наталья ХАРЛАМПЬЕВА

Услыхала сегодня нечаянно
пересуды досужих людей:
что любовь наша чисто случайная,
скороспелая и без затей!
Ах, как просто толпа все решила,
все ответы к загадкам нашла!
Прозвучало и пошло, и лживо
все, чем сердце мое было живо:
как я долгие годы любила,
как тянулась к тебе, как ждала!

Он будет думать, но не догадается —
моя любовь к нему большая тайна.
Пусть люди говорят и удивляются.
Пусть он узнает обо всем случайно.

Так — наяву. Вчера же тем не менее
он вдруг пришел
в мое стихотворение.

Сказал:
«Хоть на дворе сплошная мгла,
я потому пришел, что ты ждала!»

Перевела с якутского
Лидия ГРИГОРЬЕВА.

Юрий УВАРОВ

Взгляд

Взглянула мельком —
Словно обожгла.
Я не споткнулся,
Пролетел стрелою.
Меня несли обычные дела,
Да так, что ног
не чуял под собою.

Взглянула мельком —
Может быть, судьба?
Откуда знать
И что понять глазами.
И нет вины на мне,
И нет суда,
Чтобы меня
За это наказали.
Нам оглянуться недосуг назад.
Мы не живем —
Летаем и мелькаем.
...Года прошли,
Но этот женский взгляд
И по сей день
Лежит на мне,
Как камень.

Отрочество

Прошла,
Не заметила даже,
Разбрызгивая воробьев...
Весна.
Городок двухэтажный,
На каждом заборе — «любовь»,
И мне бы мелок отыскать.
Но только сегодня важнее
За нитку бумажного змея
Суметь небосвод удержать.
Он рвется,
Высокий такой,
Весенний,
Волнующий,
Влажный,
И нитка звенит под рукой,
И все остальное не важно.

Римма КАЗАКОВА

Прощай, любовь!
Твоя эпоха кончилась.
Кого-то привечай и причитай.
Как роды, помню,
как ты в муках корчилась, —
теперь не боль — печаль...
Любовь, прощай!

Душа устала, опустело тело.
О, это сладко-горькое питье!
Пора, как говорил поэт, за дело
приняться, за старинное свое.

Прощай, любовь,
мгновенный дар бесценный,
прощай, страна господ, страна рабов!
Ты на весах равнялась жизни целой.
Жизнь перевесила...
И все ж твой верх, любовь!

Лев ОЗЕРОВ

Посреди раздумий, бреда,
Просьб и жалоб без числа
Мне нужна твоя беседа,
Твой попрек, твоя хула.
Похвала твоя нужна мне,
Все приму —
и гром, и тишь,
Я взращу зерно на камне.
Если только повелишь.

Александр ЖУКОВ

Повстречались — глаза в глаза.
И она меня тоже узнала.
Но я ей ничего не сказал.
И она ничего не сказала.
Отвернулась и сделала вид,
что торопится, словно по делу.
Все равно я успел уловить:
изменилась-то как! Постарела.
Этот зонтик, кошелка, очки...
И одета не слишком ли просто?
Средь толпы незаметна почти,
если б рядом не дочка-подросток.
Лишь она, стебелек золотой,
чуть до мамы своей не доросший,
вдруг напомнила сердцу о той,
никогда не стареющей, прошлой.

В звонкой дали исчезающих лет,
в мире земном
и в просторе безбрежном
имя твое, как сияющий свет,
Вечный и юный, горячий и нежный!
Легкие струи весенней воды
мчатся по улицам, светом залитым,
светом наполнены даже следы,
где проходила по каменным плитам.
Там, где недавно бродила пурга,
взгляд ли поднимешь
иль вымолвишь слово,
плавятся льдины и тают снега,
тронулись реки от света такого!
Зеленью веток, лучами травы,
вешним рассветом
встаешь над землею...
В мыслях светло! Переполнен тобою.
Видишь — сиянье вокруг головы?!

Михаил ЛЬВОВ

Жена

«Если скажу я, что ты мне жена,
Я ничего не скажу этим словом».
П. Антокольский

Это чудо
я должен беречь.
Как сокровище,
должен стеречь
И ладонью
морщины
стереть...
...Так бывает —
не встать
и не лечь,

А тебя
это чудо
и лечит,
И лелеет,
и что-то лепечет.
Даже лепет
тебя
этот лечит...
Нет в аптеках
такого
лекарства —
Поднимать
из подземного царства,
А вот ей
удавалось и это —
Чтоб тебя
возвращать
с «того света...».

Только ей
эта тайна дана.
Потому и зовется —
жена.
Как молитва,
во мне эта речь:
— Это чудо
я должен беречь!

Владимир БУТ

Сине-синие
глаза

На байкальских
Плесах звонких
По утрам лазурь горит...
Подарила мне девчонка
Синий камень — лазурит.

Только вовсе то не камень,
Не сапфир, не бирюза —
То на долгую мне память
Сине-синие глаза.

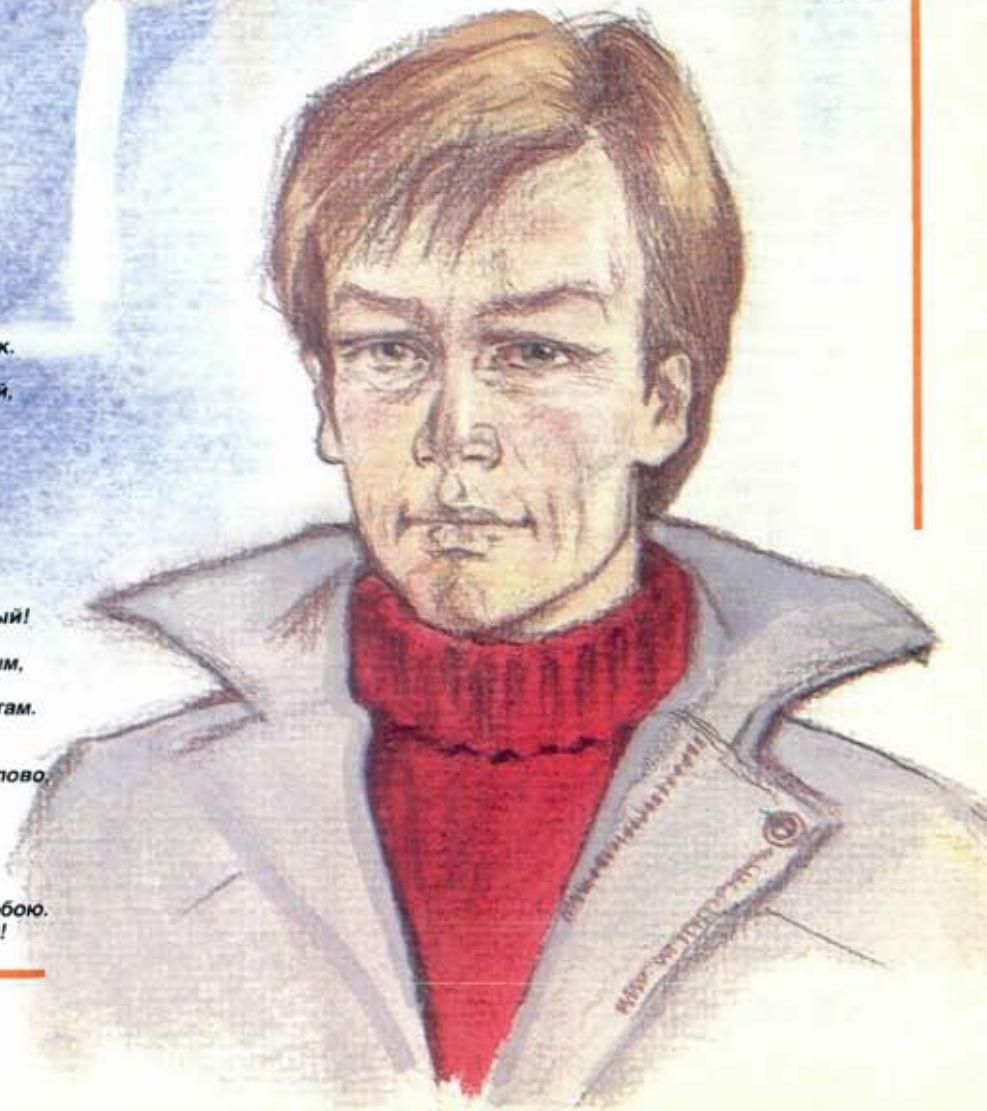
Ах, байкалочка-ангарка,
Знать, волшебницей была
И коварнее подарка
Мне придумать не могла.

Этот камень синеглазый
Из байкальских чистых вод,
По девичьему наказу
Снова в путь меня зовет.

Вновь хочу испытать водицы
У подножья древних скал,
В гости к сказочной синице
Плыть с тобой через Байкал.

Снова видеть, как над кручей
Чайка белая парит...
Ах, какой он сине-жгучий,
Этот камень — лазурит!

Рисунок
Антон
КУМАНЬКОВА

КОНФЛИКТ НА СОЛОВОВКАХ В ЗАЩИТУ УЧИТЕЛЯ

Опять я на Соловках — на родине. Зрени- ем, слухом, каждой клеткой своей вос- принимаю окружающий мир, сверяю его с тем, который помню с детства. «Лес, школа, озеро... Приехала домой — в сту- денном море крохотная точка». И вдруг душа, готовая воспарить, воспеть, за- мерла и сникла, когда я услышала, казалось, неправдоподобный рассказ учительницы соловецкой средней школы о событиях не далее чем нынешней зимы.

Нина Дмитриевна Пахомова, бледная, истощенная, буквально «кожа да кости», то и дело куталась в большой пуховый платок. По ее щекам сами собой текли слезы.

Родом Нина Дмитриевна из Ярославля. По специ- альности биолог-вирусолог. Окончила два вуза — сельскохозяйственный институт и Киевский уни- верситет. Член партии. В Архангельск приехала пото- му, что знала: Северу нужны люди. Почти три года работала на кафедре нормальной анатомии в Архан- гельском мединституте. Жила на частных квартирах. Сегодня единственная для нее родная душа на всем белом свете — отец, бывший фронтовик. Ему 72 года, живет в Ярославле, ждет, когда дочь устроится и заберет его к себе. Из-за отца Нина Дмитриевна и Архангельск покинула. Поняла, что получить жилье в городе в ближайшие годы нет никаких надежд.

Оставила работу в институте, поехала учительство- вать на Соловки. Договоренность с облоно и директо- ром соловецкой школы Н.И. Горбенко была, каза- лось, надежная. Директор обещала квартиру в учи- тельском доме, хороший заработок. И остров Нине Дмитриевне сразу понравился: «Люди тут хорошие, добрые, и природа такая красивая». Чего же еще надо тихому, скромному человеку? Хотела уже и отца сюда привезти, да тот поостерегся срываться с места, решил подождать, пока дочь не только обещания, но и обещанное получит.

Через два дня после приезда, 22 октября, Пахомова приступила к работе. Опыта преподавания в школе у нее, конечно, не было. Было только огромное жела- ние работать с детьми. А ведь еще А.С. Макаренко говорил, что даже самый молодой и неопытный учитель в едином, спаянном коллективе, возглавляе- мом хорошим руководителем, может сделать боль- ше, чем какой угодно опытный и талантливый педагог.

Виделась Пахомовой, как человеку с высшим сель- скогохозяйственным образованием, и перспектива. На Соловках есть «Сад акклиматизации растений», со- хранившийся еще от монахов. Можно возобновить в нем работу вместе с учениками. Узнала здесь про учительницу Марию Ивановну Андрееву, под руковод- ством которой школьники каждый год работали в саду, что находится в Макарьевской пустыни. Сохра- няли сад, уникальный для Севера, где цветут не только маргаритки, но и гималайские морщинистые розы, тянутся к солнцу пихты и лиственницы, плодо- носят яблони. На опытных участках соловецких юн- натов сборы зерна пшеницы соперничали с урожаями на Украине. Теперь об этой работе напоминают только разрушенные парники за школой.

Место учителя биологии было занято, и директор попросила Пахомову вести уроки географии: через год, мол, место освободится. Жить, тоже временно, поселили в монастыре, в той его части, что зовется «гостиницей». Она была закрыта на ремонт, а потому еще и уговаривать пришлось, чтоб поселили, всего на десять дней — пока отремонтируют учительнице обе- щанную квартиру. И прожила там Нина Дмитриевна целый месяц. А когда увидела свое будущее жилье вовсе не в обещанном учительском доме, ужаснулась: нет дверей, проводка висит, трубы отопления текут, печку надо заново перекладывать, а вместо туалета и вовсе одна труба в полу, прикрытая ящиком...

Напоминать о себе директору — только на ругань нарываться. Горбенко одно твердит: «Дали вам квар-

тиру, ремонтируйте и въезжайте». Но разве одолеть женщине такой ремонт, да еще в зиму?! А тут ко всем бедам еще одна: упала, трещина в ребре. За водой на озеро сходить — и то мука.

Пахомова — человек совестливый, деликатный, не- удобно ей просить за себя, а все-таки собралась с духом, пошла к Горбенко.

— Нина Иосифовна, разрешите, пока квартира не готова, переселиться в свободную комнату в учитель- ском доме. Там тепло, водопровод и все-таки люди рядом...

Как тут директор разбушевалась! Всем досталось. И тем учителям, что, пожалев человека, сообщили Пахомовой о свободной комнате, и тем, что осмели- лись хлопотать за «новенькую», и самой просительни- це: «Обнаглела! Не нравится — уезжай, откуда яви- лась...»

В свободной комнате директор приказала срочно оборудовать фотолaborаторию якобы для школьных нужд. Вот именно «якобы», так как школьному фотокружку, которым руководит учитель физики И.В. Сухих, вполне хватало помещения физического кабинета. Тем не менее спешно купили новое обо- рудование и свободную 10-метровую комнату тут же разделили пополам черной сплошной ширмой. Вто- рую же половину комнаты директор отдала «жалоби- щике». Но с тех пор стала директор требовать от Пахомовой расписку, что та будет работать в школе только до конца учебного года. Зачастаила к новой преподавательнице на уроки с проверками, предвари- тельно «создав настроение» оскорблениями и угроза- ми, грубыми окриками в присутствии других учителей.

В эти-то самые горькие для Нины Дмитриевны дни я с ней и познакомилась. Произошло это случайно. Вместе оказались в соловецкой островной библиоте- ке. Под пушистым платком, которым она до самых бровей укрывала свое милое лицо, я заметила живые, ясные глаза и очень хорошую, добрую улыбку. Есть же люди, подумала я, у которых душа будто и впрямь светится. В глазах ли, в улыбке этот свет — не знаю. А только увидишь такого человека, и тянет к нему, поговорить хочется. Так и разговорились.

Раньше, когда я сама училась в соловецкой школе, у нас было много хороших учителей. Но, как говорит- ся, «иных уж нет, а те далече...». Одни умерли, другие уехали с острова. По этой ли причине, или оттого, что сама школа и все вокруг нее так изменилось, какой-то чужой она мне показалась. Унылой. Краска на стенах грязно-неопределенного цвета, пол облупившийся, грязный, мрачно-коричневая раздевалка. Помню, на- против школы и за ней чудесный был лес. Осенью прямо на переносках мы собирали там ягоды. Гля- нешь, бывало, из школьного окна — красота... А что теперь? Развороченная земля, на которой стоят два дома, серо-безликие, типовые. И еще такие же строятся...

Но еще остались в школе учителя из числа «старой гвардии» — преподаватели начальных классов Мария Андреевна Лобанова, Мария Ивановна Чистякова. Спросите теперешних школьников об их любимых педагогах — обязательно назовут эти фамилии. И Любовь Ивановну Смирнову назовут, учительницу математики, депутата сельского Совета. И Зинаиду Александровну Репину, Игоря Валентиновича и Ли- дию Александровну Сухих...

Правда, молодая, бойкая, нынешняя директриса, которая несколько лет назад приехала из Казахста- на, не верит, что соловчане «могут говорить хорошие слова о ком-то», да и вообще «устарели» для нее учителя-ветераны: «Убирать их надо, методу не знают».

А я-то удивлялась: почему школа не отмечала 70-летие Раисы Денисовны Сысоевой, учительницы музыки, о которой в свое время писал хвалебные слова сам Гнесин. Ведь на ней, несмотря на возраст, держится и библиотека, и вся художественная само- деятельность. Уж не «юбилейные» ли денежки ушли на награждение собственного мужа Горбенко, заме-

стителя по воспитательной части? Якобы «за поста- новку пьесы». Насколько я знаю, Раису Денисовну даже за постановку оперы «Евгений Онегин» не баловали денежной премией. Все вроде привыкли: «Сысоева — энтузиаст, работает из любви к высокому искусству. Зачем ей деньги?» Даже благодарного слова не нашлось!

Ни расспрашивать об этом, ни сочувствовать Раисе Денисовне нельзя, плачет: «Ради бога, не надо об этом. Это так унижительно...»

И удивлялась я, почему не поздравили Марию Андреевну Лобанову с сорокалетием работы в школе. И почему Мария Ивановна Чистякова, когда я ее спросила о директоре, только махнула рукой в ответ: «Тяжело об этом говорить...»

Молодым учителям, приехавшим на Соловки по распределению, не легче: «Приходит директор на уроки, смотрит, но никакой конкретной помощи от нее нет. Фиксируются только недостатки. Это стиль ее работы».

Да и откуда быть помощи, ведь весь «педагогиче- ский» стаж у Н.И. Горбенко до того, как стала ди- ректором, год работы воспитателем в группе про- дленного дня. Почему же именно она стала директо- ром? Вопрос, ответ на который не могут (или не хотят) дать даже в облоно. Уж там-то, наверное, знают, что руководителем, которому принадлежит ведущая роль в коллективе, должен быть опытный педагог. Разве доверят, к примеру, начинающему судоводителю капитанский мостик? Так неужто работа директора школы, на плечах которого судьбы подрастающего поколения, менее ответственна? Конечно же, нет! Тем более на удаленном от Большой земли острове, где школа является организующим, направляющим началом и по отношению к отдельному ученику, и по отношению к каждой семье.

В соловецкой же школе даже у начинающих педаго- гов нет доверия к руководителю. Одна учительница с недоумением и горечью рассказывала:

— Поначалу было так: возникнет хорошая идея, бегу к директору обсудить, поделиться. А потом стала замечать: в самый разгар моего энтузиазма у Нины Иосифовны холодеет глаза. Однажды и вовсе вски- нулась: «Тебе что, больше всех надо? Или перед облоно выслужаться хочешь?» Руки опустились...

— Однако, — добавляет другой учитель, — если в школе какое-то хорошее мероприятие пройдет, ди- ректор не забудет в своих отчетах упомянуть: «И мы пахали...»

Все, с кем я разговаривала, просят об одном: — Только наших фамилий не упоминайте. Горбенко мстительная. Если узнает, что против нее говорили, житья не будет. А молодым учителям такие характе- ристики даст — не отмоешься...

Вот оно что! Значит, если хочешь жить без хлопот, живи «тише воды, ниже травы», будь покладистее, сговорчивее, услужливее, забудь про интересы шко- лы, о совести, о чести, о том, что звание тебе — Учи- тель. А это значит, что твоя культура, моральные устои, все поведение — живой пример для ребят. Но каким будет этот пример? Чему научит учитель, в котором ценится лишь одно качество — гибкость его позвоночника? И как стать хорошим учителем в школьном коллективе, где нет единства трех состав- ных частей: ученик — учитель — директор? То есть, по сути дела, нет самого коллектива. Ведь настоящий коллектив — это, как известно, не просто группа людей, а живой, сильный организм, в котором каж- дая здоровая клетка взаимосвязана с другой. И если он слаб, то каждый нарывчик на нем болезнен. Искалечить его, разрушить может любой самодур, тем более если этому самодуру доверено руковод- ство коллективом.

Мне, как землячке, соловчане доверяют многое. Но и предостерегают меня: «Горбенко — ужасный чело- век. С ней никто ничего не может сделать. Вывернет- ся, извратит каждое слово, в итоге ты окажешься

виноватой, а она незаслуженно обиженной страдалицей. Оборотень какой-то, а не человек».

Ни дать ни взять Фома Опискин в юбке. Правда, с существенной разницей в облике. Директор — молодая и красивая женщина. Ну, как тут не войти в положение некоторых «борцов за справедливость» из Соловецкого исполкома и Архангельского облоно?

Вот и predisполкома сельсовета Джавадов перед моим отъездом заверял, что справится с Горбенко своими силами: зачем, дескать, выносить сор из избы? А потом получаю от него письмо: «...Вопрос этот стоит очень остро. Огромное неудовольствие выразил заведующий облоно тов. Корнеев. Однако правда должна восторжествовать. Ведь и для меня моя Россия начиналась с Соловков...»

Но вот читаю письмо от секретаря парторганизации острова А. В. Костина: «Все обещанное Вам Джавадовым оказалось пустым звуком. Я почти один «в поле воин». К тому же я стар, а тут нужны большая выдержка и нервы...»

Долго искать корень зла не нужно — это безнаказанность. Именно она ведет к неверию в справедливость, к равнодушию и откровенной трусости людей, сопкиоснувшихся со злом. Именно она, безнаказанность, разжигает самоуверенность и бесстыдство вершителей неправых дел. А какой пример детям, в которых эхом отзываются слова и поступки взрослых! Что будет с теми, кого на линейках при всех директор называет «дебилами», «кретинами», «недоносками»?

Одна учительница вспоминала:

— Директор как закричит, а сердечки-то детские, с кулачок, так и сжимаются от страха...

Бороться с Горбенко пытались. Учителя писали в «Учительскую газету», обращались в облоно. Даже дети в «Пионерскую правду» жаловались. Жалобы возвращались с резолюцией: «Разобраться на месте». Облоно ограничивался проверкой «уровня преподавания». Почему?

— Коллективного письма от учителей не было, — объяснил заведующий облоно А. Н. Корнеев. Однако и обнадежил: — Работа Горбенко не вызывает хорошего впечатления. Примем меры, о результатах сообщим...

Воз, как говорится, и ныне там.

А ведь какой испуганной, жалкой была Нина Иосифовна, когда прибежала ко мне в гостиницу в день отъезда. Чуть свет явилась: «Давайте еще раз поговорим, я вчера была не подготовлена к интервью. Зайдите в школу, отчеты мои посмотрите...»

С отчетами у Горбенко, не сомневаюсь, все в порядке. Но что общего между этими отчетами и реальной работой по воспитанию детей? Какими они будут, когда окончат школу? И с кого тогда спросить, если кто-то из нынешних соловецких школьников недополучит так нужных им доброты и милосердия, бескорыстия и чистосердечия? Кто ответит за недостаток у них внутренней культуры, порядочности, которая не восполняется никаким самым высшим образованием?

Право же, нет у меня никакого желания и дальше описывать «художества» директора школы. Приведу только вкратце наш с ней разговор (записанный с согласия собеседника на диктофон), в котором она умудрилась не сказать ни одного слова правды.

— Как получилось, что жилая комната в учительском доме была превращена в фотолaborаторию?

— Там не фотолaborатория. Там живет Пахомова Нина Дмитриевна. Там она живет...

— Но я была в этой комнате и видела собственными глазами...

— Я не понимаю, в чем меня обвиняют. Вы у Нины Дмитриевны спросили: она возражает, что там фотолaborатория? Что тут такого? Нина Дмитриевна тоже увлекается фотографией...

— Из числа молодых специалистов, кого вы принимали на работу, много ли осталось, закрепилось в школе?

Нина Иосифовна очаровательно улыбается:

— Во-первых, мы с мужем закрепились...

И далее называет супругов Сухих, что четырьмя годами раньше, чем сама директор с мужем, приехали учительствовать на остров. Потом Любовь Ивановну Смирнову, коренную соловчанку, у которой и сестра, и мать живут здесь же. Зачем ее «закреплять»? И даже Сухова назвала, который давно уже не работает в школе и, по его собственному признанию, «вынужден был уйти из-за Горбенко».

И далее все в том же духе. В то время, как девять человек (при штате в 15 учителей) прямо заявили мне о невозможности работать «при нынешней администрации».

Нина Иосифовна не смущена и этим сообщением:

— А у какого руководителя, скажите, нет врагов и единомышленников?

«Враги» — это коллектив учителей, надо полагать. Ну, а кто же «единомышленники»? Это учитель литературы, приятельница директора Л. Л. Штеймарк. Дети рассказывали, что от этой, с позволения сказать, учительницы исходит иногда «пьяный запах». И именно об этом человеке директор говорит: «Интересная, эрудированная, много видела в жизни...»

— Ну, а как же насчет ее пристрастия? — спрашиваю.

Нина Иосифовна переходит на заговорщический шепот:

— Вы насчет этого? — Горбенко щелкает себя по грациозной шейке. — Видите ли, у меня нет на нее ни одного письменного заявления...

А то, что один мальчик в знак протеста разорвал учебник литературы, по которому преподает Штеймарк, это, конечно же, не принимается во внимание. Это, мол, просто «хулиганская выходка».

И еще на один вопрос хотелось мне получить ответ директора. В позапрошлом году по халатности администрации выпускаем десятого класса не была представлена ни одна из оценок по истории. Поехали юные островитяне поступать в учебные заведения на Большую землю, а им говорят: «Приезжайте в следующем году. У вас неправильно оформлены документы». Потом поставили оценку, да печать какую-то забыли приложить... В результате только одна девочка «успела» поступить в институт. Да и то не в Москве, как мечтала, а в Архангельске.

В оправдание Горбенко вроде бы нечего сказать: виновата. Но она и тут находит для себя «смягчающие обстоятельства».

— Меня в это время не было на Соловках. За меня муж оставался.

Муж Горбенко, он же, как было сказано, заместитель директора (то есть своей жены) по воспитательной работе, — человек, не отличающийся крепким здоровьем. И вдруг узнаю, что в то злополучное лето, исполняя обязанности директора, он сумел осилить еще две работы «по совместительству» — в лесхозе и на лодочной станции. До выпускников ли тут? Ведь семейное «гнездышко», дом на Большой земле, денег требует. И книг хороших... Иногда из школьной библиотеки... Был такой случай. Попалась директор на том, что изъяла из посылки с подписными изданиями, пришедшими в школу, понравившиеся ей книги. А когда была уличена в этом, преспокойно заменила недостающие книги другими, поскольку изъятые оказались уже отправленными на Большую землю.

По-моему, всякий неравнодушный человек скажет: «Довольно».

Но вот недавно получаю письмо от секретаря парторганизации острова А. В. Костина: «...23 января провели собрание в школе вместе с predisполкома Джавадовым. Когда я выступил и затронул больной вопрос об обстановке в коллективе, у Горбенко заходили желваки, и собрание быстро прикрыли. После собрания зашел к директору в кабинет, позвал завуча Кожевина и предместкома Сухих. После беседы с ними я понял, что директор и завуч хотят избавиться от Пахомовой. Сухих и я пытались их урезонить, но бесполезно. А назавтра ко мне приходила Н. Д. Пахомова и рассказала, какую повели на нее атаку Горбенко и Кожевина. Это даже описать трудно... Борьба с каждым днем становится все труднее. Придется, видимо, и мне сдавать полномочия, поскольку не вижу выхода в этой борьбе».

Новое письмо от Нины Дмитриевны: «... Собрание в школе ничего не решило. Даже не дали никому выступить. Я задала Горбенко вопрос насчет помещения для кабинета географии. Она ответила, что кабинета нет и не будет. После вопроса о кабинете началась опять бурная атака на меня. Горбенко угрожает, что подаст на меня в суд. Написала в профком и партком докладные. Меня вызвали на заседание профкома. Зачитали заявление Горбенко, где все было вымыслом, о чем я и заявила открыто. Тогда Нина Иосифовна начала меня оскорблять: «Ты врешь, ты невменяемая, ты страшный человек, и если мы с тобой еще год поработаем, ты нас с ума сведешь».

И следом опять письмо от А. В. Костина. Последнее на сегодняшний день: «...Провел очередное заседание партбюро. В вопросе о школе есть успехи. Принудил Горбенко сдать школьную мебель в школу. Возбудили проверку работы администрации школы в облоно. Вскрыли множество фактов, доказывающих необоснованность гонений на Пахомову. За «успех» поплатился здоровьем. Лежу в постели, плохо с сердцем. Врачи дали радиограмму жене, чтобы приезжала».

Меня здесь окрестили «шибко партийным», так что будут и такие, которые порадуются моей болезни и тому, что отойду от дел. А ведь сколько безобразий творится вокруг...»

Нет, нельзя допустить, чтобы даже такие люди, как Александр Васильевич Костин, теряли веру в справедливость. Самодурству, незаконным действиям Горбенко пора положить конец. Давно пора.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Надеемся, что Министерство просвещения РСФСР, исполком Архангельского областного Совета народных депутатов со всей объективностью и принципиальностью разберутся в этом конфликте и сделают все необходимое, чтобы оздоровить обстановку в соловецкой средней школе.

В третьем номере вашего журнала опубликована анкета под рубрикой «Не поработать ли на досуге?». В связи с этим хотелось бы узнать, каков порядок приема на временную работу учащихся в период каникул.

О. КОНДРАТЬЕВА,
Могилев

Правила приема на временную работу в народное хозяйство учащихся общеобразовательных школ и профтехучилищ определены типовым положением, которое утверждено Госкомтрудом СССР и Секретариатом ВЦСПС по согласованию с Министерством юстиции, Минпросом и Госпрофобром СССР.

Учащиеся школ принимаются на работу после прохождения медицинского осмотра с согласия одного из родителей, педагогического совета учебного заведения и профсоюзного комитета предприятия. Прием на работу осуществляется при содействии органов по труду, комиссий по профессиональной ориентации учащихся при исполкомах местных Советов народных депутатов.

Запрещается использовать труд учащихся на тяжелых операциях, там, где вредные или опасные условия труда, а также на подземных работах. Нельзя привлекать подростков к ночным и сверхурочным работам, к работе в выходные дни.

Руководители предприятий по согласованию с профсоюзным комитетом могут устанавливать учащихся, принятым на временную работу в период каникул, пониженные нормы выработки, но не менее чем на 40 процентов.

Оплата труда школьников, работающих на предприятиях в составе трудовых объединений учащихся или в порядке индивидуального трудоустройства в свободное от учебы время, осуществляется в соответствии с действующим законодательством о труде, включая доплату за сокращенный рабочий день. Заработанные учащимися в свободное от учебы время суммы выплачиваются им полностью в сроки, установленные для выплаты заработной платы.

Расчеты со школьниками могут производиться в конце второй четверти и по окончании учебного года. Часть средств по решению коллектива учащихся (не более 50 процентов) предприятие может направлять в распоряжение школьного коллектива.

Собираемся с другом поехать работать в Магаданскую область. Знаем, что работа на Севере дает право на льготы. Хотелось бы подробнее узнать, какие?

И. ДОКУЧАЕВ, Москва

Не только автор письма, но и многие другие читатели журнала просят подробно ответить на этот вопрос.

Начнем с того, что льготы, предоставляемые за работу на Крайнем Севере и в приравненных к нему районах, условно можно подразделить на основные и дополнительные. К первым относятся ежемесячные надбавки к заработной плате, выплачиваемые помимо районных коэффициентов; а также дополнительный отпуск продолжительностью 18 рабочих дней для тех, кто работает на Крайнем Севере, и 12 — в местностях, приравненных к нему.

Кроме того, один раз в три года северянам оплачивается дорога к месту отдыха и даются дни для проезда, не включаемые в отпуск.

Надбавки начисляются в размере 10 процентов заработка по истечении первых шести месяцев работы, а в дальнейшем через каждые полгода увеличиваются еще на 10 процентов до достижения 60 процентов. Затем увеличение надбавок производится уже через год работы. Общий «потолок» надбавок ограничен 80 процентами заработка, а в отдельных районах он составляет 100 процентов.

Указанный порядок начисления надбавок применяется на предприятиях, в учреждениях и организациях, расположенных в районах Крайнего Севера. В приравненных же к ним местностях этот порядок несколько иной. Так, первая надбавка выплачивается через год работы с увеличением на 10 процентов через каждый следующий год работы. Предельный размер надбавки ограничен 50 процентами заработка.

Дополнительными льготами, а к ним относятся единовременное пособие, бронирование жилого помещения по прежнему месту жительства, возмещение расходов по переезду к месту работы и другие — пользуются те рабочие и служащие, которые заключили с предприятиями и организациями срочный трудовой договор.

Всем работающим на Севере при исчислении стажа, необходимого для назначения пенсии, каждый год работы приравнивается к полутора годам работы в нормальных условиях.

ПАПА, МАМА, Я И... КОМПЬЮТЕР

Петр НОВИКОВ.
Фото автора

Знакомьтесь: «Электроника БК-0010», домашний компьютер. Найти общий язык с ним так же несложно, как освоить, к примеру, музыкальный «комбайн». По крайней мере так утверждает в один голос семейство Кабановых, одно из обладателей «Электроники». Надежда и Семен Кабановы — жители подмосковного городка. С «Электроникой» на «ты» и их дочь, второклассница Наташа, и даже пятилетний сын Миша.

«Электроника» умеет довольно быстро «думать» — триста тысяч операций в секунду. Кроме всевозможных расчетов, этот первый в стране бытовой компьютер может обучить своего хозяина иностранному языку, выдать нужный адрес, телефон, любую заложенную заранее информацию, может поиграть с вами в электронные игры, за пять минут до вашего прихода вскипятить кофе, к часу, когда детям пора за уроки, выключить в доме все «развлекательные приборы» и не включать их до отмены распоряжения...

Стоит такая машина пока недешево. Около тысячи рублей. Но и в магазине ее пока не найдешь — распадается заинтересованными организациями чуть ли не с заводского конвейера. Однако, полагают специалисты, уже не за горами то время, когда цены домашних компьютеров станут гораздо доступнее.

Не секрет, что многие еще относятся к домашнему компьютеру как к явному бытовому излишеству типа электрической зубной щетки. Но, думается, после «личного знакомства» с «Электроникой» подобные настроения исчезнут. Существует мнение, что за семи-восьмилетнее общение с домашней ЭВМ человек способен интеллектуально измениться настолько, что с трудом найдет общий язык с людьми, не знающими компьютера. Почему? А потому, что немислимо широки «плечи» у микро-ЭВМ.

На базе «Электроники» в ближайшем будущем появится аппарат, способный даже обеспечить безопасность нашего жилища: он сможет узнать хозяина по голосу или отпечаткам пальцев либо среагирует на словесный пароль. ЭВМ будет бдительно следить за расходом энергии и никогда не оставит свет в ванной, если вы оттуда ушли. Если же вы войдете в темную комнату, благодаря мгновенной реакции компьютера там загорятся лампочки. С помощью ЭВМ все нужные параметры вашей фигуры моментально окажутся, например, в памяти компьютера-портного, а уж он свое дело знает...

Но, пожалуй, самым большим потрясением для нас окажется явление, которое уже существует, но у которого нет еще даже названия. Пока лишь французам удалось подобрать более или менее подходящий вариант. Теле-

матикой назвали они соединение возможностей автоматической обработки данных (то есть компьютер) с возможностями современной техники связи (телевизор, телефон и т.д.). Телематика меняет наше представление о том, где кончается работа и начинается дом. Ведь стоит подключить домашний компьютер к аналогичному центральному банку каких-либо данных: архитектурных, медицинских, финансовых, математических, юридических, исторических, — как отпадет необходимость

УЧИТЬСЯ, СТУДЕНТ!
ОБЕД, ПРИГOTOВЛЕННЫЙ КОМПЬЮТЕРОМ.

шагать в библиотеку, трястись в автобусе, чтобы к девяти успеть на службу; работайте на здоровье дома. И ваше руководство может быть спокойно: компьютер не обманешь — что сделал дома за день, о том и будет доложено «наверх». Причем в любую минуту.

Более ста лет назад родился афоризм: «Найдя истину в природе, люди швыряют ее в книгу, где отыскать ее еще труднее». Как поспеть за нужной информацией, если полки лишь одной только Ленинской библиотеки удлинняются за год на пятнадцать километров?!

Пятая часть денег, выделенных в масштабах планеты на развитие науки, расходуется на поиски уже известного. Да и сами ученые треть своего времени тратят на поис-

ки информации. Домашний компьютер избавит нас от этих хлопот.

Придет время, и компьютер появится в каждом доме; но вот беда: по мнению философов и социологов, у него, оказывается, может быть своя «гарь и копоть». Нет, ЭВМ экологически чистый прибор. Но не «очистит» ли он от раздумий, столь свойственных человеку во все времена, и нашу голову? Ведь опыт эволюции подсказывает: без тренировки — именно рутинного повторения ряда упражнений или определенной реакции на определенные обстоятельства — количество познаваемого не может перейти в качество познания. Компьютер же с быстротой молнии выдает готовые результаты. Не унизит ли себя человечество подобным иждивенчеством? Пока еще накоплено недостаточно данных для ответа на этот вопрос. Но абсолютно ясно одно: человеку будет над чем потрудиться и в век компьютеров. Ведь даже с помощью ЭВМ невозможно установить границы творческих возможностей человека. Кроме того, кто-то ведь должен и составлять программы для сверхумных машин. То есть быть в принципе умнее их! Быть может, намек на верный вывод заключается в сути самой машины: диалог с компьютером требует очень активной роли человека.

ИГРУШКА
XXI ВЕКА?..

обычным осенним днем 1977 года, и никто, даже сама Тарасова, которая, конечно же, не случайно нашла для Андрея партнершу, не мог тогда предложить, что через полтора года новая пара уже будет выступать на чемпионате мира, пройдет еще три, и она прочно займет второе место на мировом пьедестале. И ей понадобится всего лишь семь с половиной лет, чтобы стать сильнейшей в мире.

Все эти годы я внимательно слежу за Наташей и Андреем. Скрывать не буду, люблю их, потому что в этой паре

счастливы соединились не только талантливые спортсмены, но и люди с талантом общения между собой, чистые и честные. Отмечу, что Наташа и Андрей, пожалуй, единственная советская чемпионская пара, не образовавшая семейного дуэта. Жена Андрея — Ольга — я уже представил. В семействе Букиных приближается к третьей годовщине Андрей-маленький. Муж Наташи — Игорь Бобрин. Фамилия эта известна тем, кто любит фигурное катание.

Готовясь к беседе с Андреем и Наташей, я отобрал несколько вопросов, которые встречаются в читательской почте больше всего и адресованы чемпионом.

Корр.: Несколько лет назад вы, Андрей, мне сказали, что теперь, когда вы

Твой
собеседник —
чемпион

**ЭФФЕКТИВНЫЙ
ФИНАЛ
В ДУХЕ ЧЕМПИОНОВ.**

Наталья Бестемьянова и Андрей Букин — чемпионы мира по фигурному катанию. В этой короткой фразе вся биография двух замечательных спортсменов танцевального дуэта, признанного сильнейшим среди великолепной плеяды фигуристов. Жизнеописание любого спортсмена, достигшего высшего звания, обычно строится из одних и тех же деталей: талант, труд, немного везения. Последнего может и не быть, тогда или таланта, или труда должно быть больше. Но в то же время чемпионские судьбы весьма различны, как различны человеческие жизни.

Любители фигурного катания настолько привыкли к сочетанию двух фамилий «Бестемьянова и Букин», что они кажутся буквально нерасторжимыми уже давным-давно. И все-таки этот дуэт еще очень молод.

Не успел окончиться Олимпийский сезон 1977 года, как к заслуженному тренеру СССР Татьяне Анатольевне Тарасовой, воспитавшей чемпионские дуэты — Родниной и Зайцева, Моисеевой и Миненкова, пришел Андрей Букин и попросился к ней в группу. Букин в те годы новил уже звание чемпиона страны по спортивным танцам среди юношей, но вместе со своей партнершей и будущей женой Олей Абанкиной считался неперспективным для взрослой сборной. С этим приговором Букин мириться не захотел, вот почему и оказался у Тарасовой. В то же время Наташа Бестемьянова всю тренировалась и, выступая как одиночница, входила в первую десятку страны. С Андреем Букиным ее связывало лишь воспоминание как об известном в ее детстве спортсмене, поскольку маленькая Наташа каталась на том же катке, что и Андрей с Ольгой в свою лучшую пору. Наташа еще помнила, что перед соревнованиями огромный бант в ее косу влетала Ольга.

Больше года Букин, которому уже исполнилось 20 лет (слишком много для того, кто в фигурном катании все решил начать сначала), катался на стадионе Юных Пионеров в гордом одиночестве (Ольга решила оставить спорт). Тарасова не спешила подыскивать ему партнершу. Она вспомнила про «рыжую Наташу» (а рыжих, по ее признанию, она

всегда любила) только спустя много месяцев. Но вспомнив, сразу же послала Андрея к ней на переговоры. Прошло еще полгода, и 18-летняя Наташа пришла на СЮП. Этот день был самым

**ДВЕ
СУПРУЖЕСКИЕ ПАРЫ:
АНДРЕЙ БУКИН
И ОЛЬГА АБАНКИНА,
НАТАЛЬЯ
БЕСТЕМЬЯНОВА
И ИГОРЬ БОБРИН.**

**Фото
Анатолия
БОЧИНИНА
и Сергея
ВЕТРОВА**

ЖИЗНЬ НА ЛЬДУ И ПРОСТО ЖИЗНЬ

выступаете за сборную, главная и единственная цель, ради которой стоит жить в спорте, — стать чемпионом мира. Вы ими стали, значит, главная цель уже достигнута?

Андрей: Верно. Но лишь отчасти. Теперь главная цель — высшая награда в спорте — олимпийское золото.

Корр.: После того, как вы стали чемпионами мира, наверно, что-то изменилось в вашей жизни?

Андрей: Изменилось и в приятную, и в неприятную сторону одновременно. Приятно, когда тебя узнают на улице, неприятно, когда льстят. Теперь я счастлив, достиг того, о чем мечтал много лет. Счастлив, что работал не зря. Понимаю, спорт недолог, уходим молодыми, надо будет вновь ставить перед собой какие-то цели и добиваться их. Ну, а сейчас я спокоен, когда придется уходить из спорта, уйду с чистой совестью.

Нелегко все время помнить, что ты чемпион. Ребята внимательно следят за всем, что ты делаешь, наверно обсуждают между собой. Волей-неволей приходится каждый день, каждую тренировку выглядеть чемпионом. Отдыхать себе давать нельзя, и если на льду кто-то придумывает и учит новый элемент, то у тебя этот элемент с первого предъявления должен получаться лучше, чем у любого другого.

Наташа: У меня даже после победы на чемпионате мира появилось какое-то необузданное желание продолжать демонстрировать, что мы сильнее всех. Может быть, потому, что в начале сезона на чемпионате СССР нас несправедливо поставили на второе место. Про это уже никто и не помнит, а я все усложнить не могу. Летом испугалась, вдруг этого желания не хватит на новый сезон — я так выкладывалась в весеннем турне!

Мне кажется, после победы пришла зрелость. Смешно, я выступаю в танцах восемь лет, но именно в прошлом году открыла в них для себя много нового. И мое понимание танцев совпало с чемпионством — этого я тоже боюсь. Зрелость ведь предполагает самоспокоенность. Я так хотела выиграть в прошлом году, что нервничала: вдруг внутренне удовлетворюсь тем, что уже имею. И все же я занимаюсь спортом прежде всего потому, что он мне нравится, а не потому, что хочу выиграть Олимпиаду. Когда почувствую, что нет больше сил, перестану кататься.

Как и Андрей, я стремлюсь всегда выглядеть на льду, даже на тренировках, сильнее всех — звания обязывают.

Корр.: Раньше, когда вы еще были на подступах к чемпионскому титулу, вам казалось, так, во всяком случае, вы говорили, что у одних пар музыка лучше, у других элементы оригинальнее, а у третьих костюмы более подходят к танцу, чем ваши... Сохранилась ли эта озабоченность сейчас?

Андрей: Я так не мог говорить, потому что так не думал. Катались Торвилл и Дин под музыку Равеля, я считал, что эта музыка подходит только к ним. А наша музыка, она наша, и никому другому принадлежать не должна.

Наташа: Это я так говорила и все сравнивала. Наверно, от детской неуверенности в себе. Не было нынешнего состояния, когда не важно, лучше или хуже наша музыка, чем у других, важно, что она наша. И меня волнует только одно: как бы я хотела и как бы смогла кататься под нее. Ведь уже многое в постановках мы с Андреем делаем сами. Наш тренер считает подобную самостоятельность высшим уровнем для спортсменов.

Корр.: Ваш произвольный танец на музыку Бизе — Шедрина «Кармен» произвел в прошлом сезоне ошеломляющее впечатление. Как считают многие специалисты, он вошел в «золотой фонд» мирового фигурного катания. Нелегко, наверно, создать танец выше

эталонного. Чем для вас была прежняя программа, что для вас программа нынешняя?

Андрей: Для меня «Кармен» — танец-порог. Переступил его, я почувствовал внутреннюю раскованность. Если прежде я бывал зажат, то с «Кармен» пришла полная свобода. Я настолько ушел в свой образ, что предупредил Наташу: «На чемпионате мира я тебя убью». Но устоял против искушения. Остановила в последнюю минуту мысль: с кем дальше кататься? (Андрей смеется.)

Весной нам было объявлено, что следующий произвольный танец будет на музыку Рахманинова «Вариации на тему Паганини». Мы с Наташей пошли на концерт, где эта музыка была в программе. Конечно, на меня она произвела огромное впечатление, но применить ее к нашей программе показалось мне тогда абсолютно невозможным. Ну, может, всего лишь две-три небольшие части подошли. Но именно они и вошли в наш четырехминутный отрезок. Новая программа — следующая ступень после прошлогоднего танца. Теперь бы хотел, чтобы моя партия была построена исключительно на чистоте танцевальных линий.

Корр.: Много лет назад вы мне говорили, что мечтаете о танце под такую музыку, которая заставляла бы сжиматься у зрителей сердца...

Андрей: Сейчас именно такая музыка.

Наташа: Моя Кармен была для меня очень близка. Я ни разу не была в Испании, но почему-то все время катаюсь под испанскую музыку. Легко, тема словно родная, все само просится. Одна была тогда мысль — чтобы Кармен не стала похожей на прежние танцы. Я читала Мериме, смотрела фильмы, и все в моей Кармен для меня стало понятным. Потом, во время тренировок, я находила новые краски, но они лишь дополняли то, что я уже освоила в принципе, решила для себя.

Когда приступили к новой программе. Татьяна Анатольевна придумала сюжет, назвала его «Художник и его Муза», рассказала его нам, но мне он не был понятен. Я слышала в музыке свое, Игорь, слушаю, находил совсем другое... И только когда были найдены почти все движения, практически с того момента, когда программу мы уже катали целиком, я смогла найти свою мысль в танце. А ведь в «Кармен» я смогла это сделать сразу, настолько тема далась мне легко.

Можно пригласить хореографа поставить движения, тренер поможет отточить технику, но вдохнуть в танец жизнь в состоянии только исполнители, если они понимают, что хотят этим танцем сказать зрителям.

Корр.: Я все время возвращаюсь к нашим прежним беседам, но, думаю, в этом есть свой смысл — посмотреть, какими вы стали за эти годы. Когда-то Андрей мне сказал, что он не может подать руку тому, кто плохо скажет о Татьяне Анатольевне. Прошло довольно много времени, не отказываетесь ли вы от тех слов, ведь отношения с тренером нередко меняются?

Андрей: Нет, у нас ничего не изменилось. Хотя мне сейчас столько же лет, сколько было Тарасовой, когда я к ней пришел. Наверно, обожание ушло, мы выросли, но любовь, взаимное уважение, к счастью, остались. В разрыве многих знаменитых сочетаний виновато обычно одно и то же обстоятельство. Тренер не может примириться с тем, что спортсмен, из которого он всеми силами пытается создать личность, в итоге ею становится и, естественно, начинает рассуждать, имея на все свою точку зрения. А тренер думает: «Это звездная болезнь, надо давить».

Наташа: Пока идет совместная работа, люди терпят друг друга, но когда она кончается, вспоминаются прежние обиды.

Любить всегда тяжело. Лучше всего быть с человеком просто в товарище-

ских отношениях, но сердцу не прикажешь. Татьяна Анатольевна — человек мне очень дорогой, она об этом прекрасно знает и хорошо этим пользуется. Дергает, когда надо, за нужные струночки — правда, это касается только нашей совместной работы. Еще в характере нашего тренера есть такое качество, которое не часто встречается у людей, многого достигших, — она всегда признает, если в чем-то была не права. А ведь чем выше поднялся человек, тем труднее он признает свои ошибки.

Корр.: Мне бы хотелось поговорить с вами не только о спортивных делах. Среди читателей журнала, возможно, и не так уж много поклонников фигурного катания. Но есть проблемы, интересные почти каждому. Разрешите мне задать вопрос, который, наверно, волнует многие молодые семьи: как вы переносите разлуку с домом, семьей?

Андрей: Тут помогает, наверно, уверенность: дома меня всегда ждут. Когда я в Москве, то все расписание в семье построено в зависимости от расписания моих тренировок, даже Андрюша-маленький укладывается спать, когда спать иду и я. Оля смекает его сон для того, чтобы я мог с ним поговорить. Когда я выступаю, он садится к телевизору и с удовольствием смотрит все соревнования до конца. Но когда я дома, он каждый раз предлагает мне не уходить на тренировку.

За те годы, что мы с Ольгой живем вместе, выработался определенный стереотип: меня дома нет летом во время постановочного периода и зимой — во время соревнований. И хотя готовишься заранее к отъезду, но все равно в этот день у Ольги в глазах слезы.

Наташа: В отличие от Андрея, который возвращается и уверен, что Оля и Андрюша сидят дома и ждут его, у меня очень часто случается так: я сегодня приехала, а Игорь вчера улетел на гастроли со своим ансамблем «Все звезды». И помогает не впадать в тоску только любимое дело. Я знаю, и у Игоря в жизни все обстоит точно так же. Я не смогла бы променять то, чем занимаюсь, только на роль жены, как бы я ни любила своего мужа, какими бы необыкновенными качествами он ни обладал.

Что помогает переживать разлуку? Бесконечные телефонные разговоры. Мы говорим, что работаем на телефон, вся зарплата уходит на оплату переговоров. Зато у нас есть перспективы. Мы уверены, что через несколько лет будем работать вместе.

Корр.: А что, по-вашему, самое главное в супружеской жизни?

Андрей: Были моменты, когда наши отношения с Ольгой складывались не просто. Оля очень переживала, что я катаюсь с Наташей, хотя сама приходила нам помогать. Сейчас мне понятно, что ревность эта прежде всего вызывалась не Наташей, а тем, что я катаюсь, а Оля уже нет. Главное — суметь понять интересы другого. Задачи ведь в жизни у нас разные: у меня спортивные, у нее тренерские, но каждый из нас старается помочь другому. Когда Оля работала с детьми, я составлял для них программы. Сейчас после двухлетнего перерыва Оля пошла работать тренером в группу здоровья. Я доволен, что она увлечена этой в общем-то нелегкой — в любую погоду на улице — работой.

Кто первый прощает в ссоре? Тот, кто на данном этапе сильнее. Если я измотан тренировками и случилась ссора, первой подойдет Оля. Подуться друг на друга мы можем, но серьезных разладов у нас уже нет.

Болезненно отношусь только к одному — когда в неуважительной форме высказываются о деле, которым я занят.

Наташа: Мы поженились с Игорем, когда я была еще совсем молода, и он привык ко мне, как к веселому, беззаботному, легкому человеку. Теперь труднее, мне хочется, чтобы он относился ко мне серьезнее.

Мне кажется, главное — терпение. Я прежде жила только проблемами Игоря, но потом поняла: надо отключаться, чаще возвращаться к себе. У каждого должна сохраняться своя жизнь. Но линии ее должны идти параллельно. Как сказал известный писатель, семейная жизнь — это не тогда, когда смотрят друг на друга, а когда смотрят в одну сторону. Но даже если возникают конфликты, надо перетерпеть, не пороть горячку, постараться поставить себя на место другого.

Корр.: Завершим обсуждение семейной жизни самым приятным — отдыхом. Как и где вы предпочитаете отдыхать?

Андрей: Для меня отдых — это новые люди, новые встречи. Но это одна половина. Есть и вторая, когда никого не видишь, а вокруг тишина и покой. Хочется сходить в лес за грибами, напилить дров, настругать досок для завтрашней работы на даче. Этим летом мы с Ольгой ездили на рыбалку в Светлогорск, на самую западную границу страны. Там такая красота!

(Дальше начались рыбацкие рассказы. Наташа, хохоча, стала показывать размеры пойманных Андреем рыб.)

— Я весь санаторий кормил рыбой, — с гордостью заключил Андрей.)

Наташа: Как странно, но очень многое я стала понимать только сейчас. В последний теплый день осени Игорь, Андрей, Оля и я поехали за город. Ребята — порыбачить, мы — погулять. И за этот день, который весь вошел в меня: небом, воздухом, скошенным полем, — я отдохнула так, как никогда не отдыхала за весь отпуск.

Что же тогда настоящий отдых? Наверное, не тогда, когда устаешь физически и потом отходишь, а когда отдыхает душа.

Корр.: Вы создали абсолютно новый стиль, который называют сюжетным танцем. Так, наверно, и должно было случиться. Истинные чемпионы всегда открывают новые пути. Куда ведет ваша дорога? Какие трудности ожидают тех, кто решит последовать за вами?

Андрей: Нам повезло, что мы впервые смогли убедительно показать такой танец. Ведь начинали его Моисеева и Миненков, но их «Вестсайдская история» победить общий стереотип еще не могла. И наша первая испанская, и вторая, запомнившаяся многим чаплинская программы развивались направленно, они стремились к единой музыке для всего танца. Мне кажется, сюжетный танец долго будет ведущим, как прежде был танец из четырех частей с разнотемпной музыкой.

Наташа: Вот вы спросили о трудностях для новичков. Верно, без них не обойдешься. Это усугубляется тем, что теперь за сюжетный танец берутся все подряд. Даже совсем-совсем молодые. Мы осенью приехали в Лондон на показательные выступления и застали конец соревнований. Выступала и пара экс-чемпиона мира Бернарда Форда, работающего сейчас тренером в Канаде. А раньше, еще в Москве, Форд критиковал наш стиль, говорил, что зрителям надо раздавать перед выходом программки с либретто. А я смотрю — его ученики, которые всегда мне нравились (они имели свое лицо и прекрасно исполняли современные танцы в типичном американско-канадском стиле), вдруг демонстрируют сюжетный танец. Точнее, притязания на него. Пошли к Форду «выяснить отношения» и услышали в ответ: «Вы были в том сезоне так убедительны, что же нам теперь остается делать, если не идти за вами!»

И все теперь катаются только так. Мода! А ведь до такого стиля надо дорасти. Мы шли к «Кармен» долго и, к счастью, сумели дойти. Это не технический шаг вперед, а скорее — духовный.

В этот шаг вложены годы всей нашей спортивной жизни.

**Интервью вел
Виталий МЕЛИК-КАРАМОВ.**

КОНКУРС:

«ФУТБОЛ-МЕКСИКА-86»

31 мая 1986 года в Мехико матчем сборных команд Италии и Болгарии откроется очередной, XIII чемпионат мира по футболу. Болельщики всего мира в ожидании: вспоминаются итоги предыдущих мировых первенств, сравниваются силы соперников, прикидываются их шансы, делаются прогнозы.

«Смена» предлагает любителям футбола познакомиться с знанием истории чемпионатов мира, а заодно и проверить свою спортивную интуицию. Мы объявляем конкурс «Футбол—Мексика-86».

Первые пять вопросов касаются мировых чемпионатов прошлых лет. Правильный ответ на каждый из вопросов этого раздела оценивается 5 очками. Ответы на вопросы второго раздела оцениваются по десятибалльной системе.

1. В каком из городов сборная СССР провела наибольшее количество матчей в мировых первенствах?

2. Над кем из своих соперников наша сборная одержала наибольшее число побед в отборочных матчах чемпионатов мира?

3. В чемпионатах мира в составах одной команды выходили родные братья. Назовите тех из них, кто участвовал в финальной стадии чемпионатов в послевоеенное время.

4. Тактика футбольной игры постоянно изменяется. С кем из тренеров связаны следующие системы игры: «4 + 2 + 4», «Швейцарский замок», «Дубль-ве»?

5. Кому из футболистов принадлежит рекорд результативности в одном матче чемпионата мира?

1. С каким счетом завершится стартовый матч сборной СССР с венгерскими футболистами?

2. Сколько матчей проведет на турнире наша сборная и с какими результатами?

3. Как распределятся места в V группе, которая собрала наиболее ровный состав?

4. В турнире участвуют все шесть команд — победителей чемпионатов мира прошлых лет. Кто из них выйдет в полуфинальную четверку?

5. Сколько мячей проведет в ворота соперников лучший бомбардир первенства?

10 победителей конкурса будут награждены дипломами журнала «Смена» и книгами. Еще 20 призеров получат дипломы «Смены». Ответы желательно присылать на открытках с пометкой «Конкурс «Футбол—Мексика-86». Последний срок отправления ответов (по почтовому штемпелю) — 30 мая.
Ждем ваших писем!

ОДИННАДЦАТЬ ДЕБЮТАНТОВ

Накануне нового футбольного сезона читатели определили символическую сборную, состоящую из лучших дебютантов прошлогоднего футбольного первенства страны. Итак, в состав команды самых ярких новичков сезона-85 вошли:

Вратарь — Владимир Меровщиков («Факел», Воронеж).

Защитники — Александр Спицын («Черноморец», Одесса), Валерий Панчик («Нефтичи», Баку), Иван Панчишин («Металлист», Харьков), Александр Шибяев («Спартак», Москва). Полузащитники — Иван Яремчук («Динамо», Киев), Андрей Кобелев («Динамо», Москва), Сергей Новиков («Спартак», Москва).

Нападающие — Андрей Рудаков («Спартак», Москва), Роберт Кочарян («Арагат», Ереван), Олег Морозов («Черноморец», Одесса).

Наибольшее количество читательских голосов набрали Яремчук — 617, Новиков — 482 и Рудаков — 326. Любопытная особенность нынешней сборной дебютантов: практически весь состав — выходцы из коллективов первой и второй лиг.

Дипломы «Смены» будут вручены читателям, чей список символической сборной подтвержден наибольшим числом участников конкурса. Дипломы получат:

С. Данченко (Бердянск), Г. Колосов (пос. Мегрега Карельской АССР), А. Пятагин (г. Арсеньев), И. Коробов (Москва), Ю. Низамов (Анжиро-Судженск), Н. Любавин (Кокчетав), П. Кеслер (с. Забавное Алтайского края), В. Тульверт (Ленинград), Ш. Меараго (Ленинград), А. Ступник (Кишинев), Н. Глинин (Вологда), А. Барашкин (г. Брежнев), В. Береза (Владивосток), М. Пронин (Москва), И. Шалыгин (г. Бирюсинск Иркутской обл.), Х. Раджабов (Рустави), С. Васильев (г. Джамбул), А. Струков (г. Люберцы Московской обл.), О. Васильев (п. Пятиморск Волгоградской обл.).

Фамилии десяти игроков из числа лучших, по мнению читателей, верно назвали:

Н. Нуртдинов (Льсьва), О. Чопин (ст. Абамеликово Одесской обл.), С. Тропин (Мурманск), А. и В. Кононовы (пос. Стайки Минской обл.), Ю. Колос (Дзержинск), Г. Яхимович (пос. Насосный Азербайджанской ССР), Р. Кужахметов (Темиртау), Н. Черезов (пос. Светлый Оренбургской обл.), М. Комракова (Москва), Ф. Жолдасов (к-з «Мехнат-рохат» Таджикской ССР), Д. Маккаев (Москва), К. Решетов (г. Канск Красноярского края), В. Светличный (Белозерск), А. Зиновьев (Рига), В. Юрченко (Североморск), Ж. Тажииков (Темиртау).

Редакция «Смены» поздравляет всех лауреатов, как футболистов, так и читателей. Напоминаем болельщикам, что присылать свои варианты символических сборных на конкурс «Одиннадцать дебютантов» можно в течение всего года. Согласно условиям конкурса, читатели вправе прислать неограниченное количество открыток с указанием на каждой из них фамилий футболистов (не более одиннадцати), не появлявшихся в составах команд высшей лиги в прошлые годы. Ждем ваших писем, уважаемые читатели!

Читатель — «Смена» — читатель

10 «Б»: НА «СМЕНУ» ПОДПИСАЛСЯ КАЖДЫЙ

Дорогая редакция!
Пишут вам ученики 10 «б» класса средней школы № 16 города Кирова. Наш класс, все тридцать человек, подписался на «Смену», чтобы иметь возможность обсуждать интересующие нас статьи и очерки.

Хотим рассказать вам о наших школьных делах. Первое полугодие наш класс как в учебе, так и в труде закончил неплохо. По итогам социалистического соревнования в токарном цехе школы мы заняли 1-е место, план выполняем в среднем на 120—130 процентов. Есть учащиеся, которые выполняют план на 200 процентов, это наши «майки».

Провели немало интересных мероприятий и в школе. В конкурсе «Политика и ты» команда

нашего класса заняла 1-е место. К этому конкурсу мы тщательно готовились, так как он требовал от нас знаний по разным политическим вопросам, а также знания биографии С. М. Кирова. В ходе одного из этапов конкурса всем классом написали письмо в защиту Леонарда Пелтиера. Провели конкурс художественной самодеятельности, в котором участвовали все классы, с 1-го по 10-й. В итоге мы заняли 2-е место.

С уважением
ученики 10 «б» класса

ОТ РЕДАКЦИИ. Спасибо вам за интересное письмо, ребята, мы рады, что наши публикации помогают вам и в выборе жизненного пути, и в самовос-

питании, и в разумной организации досуга. Теперь, когда каждый из вас читает «Смену», вам будет легко проводить диспуты по нашим публикациям. Например, прочитав материалы на нравственные темы или очерки под рубриками «Береги здоровье смолоду», «Отечество», «Детский дом — теплый дом», клуб «Музыка с тобой», вы можете провести комсомольское собрание, дискуссию, конференцию. Только потом не забудьте написать нам об этом.

Надеемся, что инициативу кировских школьников-комсомольцев поддержат учащиеся и других старших классов, ПТУ и техникумов.

Ждем ваших писем, друзья!

СИЛУ
ЭТЫ

Рисунок Антона КУМАНЬКОВА

АШ

30 ноября 1909 года у подъезда Царскосельского вокзала (ныне Витебского) высокий красивый господин лет пятидесяти, с легкой проседью в усах, бороде и на висках, схватился рукой за сердце, медленно согнул ноги в коленях и мягко, боком, упал на тротуар. Кинувшиеся к нему люди обнаружили, что он мертв. Едва ли кто из них опознал внезапно скончавшегося господина. Полицейский и врач, поспешившие к месту происшествия, обнаружили документы умершего. Они узнали его высокий чин: действительный статский советник; узнали адрес, имя: Иннокентий Федорович Анненский. Но имя это им ничего не сказало. А между тем оно принадлежало одному из лучших поэтов России.

Похороны Анненского в Царском Селе, где он провел большую часть жизни, собрали огромную толпу, особенно много было учащейся молодежи. Но молодежь провожала опять-таки не поэта, а замечательного педагога-классика, бывшего директора Царскосельской гимназии и неутомимого заступника перед властью предрешающими. Конечно, в огромном скоплении людей были и такие, что провожали и оплакивали автора «Тихих песен», единственного сборника стихотворений, вышедшего при жизни Анненского.

У него были и другие замечательные, но тоже малоизвестные труды: две книги «Отражений» — своеобразнейших критических этюдов, несколько трагедий на сюжеты античных мифов и перевод на русский язык всего Еврипида. Анненский сам сделал все возможное, чтобы его не знали. Книгу своей лирики он выпустил под печальным псевдонимом Ник. Т-о (Никто — так назвал себя хитроумный Одиссей злобному циклопу Полифему, задумав его обмануть). Анненский многих ввел этим в заблуждение, но по-настоящему обманул самого себя, свою литературную судьбу. Известный поэт Максимилиан Волошин писал Анненскому, что до самого последнего времени тот существовал для него не как один, а как несколько разных писателей: один был стихотворцем, другой — переводчиком Еврипида, третий — автором статей о ритмах Бальмонта и Брюсова, четвертый — драматургом.

Как объяснить феномен Анненского? Чрезмерной скромностью, неуверенностью в себе, которая зачастую бывает присуща людям нездоровым, а рослый, статный Анненский был тяжелейшим сердечником и знал, что ему отпущен недолгий век, наконец, тем, что ему, директору классической гимназии, педагогу, наставнику молодежи, было не слишком удобно афишировать свою литературную деятельность, носившую слишком личностный характер, особенно в лирике? Наверное, и тем, и другим, и третьим.

Да, он не защитил своих стихов даже именем. Наверное, трудно было писать с должным уважением о поэте, который сам себя так затенил. Тут и Брюсову, как, впрочем, не раз, изменило поэтическое чутье, и он в своем отзы-

ве высокомерно посоветовал поэту Ник. Т-о основательно поработать над собой, тогда, мол, еще получится толк. Блок, обладавший более тонким слухом, завершил свою рецензию, написанную тоже сверху вниз, куда более пронизательно: нельзя поверить, что Никто спел «Тихие песни».

Любопытное совпадение: в день смерти Анненского Блок уезжал с соседнего Варшавского вокзала к умирающему отцу в Варшаву. Он похоронил отца, задумал поэму «Возмездие», и тут вышел второй, уже посмертный сборник Анненского «Кипарисовый ларец», и Блок узнал до конца цену тому, кого чуть небрежно похвалил. Впрочем, это узнали многие другие, в первую очередь поэты. И один из них сказал слова, ставшие крылатыми: «Был Иннокентий Анненский последний из царскосельских лебедей». А первым был Пушкин. Но лебедь в русском языке может быть и мужского, и женского рода. И была еще царскосельская лебедь — Анна Ахматова.

Смерть рассекретила Анненского, она принесла ему дружное, хотя и сильно запоздалое признание знатоков и любителей поэзии и неизбежную в таких случаях газетную хулу: карлики разозлились, что проглядели великана.

И все же основная причина упорного непризнания Анненского куда глубже, чем все вышеперечисленное. Анненский, которому и по времени, и по многим свойствам его поэзии полагалось бы числиться в символистах, никак не укладывался в рамки этого мощного и влиятельного исхода прошлого и начала нынешнего века литературного движения, более того, шел наперекор догматам, и чем дальше, тем решительнее. Анненский упрямо пробивался из тумана символизма к жизненной правде. Он явно был «чужой среди своих», и Брюсов это смутно чувствовал, и потому, столь щедрый на похвалы даже откровенно слабым союзникам, холодно отнесся к тонкой, мастерской и предельно искренней поэзии Анненского. Правда, через несколько лет после ухода Иннокентия Анненского вождь символизма в порыве художнического беспристрастия признал: «Его поэзия поразительно искренна». И еще он сказал о «лица не общем выраженьи» этой поэзии.

Но и посмертное, пусть относительное признание, и постановка лучшей пьесы Анненского «Фамира-кифаред» Таировым на сцене Камерного театра, и дань уважения со стороны такого далекого поэта, как Маяковский, поставившего его в ряд с лучшими лириками России: «Не высидел дом. Анненский, Тютчев, Фет...» — не дали Иннокентию Федоровичу той популярности, на какую он вполне был рассчитывать.

Кто не знает его очаровательного стихотворения:

*Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, чтоб я Ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.*

*И если мне на сердце тяжело,
Я у Нее одной ищу ответа.
Не потому, что от Нее светло,
А потому, что с Ней не надо света.*

Но мы чаще напеваем, а не читаем про себя или вслух эти строки, ибо нас приучил к ним Александр Вертинский: «Среди миров» — один из самых знаменитых его романсов, который он исполнял всю жизнь.

К загадке Анненского мы еще вернемся, а сейчас скажем, что время Иннокентия Анненского воистину пришло: его издают, недавно вышли обе «Книги отражений», о нем пишут серьезные ученые, появилась большая монография крупнейшего знатока Анненского Андрея Венедиктовича Федорова о жизни и творчестве поэта, которому он отдал не одно десятилетие своего труда. Пора Анненскому занять должное место не только на полках библиотек, в энциклопедиях, справочниках, статьях, исследованиях, но и в душах читателей, а его томику стихов стать настольной книгой любителей поэзии.

Внешняя биография Анненского предельно скудна и незамысловата: глубокая и сильная жизнь творилась в нем самом. Но и в этой несложной биографии были примечательные события, без знания которых не постигнуть ни его личности, ни творческого пути, ни всей странной судьбы поэта.

Он родился 20 августа 1856 года в Омске, где служил его отец. Сибирь не оставила следа в его памяти. Он был крошечным ребенком, когда семья переехала в Петербург. Анненский по всему своему складу, манерам, сдержанности, по овевающему его корректную и представительную фигуру холоду был типичным петербуржцем. В детстве и особенно в юности на него оказал большое влияние старший брат Николай Федорович, видный общественный деятель, известный журналист, человек прогрессивных взглядов. И вот это первый значительный штрих в биографии поэта.

Недавно мне попались необыкновенно интересные и умные воспоминания поэта, публициста, критика, немного издателя Перцова, близкого к символистам эпохи их начала. Там я наткнулся на такую запись: «При воспоминании о Н. Ф. Анненском мне всегда вспоминается и одно тяжелое впечатление, с ним связанное. В 1899 (или 1901) г. Николай Анненский, участвуя в одной из тогдашних студенческо-интеллигентских демонстраций у Казанского собора, получил от разгонивших демонстрацию казаков удар нагайкой по лицу. На лице образовался чудовищный кровоподтек, захвативший всю левую половину. Этот кровоподтек долго не проходил и производил ужасное впечатление. Что-то вопиющее было в факте, что пожилой, достойный, симпатичный человек мог при каких бы то ни было обстоятельствах подвергнуться такому обращению. Вся дикая некультурность тогдашнего строя, обыкновенно прикрытая лоском благополучия, внезапно предстала здесь в своей грубой осязательности».

Этот дикий удар по лицу был не первым «подарком», полученным Николаем Федоровичем от царского правительства, которое он презирал всем своим большим, чистым и несмирным сердцем. Он не раз подвергался жестоким гонениям и даже лишению свободы. Вот каков был человек, оказавший на будущего поэта самое силь-

ное нравственное влияние в наиболее восприимчивые годы жизни. И хотя казачья нагайка не свистит над головой Иннокентия Федоровича, ему тоже не избежать будет кары за «предосудительные» поступки. Но об этом позже.

Болезнь сердца обнаружилась рано, лишив маленького Анненского не только привычных детских игр с бегом, драками, мальчишеским соперничеством, но и возможности учиться в школе. Гимназическое образование он получил дома и экстерном сдавал экзамены на аттестат зрелости.

Но, ступив из отрочества в юность, он окреп настолько, что смог пойти в Петербургский университет, который и окончил в 1879 году по «словесному разряду» — за этим канцелярским перлом скрывается кафедра сравнительного языкознания. И, словно торопясь жить, выпускник сразу женился. Милая, вполне заурядная женщина, ставшая женой Анненского, ничем не обогатила его музу, не стала для него источником тех сильных переживаний, что вносили в жизнь иных поэтов их подруги.

Тогда же началась педагогическая деятельность Иннокентия Федоровича, длившаяся без перерыва до 1906 года, когда он был отстранен от директорства и преподавания в Царскосельской гимназии — он посмел заступить за старшеклассников, причастных к революционным выступлениям 1905 года. Важный факт и внешней, и душевной биографии Анненского, говорящий о том, что он хорошо усвоил уроки старшего брата.

Недолгий киевский период его жизни, когда он в течение трех лет преподавал в коллегии Павла Галагана, примечателен лишь тем, что Анненского заставили уйти, поскольку его педагогические принципы отличались неподобающей гуманностью.

Затем на три года Петербург и наконец — до конца дней — Царское Село. Николаевская мужская гимназия, директором и преподавателем которой он был, сохранилась до сих пор почти в том самом виде, что во дни Анненского, теперь здесь школа. Этой гимназии Анненский отдал десять лучших и нелегких лет жизни, осуществляя свои педагогические принципы классика и гуманиста.

В свое время достаточно много спорили, нужно ли классическое образование. Несомненно, в какой-то момент русской истории оно стало тормозом, уводя молодые восприимчивые умы и души от насущного дела жизни в омертвевшую древность. Но таким стало классическое образование в рутинной практике подавляющего большинства тогдашних гимназий, Анненский же, называвший себя «убежденным защитником классицизма», видел в нем высокий эстетический и нравственный идеал. Размышляя о педагогической деятельности Иннокентия Федоровича Анненского, о его взглядах на образование, я пытался реставрировать ход его рассуждений. Противники классицизма — слепцы. Они рассчитывают, вытеснив гимназии реальными училищами, переделать русского человека в сугубого практика, который немецкую обезьяну наново изобретет. Конечно, глупо в двадцатом веке отвергать точные науки, инженерию, насущную

ШВАНСКИИ

потребность в людях точного знания. Это нужно, и это будет независимо от того, хотим мы этого или нет. Но речь идет о другом — о создании ведущего человеческого типа нации, воплощающего ее духовность. Классическое образование сформировало Пушкина с его ясным, дисциплинированным, уравновешенным умом, с его гармонической, высокой душой. Отмените классическое образование и распрощайтесь с мечтой — не о новом Пушкине, второго Пушкина быть не может, а с пушкинским типом человека и художника, до дна русским, но освобожденным от национальной косности и разнузданности, равно и от узкого, алчного практицизма. С отменой классического образования если и не вовсе погаснет, то поблекнет скорбно русская интеллигенция. Техническая интеллигенция — нонсенс. «Интеллигент» — это Сократ, Сенека, Цицерон, Пушкин, Герцен, а не специалист по паровозным топкам. И хотя гимназия с ее ограниченностью, казенщиной, скукой, верноподданническим угодничеством и пустой приверженностью к форме угнетала Анненского: «Завтра тяжелей день — я должен быть в белом галстуке и завтракать с протодиаконом». — жаловался Иннокентий Федорович в письме, но все же считал своим долгом оставаться на посту. О нем говорили, что «из греческой грамматики он сделал поэму».

«Имеет ли право убежденный сторонник классицизма бросить его знамя в такой момент, когда оно со всех сторон окружено злым неприятелем?» — в этих словах кредо Анненского.

И он не бросил знамени, но древко выхватили у него из рук, когда он, до конца верный своим принципам, решительно вступился за мятежных юношей. Расплата не заставила себя ждать. Действительный статский советник, великодушный педагог, Анненский был отстранен от поста директора гимназии, равно и от преподавания, и назначен инспектором Петербургского учебного округа — должность чисто административная, пустая и крайне обременительная для большого человека, ибо требовала частых разъездов по далеким северным губерниям, по уездным городам, затерянным в снегах и хлябях. На свою беду, Анненский обладал тем же качеством, что и Александр Блок: предельно серьезным и старательным отношением к любой работе. Тягостная, изнурительная, не приносящая даже тени удовлетворения деятельность сжигала последние силы, почти не оставляла времени для творчества.

Этим исчерпывается внешняя биография Анненского, точку поставила внезапная смерть на Царскосельском вокзале. Незадолго до своего исхода Анненский вернулся к педагогической деятельности: он читал греческую литературу на высших женских курсах; в эту же пору он стал куда смелее помещать свои сочинения, преимущественно критику, в журналах и, наконец, отважился подать в отставку. Ему мерещилась свободная от казенной службы жизнь, отданная творчеству, сближение с единомышленниками, выход из одиночества. Отставка пришла за несколько часов до смерти. Дверца распахнулась, белая птица с розовым подбоем (любимый образ Анненского) вылетела из клетки, вдохнула синей благодати свободы и пала бездыханная.

Почему я так много говорю об Анненском-педагоге, Анненском-классике? Это неотделимо от его сути, от великого труда его жизни — перевода «на язык родных осин» всего Еврипида, от его высок и строгих трагедий, наконец, от поэзии, хотя в лирике он почти не касался античных сюжетов и эллинистические образы использовал реже многих других поэтов.

Анненский, несомненно, сам много способствовал легенде о себе как о

тихом певце, чуждом житейских бурь, чувствующем себя куда естественней в царстве небытия, нежели в обители живых, отсюда клеймо — «поэт отчаяния и смерти».

Смерть — самый красивый символ, придуманный людьми, по словам пантеиста Гете, неизменно присутствует в лирике каждого поэта (даже такого бодрого, как Маяковский), равно и в раздумьях каждого полноценного человека. Пушкин признавался, что мысль о смерти неотступно преследует его: глядит ли он на дуб уединенный, ласкает ли милого ребенка, и он не страшится неизбежного, веря в вечность бытия:

**И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.**

С ровно дышащей грудью писал величайший философский лирик России Тютчев такие строки:

**И мысль о смерти неизбежной
Не светит с древа ни листа,
И жизнь,
как океан безбрежный,
Вся в настоящем разлита.**

Иннокентий Анненский не принадлежал к таким бесстрастным деревьям. Мысль о смерти его страшила. Не мистически, а вполне реально: ведь он очень рано узнал о своей хрупкости, непрочности в мире. Болезнь лишила его нормального детства с бурной школьной жизнью, он был не такой мальчик, как все, и это, естественно, наложило отпечаток на его сознание, на все жизнеощущение. Он по-своему боролся с этим темным чувством. Не веря в загробную жизнь, в сладостное воздаяние за все претерпленные на земле муки, он приучал себя к неминуемому, говорил о смерти нарочито бытовым языком, что было воистину подвигом для такой трепетной души, как у него:

**В квартире прибрано.
Белеют зеркала.
Как конь попоною,
одет рояль закрытый...**

Но, все понимая, все признавая, он не поник головой, не умер раньше смерти, а во всю бедную силу легких призывал жизнь, не скрывая и не тая своего жизнелюбия: «Только б жить, дольше жить, вечно жить!»

И здесь он решительно расходится с тем модернистским ведомством, по которому его упорно числили. Декаденты играли со смертью в сложные и тонкие игры, то призывая ее в жажде немедленного соединения с вечностью, то кокетничая, как с опасно привлекательной дамой, и во всем этом было много дурного. Недаром же Чехов сказал о них с убийственной точностью: «Да какие они декаденты! Это здоровенные мужики из арестантских рот». Я цитирую по памяти, как и многое другое. Отчего же этим здоровенным мужикам, играющим в упадничество, не порезвиться на кладбище, коли толстая шкура устойчива к могильному холоду? Иное дело — больной, обреченный Анненский, для него все было серьезно, и он не кривлялся перед вечностью. Авторов, поэтизирующих смерть, Алексей Максимович Горький презрительно именовал Смертяшкинскими. Иннокентий Анненский не из их числа.

Поэт Анненский находился в сложных отношениях с мирозданием и собственным «я», что придавало его лирике трагический характер. Его душа всегда выражала себя напрямую в поэтических строчках. Можно наугад открыть хотя бы «Кипарисовый лагерь», и любое стихотворение погрузит нас в маету большой, измученной, рвущейся к свету души. Вот начало стихотворения «Смычок и струны»:

**Какой тяжелый, темный бред!
Как эти выси мутно-лунны!
Касаться скрипки столько лет
И не узнать при свете струны!**

Для него было нестерпимой мукой то, что людям казалось музыкой, но он не гасил свеч до утра, и струны пели:

**Лишь солнце их нашло без сил
На черном бархате постели.**

Он вслушивался в собственную душу и слышал в себе самые тайные шорохи, самые тонкие боли и превращал их в музыку. Одною этого достаточно, чтобы поэт состоялся, пусть он останется поэтом для немногих, камерным певцом, чей голос быстро исстает и не останется в памяти людей. Но Иннокентий Анненский был сделан из другого материала. Он слышал шумы заочной жизни и жизни, далекой от царскосельских куш и благостного покоя, большой, трудной жизни и отзывался этому тревожному шуму. То была добавочная мука, но и освобождение от болезненных видений, от изнуряющей тоски и эгоизма собственного страдания.

Из плена утонченных, расслабляющих, увядющих прочь от действительности чувств Анненского высвобождала обостренная совесть. Та совесть, которая руководила поступками отвлеченного, закованного в броню классицизма действительного статского советника, когда он столкнулся с жестокой реальностью социальной борьбы, с безжалостной самозащитой прогнившего режима. Тогда он сразу стянул с себя покой безучастности и вступился за гимназистов-бунтарей. Совесть продиктовала Анненскому одно из самых сильных и пронзительных его стихотворений, «Старые эстонки». Вот как оно возникло. 16 октября 1905 года на Новом рынке в Ревеле власти учинили преступную расправу над участниками массовой демонстрации рабочих. Расправа была произведена, когда посланные к губернатору участники митинга получили от него лицемерные заверения, что требования рабочих будут удовлетворены. Посланцы едва успели сообщить своим товарищам радостную весть, как загремели выстрелы. Без малого сто человек было убито и ранено. Похороны жертв расправы превратились в невиданную демонстрацию протеста, у могил выступали с речами большевики. В ответ — карательные отряды, огонь и свинец. Не счесть женщин, лишившихся своих сыновей.

Наш царскосельский поэт был далеко от кровавых событий, он мог не слышать приглушенных расстоянием стонов, как не слышали многие, наделенные большим политическим и социальным темпераментом, нежели он, ведь все равно ничего нельзя было поделать — этим немудреным соображением частенько успокаивает себя эластичная человеческая совесть. Но Анненский сам называл свою совесть «кошмарной», и тихий голос зазвенел металлом. Стихотворение «Старые эстонки» очень большое, я дам его с сокращениями:

**Если ночи тюремны и глухи,
Если сны паутины и тонки,
Так и знай, что уж близки старухи,
Из-под Ревеля близко эстонки.**

**Вот вошли, — приседают так строго,
Не уйти мне от долгого плена...**

**Знаю, завтра от тягостной жути
Буду сам на себя непохожим...
Сколько раз я просил их:**

**«Забудьте...»
И читал их немое: «Не можем».**

**Как земля, эти лица не скажут,
Что в сердцах похоронено веры...
Не глядят на меня — только вяжут
Свой чулок бесконечный и серый.**

**Но учтивы — столпились в сторонке...
Да не бойся: присядь на кровати...
Только тут не ошибка ль, эстонки?
Есть куда же меня виноватей.**

**Иль от ветру глаза ваши пухлы,
Точно почки берез на могилах...
Вы молчите, печальные куклы,
Сыновей ваших... я ж не казнил их.**

**Я напротив, я очень жалел их,
Прочитав в сердобольных газетах,
Про себя я молился за смелых,
И священник
был в ярких глазах.**

**Затрясли головами эстонки.
«Ты жалел их...**

**На что ж твоя жалость,
Если пальцы руки твоей тонки,
И ни разу она не сжималась?»**

**Спите крепко, палач с палачихой!
Улыбайтесь друг другу любовью!
Ты ж, о нежный,
ты кроткий, ты тихий,
В целом мире тебя нет виновней!**

В этом безмерно искреннем самобичевании слабое, больное сердце поэта с редким мужеством принимает на себя бремя чужой вины и делает своим. Как просто и убийственно слова укора, вложенные им в сухие уста старух: «Если пальцы руки твоей тонки, и ни разу она не сжималась?» А ведь мы знаем, что в должный час слабая рука сжалась ради царскосельских юношей. Но поэт отказывает себе в этом утешении. И произносит страшный приговор: «В целом мире тебя нет виновней». Что же это, как не истинная гражданственность, и голос, приученный к ночному шепоту, окрашивается митинговой звучностью.

Замечательно, что, услышав медную отзвонку в своем голосе, Анненский с той же обостренной совестью не возликовал, а резко осадил себя: мол, не спеши гордиться собой, куда тебе до тех, у кого слово не расходится с делом. Он сказал, обращаясь к собственному портрету:

**Игра природы в нем видна,
Язык трибуна с сердцем лани,
Воображенье без желаний
И сновидения без сна.**

Мы позволим себе не согласиться с поэтом. Его сердце трепетало от болезни, но не от ланьей робости. Это подтверждается другими стихотворениями Анненского, облитыми «горечью и желчью». Тихий, кроткий Анненский, классик с воспитанным, сдержанным жестом, бил, коли надо, наотмашь по самодержавной власти, по лицемерию церковников, по стяжателям, по мешчанской пошлости сытенных, тепло устроившихся. Судите сами.

В стихотворении «Петербург» любимый город становится для него символом страшной и душевной силы, опуставшей, как змея, скорбное тело России. Любопытно, что и Пушкину довелось пережить нечто подобное в отношении к Петербургу, городу его любви, о котором он так вдохновенно пел: «Люблю тебя, Петра творенье». Но однажды обнаружил совсем другое лицо города:

**Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,
Свод небес зелено-бледный,
Скука, холод и гранит...**

Сам город, созданный гением Петра и смертным трудом многих тысяч безымянных русских людей, украшенный Растрелли и Захаровым, Воронихиным и Кваренги, Стасовым и Росси, ничуть не виноват в том, что, став столицей Русского государства, вобрал в себя не только самое прекрасное, но и самое страшное, ибо олицетворял режим. Об этом и говорит Анненский в пронзительном по интонации стихотворении «Петербург». Вот отрывок из него:

*Только камни нам дал чародей,
Да Неву бурю-желтого цвета,
Да пустыни немых площадей,
Где казнили людей до рассвета.*

*А что было у нас на земле,
Чем вознесся орел наш двуглавый,
В темных лаврах гигант на скале,—
Завтра станет ребячьей забавой.*

Разговор идет напрямую: строй, распахнувший пустоту площадей, где «казнили людей на рассвете», строй с его пресловутым хищным гербом исторически обречен.

Достается от Анненского и церкви; вот как он изображает собственные «христианские» похороны в стихотворении «Зимний сон»:

*А в лицо мне лить саженым
Копоть велено кандилам,
Да в молчаньи напряженном
Лязгать дякону кадиллом.*

Пожалуй, даже сам «ересиарх всяя Руси» Николай Семенович Лесков так не прохаживался дубиной по спинам поповским в своей антиклерикальной прозе.

Но особенно едко изобразил Анненский представителя того слоя имущих, что стал особенно заметен в российской жизни на рубеже двух столетий,— стяжателя-кулачишку:

*Цвести средь немолчного ада
То грузных, то гулких шагов,
И стонущих блоков и чада,
И стука бильярдных шаров.*

*Любится, пока полосой
Кровавый не вспыхнул восток,
Часочек, покуда с косяю
Не сладился белый платок.*

*Скормите Помыканьям и Злобам
И сердце, и силы дотла—
Чтобы дочь за глазетовым гробом,
Горбатая,
с зонтиком шла.*

И по так называемым средним классам с их мешанством, сытостью, благополучием, душевной скукой и бездуховностью хлестнул Анненский сатирическим стихотворением, бытовая, даже уютная уличная интонация которого крепко одобрена ядом. Называется оно многозначительно — «Нервы», а насмешливый подзаголовок такой: «Пластинка для граммофона».

Под этим стихотворением, будь оно чуть менее совершенно в слове, естественно было бы увидеть подпись талантливого сатирика Саши Черного. Одна эта «Пластинка для граммофона» выводит Анненского из круга чистой эстетики, служения красоте ради нее самой. Но люди, «ведущие» какой-либо формой искусства — литературоведы, искусствоведы, музыковеды,—обладают завидной способностью не замечать того, что им не угодно, что разрушает их концепции, противоречит выводам. «Мученик красоты», «эстетическое донкихотство» — эти определения застряли в печати уже после смерти Анненского. Но автор «Тихих песен» и «Кипарисового ларца» упорно не уместается в этих схемах. Эстетическая ловушка так же не по нему, как сети декадентства, как символизм, как появившийся позднее акмеизм. Последнее течение провозгласило Анненского своим главою. У Анненского, огромного поэта, каждый мог чем-нибудь поживиться, в том числе и акмеисты, но ведь Анненский никогда не исповедовал культа «искусства для искусства», а если и знал цену отдельному предмету, чуждому, расплывчатому, бесконечному миру символизма, то он не исключал этот предмет из многообразия мировых связей — социальных, общественных, исторических. Об этом красноречиво говорит его стихи. С другой стороны, Анненский никогда не утрачивал тяги и к чему-то, не выра-

жающему себя однозначной видимостью; многое оставалось для него в державе намека, полуутрадки, смутного прозрения. Да и вещественный мир не был для него объектом эстетического любования, как для акмеистов.

Странная поэтическая судьба у Анненского: то его не признавали ни по одному «ведомству», то вдруг сильное, звонкоголосое движение само попросилось в вассальную зависимость к нему.

Советское литературоведение и в первую голову Андрей Венедиктович Федоров расчистили дремучие заросли, обставившие беззащитную фигуру поэта, исчерпывающе точно определив движение и существо поэтической работы Иннокентия Анненского.

«Жизненный путь Анненского,— пишет Федоров,— оборвался в 1909 году, когда его великий современник Блок, со всей страстностью искавший в искусстве большой жизненной правды, «выхода в жизнь», был близок к цели, этого выхода искал и Анненский, как показывают многие его стихотворения. Поэтический мир Анненского полон противоречий, напряженной борьбы, которая и сообщает его творчеству трагический характер. Борьба эта — борьба между властью мира внутреннего, полного тоски, отчаяния, населенного болезненными видениями, и стремлением к миру реальной жизни, «реальных воздействий жизни». Эти реальные воздействия жизни на последнем этапе творчества поэта все более властно заявляют о себе и получают все более правдивое и сильное выражение».

Конечно, Анненскому не удалось сделать то, что удалось Блоку: он слишком рано ушел — в черные годы России, не создав своих «Двенадцати», не соединившись до конца с народной стихией. Но это его беда, а не вина. Если позволено мечтать о прошлом, то совсем нетрудно представить себе «Двенадцать» Иннокентия Анненского, ведь, помимо всего прочего, он обладал ухом, чутьем к разговорной, уличной речи, он слышал бытовую говор, знал повадку простых людей; этот изысканный человек отлично ориентировался в шумах повседневности и вполне мог создать народную революционную поэму, доживи он до дней, которые сам предрекал.

Эти мечты воплотить находят подтверждение в оставшихся неопубликованными двадцати пяти монологах, пронизанных острой социальной остротой. Как было недавно установлено, это переводы ритмической прозой стихов итальянской поэтессы Ады Негри. Они посвящены рабочим, ремесленникам, трудовым людям безрадостной судьбы. Эти люди вопрошают: «Кто не дает нам свободно дышать? Кто гнетет и давит нас? Чья ненависть тяготит над нами?». Поэт верит, что в борьбе эти задавленные неравенством, социальным гнетом люди обретут свободу и счастье. «Вперед, вы, которые ищете счастья в труде! Вперед на честный бой... Дерзайте, вы, новые и славные бойцы. Вас ожидает свободный век».

Для нас, с нашим опытом социальной и революционной борьбы, это звучит чуть наивно, да ведь когда это писалось! Но такое искреннее чувство, помноженное на зрелость ума и мастерство, в должный час истории просто обязано было вспламениться альм светом.

Впрочем, не стоит искать достоинства Анненского в том, что он еще мог бы сделать, достаточно и того, что он успел сделать.

Каждый поэт существует в своих словах, много оружия у него нет. Слово Анненского не спутаешь ни с чьим иным. Он поэт строгий и одновременно раскованный. Он свободно пользуется словами самого разного ряда, ничуть не боясь ставить их рядом, его речь может быть старинно-торжественной и площадной, утонченно нежной и

залихватской. На одной странице напечатаны два стихотворения. В первом, «Из окна», густым медом льется строка: «И этот призрак пышноризый» — чем-то державинским веет, а второе, «Зимний сон», начинается так: «Вот газеты свежий номер, Объявление в черной раме: Несомненно, что я умер И увя! Не в мелодраме» — почти фельетонная поэзия. Но по-своему хорошо и то, и это.

И очень часто у Анненского торжественный, почти одический настрой переливается в утонченную печаль, которая внезапно и вместе естественно оборачивается иронией — не гейневской, с подмигиванием читателю, а простой, как дыхание, и, как дыхание, сама себя не осознающей. Как легко переходил Анненский от тихой вечерней грусти к острому сарказму, и вдруг — во всю грудь — народная распевность. Какой богатый инструмент — поэтическая душа Анненского! И все же о нем не скажешь: оркестр, как о могучем Маяковском или безграничном Блоке, нет, все-таки роля, невероятный, с расширенной клавиатурой, наделенной оркестровой многозвучностью. Недаром и самому Анненскому иные его стихи казались фортепианными сонетами, он так их и называл. Но есть и кантата — народным ладом здесь поется о рождении и смерти поэта.

*Над Москвою
старой златоглавою
Не звезда в полночи затеплилась,
Над ее садочками зелеными,
Ой зелеными садочками кудрявыми
Молодая зорька разгоралась.
Не Вольга-богатырь нарождается,
Нарождается надежда —
молодой певец...*

Да, таков Анненский: осенняя паутинка и мрамор, лунный луч и стальной брус, издающий аромат последних роз и ядреный запах дегтя, золотая арфа и хрюск трепака — все вмещала его поэзия. Вот удивительный пример емкости стилевой манеры Анненского, послушайте, что он творит в скупом пространстве небольшого стихотворения «У св. Стефана»:

*Обряд похоронный там шел,
Там свечи пылали и плыли,
И крался дыханьем фенол
В дыханья левкоев и лилий.*

Автор вознес нас в поднебесье, но уже со следующей строфы начинается стремительное падение вниз:

*По «первому классу бюро»
Там были и фрак и платья,
Там было само серебро
С патентом — на новом распяты.*

Это падение в быт продолжается в новой строфе:

*Но крепка, и пальм, и кадил
Я портил, должно быть, декорум,
И агент бюро подходил
В калашах ко мне и с укором.*

И удивительное — насмешливое, но с оттенком печали заключение:

*Все это похоже на ложь,—
Так тусклы слова гробовые.*

*Но смотря загибы калаш
С тех пор на меня, как живые.*

Почти для каждого большого поэта характерно обостренное чувство не только слова, но и звука. Недаром же многим поэтам, как и музыкантам, звуки казались окрашенными: Рембо, Хлебников, Скрябин. В очарованности словами и звуками признается Анненский в одном из самых музыкальных своих стихотворений. «Невозможно»:

*Есть слова — их дыханье, что цвет,
Так же нежно и бело-тревожно,*

*Но меж них ни печальнее нет,
Ни нежнее тебя, невозможно.*

*Не познав, я в тебе уж любил
Эти в бархат ушедшие звуки:
Мне являлись мерцанья могил
И сквозь сумрак белевшие руки.*

*Но лишь в белом венце хризантем,
Перед первой угрозой забвенья,
Этих ве,
этих зе, этих эм
Различить я сумел дуновенья.*

*Если слово за словом, что цвет,
Упадает, белея тревожно,
Не печальных меж павшими нет,
Но любил я одно — невозможно.*

Прочтешь и поразишься, как же ты раньше не замечал от восторга и печали при дуновении этих «ве», этих «зе», этих «эм» и, боже, в какое же дивное слово они спеваются! Анненский, как никто, должен был ощущать многозначное слово «невозможно», ибо для него существующее было полно запретов, но это же слово служит и для обозначения высших степеней восторга, любви и боли, всех напряжений души. И что-то еще в этом слове остается тайной поэта, и проникнуть в нее НЕВОЗМОЖНО.

В русской литературе было не так уж много больших профессиональных критиков. В сознании сразу возникают фигуры Белинского, Добролюбова, Писарева, Чернышевского, а затем, словно по другую сторону барьера, — Аполлона Григорьева, Константина Леонтьева и, пожалуй, Страхова. Но критиками, великими критиками, были многие наши классики, и первым, как и во всем остальном, должен быть назван Пушкин, его статьи и отзывы непревзойденны. Гончаров написал всего одну фундаментальную статью, «Мильон терзаний», о комедии Грибоедова «Горе от ума», но эта замечательная работа отводит ему одно из первых мест на критическом Парнасе; превосходны статьи Некрасова о русских второстепенных лириках; выдающимся критиком был Александр Блок. Список можно увеличить. Анненский — из этой плеяды, и я отважусь сказать, что им не поколеблен лишь престол Пушкина. Да это и не по силам смертному.

Ничего похожего на критические статьи Анненского ни по форме, ни по методу подхода к литературному явлению, ни по тону — проникновенно личному — не было ни в отечественной, ни в мировой литературе. Он не анализирует произведение, а пишет вроде бы по поводу его: как соотносится оно с жизнью и какой отзвук находит в его собственной душе. В этом смысле он и назвал свои критические очерки «отражениями».

Помните повесть Достоевского о раздвоении личности? «Двойник» — это история безумного, несчастного, гадкого и до слез жалкого господина Голядкина. Анненский не препарирует повесть критическим скальпелем, он словно погружается в ее мрак, в ее промозглую мокро-снежную сырость и затаскивает нас с собой. И там, в петербургской мути, на ледяном сквозняке мы обнаруживаем не монстра, а замученного, доведенного жизнью почти до полного изничтожения личности чиновника Якова Петровича Голядкина, нашего брата в человечестве. Никаких ученых рассуждений, никаких умствований, — Анненский словно прижимается своим сердцем к сердцу Достоевского и так обретает истину. Как страшно, как проникновенно звучат слова, заключающие этот удивительный очерк: «Господа, это что-то ужасно похоже на жизнь, на самую настоящую жизнь».

Для Анненского-критика, как и для Анненского-поэта, критерием литературной значимости были не эстетические категории, а сама жизнь.

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

«ЗМЕЕВЕДЕНИЕ»

В учебной программе школы в индийском селе Дхолгарвади (штат Карнатака) появился новый предмет — «змееведение». На уроках по этому предмету учеников учат, как надо держать себя с разными змеями при встрече с «глазу на глаз», какие немедленные меры принимать при укусах и т. д. При школе создан террариум с 200 различными змеями, среди которых есть королевские, черные и обыкновенные кобры, питоны и другие.

«ТАЙМС»,
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Трагическая статистика

Согласно данным Национального центра по контролю над заболеваниями, за период с 1970 по 1980 год в США зарегистрировано 287322 самоубийства. Причем число таких случаев среди юношей в возрасте от 15 до 24 лет увеличилось за эти годы на 50 процентов, а среди молодых людей в возрасте от 25 до 34 лет — на 30 процентов. Если в 1970 году на каждые 100 тысяч юношей в возрасте 15—19 лет приходилось 9,4 самоубийства, то в 1980 году — уже 15.

Специалист по детской и подростковой психиатрии из Миннесотского университета Б. Гэрфинкел отмечает, что среди американских подростков широкое распространение приобрела «убежденность в бессмысленности и бесцельности жизни». Кроме того, по мнению Гэрфинкела, «тревоги и заботы, характерные для всей нашей культуры, сводят на нет само понятие «детство»...

АГЕНТСТВО
АССОШИЭЙТЕД ПРЕСС,
США

Хобби писателя

Необычное хобби у кубинского писателя Томаса Альвареса Де Лос Риоса. Свыше 700 пословиц и поговорок украшают наружные стены его традиционного крестьянского дома. Но он до сих пор считает свое дело неоконченным. На каждом из 10 000 глиняных кирпичей, составляющих «обшивку» дома, он намерен зафиксировать мудрость того или иного народа.

«ВОЭМИА»,
КУБА

МУЗЕЙ КАМЕННЫХ ШАРОВ

Каменные шары — природные образования, которые встречаются в различных районах Земли. Долгое время их считали творением человеческих рук, но позже геологи доказали, что их сферическая форма, которая иногда абсолютно правильна, возникает в результате процессов кристаллизации в плотном песчаном слое или слое вулканического пепла. Песок впитывает минеральные растворы из земных недр, и от центра процесс кристаллизации распространяется равномерно во все стороны. Рыхлый песок постепенно устранивается эрозией, а сферическое образование остается. То же происходит и в горячем вулканическом пепле.

В Бразилии создан музей каменных шаров. В его коллекции хранятся и две сросшиеся сферы: нижняя — больших размеров, а верхняя — меньших (на снимке справа). Они возникли в результате кристаллизации от двух центров, оказавшихся по соседству. Один из каменных экспонатов в этом уникальном музее имеет сферическую форму абсолютно точных размеров (на снимке слева).

«А — Я МАГАЗИН»,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

ГУРМАНЫ И ЭКОЛОГИЯ

В результате бесконтрольного истребления лягушек (ножки которых — излюбленный деликатес для гурманов) в Бангладеш и Индии, говорится в декларации Международного союза по охране природы и природным ресурсам, возникает серьезная экологическая проблема. В 1984 году из этих двух стран в США, Австралию и Западную Европу было вывезено свыше 150 миллионов лягушек. Подсчитано, что только в Бангладеш уничтожено 70 миллионов лягушек, а они поедают ежедневно свыше ста тонн насекомых, в том числе комаров. Уничтожение этих земноводных создает опасность вспышек эпидемий малярии и распространения сельскохозяйственных вредителей. Использование против вредителей пестицидов ведет к увеличению валютных расходов в развивающихся странах. Эти страны становятся к тому же жертвами многочисленных махинаций транснациональных компаний, сбывающих химикаты, запрещенные для использования в промышленно развитых государствах. Так что вопрос о лягушках становится немаловажной проблемой...

«НАУКА И ТЕХНИКА»,
БОЛГАРИЯ

Никотин в осаде

В Исландии принят новый закон, согласно которому все табачные фабрики отныне должны будут выпускать свою продукцию — сигареты, сигары, трубочный и нюхательный табак — в упаковке, на которой не только крупно отпечатано предупреждение о вреде курения, но и дано одно из предписанных изображений: черные, прокопченные табачным дымом полустигившие легкие; большой, умирающий на постели в чаду табачного дыма; искалеченное, недужное сердце и сосуды; красные, воспаленные гортань и носоглотка...

Закон запрещает киоскам и магазинам выставлять на витринах какие-либо табачные изделия, запрещает курить во всех государственных учреждениях и общественном транспорте и требует от ресторанов и столовых открыть для курящих отдельные залы.

«ИНТЕРНЭШНЛ
ГЕРАЛЬД ТРИБЮН»,
США

«ПРОФЕССОР ТЕРРОРИЗМА»

Так в американской прессе именуют некоего Фрэнка Кэмпера, сожителя одной из многочисленных частных школ, которые обучают профессиональных убийц для кровавых диктаторских режимов или для контрреволюционных эмигрантских групп, готовящихся к действиям против государств, где победила демократия. Бывший «зеленый берет» с вьетнамской «практикой» за плечами, Кэмпер с 1982 года преподает искусство убийства тем, кто завтра применит его «уроки» в Сальвадоре и Никарагуа, в Чили и Намибии, в Гондурасе и Ливане. И везде — против прогрессивных, демократических сил, везде — в интересах глобальной стратегии США. «Частные» школы убийц не случайно пользуются благосклонностью ЦРУ...

«ФРАЙЕ ВЕЛЬТ»,
ГДР

Готовят убийц...

РЕМОНТ «НА ЛЕТУ»...

Джо Липпо — механик, работающий на аэродроме в Сант-Огустене, США, проделал уникальную ремонтную операцию. Стоя в мчащейся по взлетной полосе машине с открывающимся верхом, он высвободил заурявившееся колесо шасси на маленьком турбосамолете «Эрроу».

«ЮМАНИТЕ», ФРАНЦИЯ

Гора за оградой

Самая большая гора Испании Теиде (3718 метров), расположенная на острове Тенерифе, будет обнесена оградой. Туристы, совершающие восхождения на этот потухший вулкан, буквально растаскивали его вершину, унося за сезон почти тридцать тонн камней в качестве сувениров. Представители общества охраны природы высказали опасение, что эту характерную приметку острова через несколько лет вряд ли можно будет узнать.

И в парк-заповедник Лас Канадас дель Теиде посетители впредь будут допускаться только за входную плату. У администрации парка уже не хватает средств на устранение мусора, оставляемого туристами. Управляющий парком-заповедником заявил: «Похоже, что основное стремление наших гостей — нанести ущерб природе...»

«МАДЬЯР ИФЬЮШАГ»,
ВЕНГРИЯ

Свобода на садизм?

«Джинни» — так называется самый популярный в ФРГ диск. Коротко о нем можно сказать так: отвратительный, чудовищный садизм. «Джинни» повествует о психически ненормальном мужчине, который похищает девочку и, надругавшись над ней, зверски убивает.

Распродано уже несколько сотен тысяч пластинок. Ровно столько же раз унижено человеческое достоинство. Правда, телевидение ФРГ обнаружил в этом и «позитивные» аспекты: «Букет излишеств нашей демократии является доказательством свободы, которой мы все наслаждаемся».

Свобода на извращения? Это тоже, оказывается, может быть признано «ценностью» в их мире...

«ЮНГЕ ВЕЛЬТ»,
ГДР

Николай ЛЕОНОВ
ПОВЕСТЬ

НА ПОБЕДУ

Астахов и Нина Маевская шли рядом, но не взявшись, как обычно, за руки. Молчали. Павел чувствовал себя холодно, пусто, свободно, увидев тусклую, безжизненно-неоновую рекламу «Ресторан», в которой две буквы выпали, толкнул дверь.

Оркестр не работал, инструменты были зачехлены, зал полусовершенно — не в целях создания интимности, а чтобы немногочисленные гости не задерживались. Официантки сидели за столиком в углу, увидев молодую пару, враз прекратили разговор, ждали, кому из них не повезет.

Астахов выбрал стол почище, официантки сочувственно взглянули на подругу, продолжили беседу. Хозяйка стола не вскочила, даже не приподнялась, лишь пожала рыхлыми плечами.

— А ты зря, парень вроде солидный.
— Какой солидный сядет в залу без музыки, — ответила хозяйка и без надобности ушла на кухню.

Астахов вынул носовой платок и стал тереть указательный палец на правой руке. У него брали отпечатки, краска не до конца отмылась. Выяснилось: пачка «Уинстона» принадлежала ему, Павлу Астахову. Теперь он напряженно вспоминал, кому он дарил сигареты, кто бывал в доме и мог взять? Ничего путного вспомнить не удавалось.

— Так и будем молчать? — не выдержала Нина.
— Молчание — самый точный и совершенный способ проверки отношений, — ответил Астахов.

— Они лезут в мою личную жизнь, — сказала Нина. — Все из-за тебя.

Изображая следователя, строго спросила:
— «В каких отношениях вы находитесь с Усольцевым?» А при чем здесь Сергей? И кого наши отношения касаются? Если хочешь знать, Сергей мне дважды делал предложение.

— Есть в городе молодой мужик, который не делал тебе предложение?

— Все из-за тебя! Да-да! Сегодня мы видимся последний раз!

— Ты бросаешь спорт?
— Не юмори. — Нина неожиданно потухла, запал пропал, нормальным, тихим голосом сказала: — Паша... Милый... Что ж я могу сделать? Я не люблю тебя. Ты же не хочешь, чтобы я глала. Знаю, лучше тебя мне не найти. Любви нет, Паша...

Нина заплакала. Павел погладил ее по голове. Он ссутулился, сидел, тоже опустив голову, и совсем не походил на Павла Астахова. Он чувствовал себя, как человек после тяжелой, но уже закончившейся операции. Больно очень, терпишь и знаешь, что с каждым часом боль начнет отступать.

Сотрудники уголовного розыска «пахали». Они обошли весь район, вошли в каждую квартиру, ждали людей с работы, встречали у проходных, но ничего конкретного, что могло бы стать основанием в системе доказательств вины Усольцева, добыть не удалось.

Не работали последние сутки три человека, которые стояли во главе дела. Подполковник Серов, следователь прокуратуры Фирсов и майор Гуров ждали, у них портились характеры и взаимоотноше-

ния. Обращались друг к другу то преувеличенно вежливо, по имени-отчеству, либо полностью называя должность и звание, то неожиданно на «ты» с употреблением слов базарного происхождения.

Прокуратура, как ей и положено, взяла себя в руки первой.

— Вот что, коллеги... — Следователь, употребив любимое выражение Гурова, мягко улыбнулся ему. — Если мы окончательно разругаемся, даже перегрызем друг другу горло, положение не изменится. Они, как обычно, собрались в кабинете Серова. Следователь сидел сбоку у стены. Лева без пиджака и галстука бесцельно болтался по кабинету.

— Нельзя ли без вступлений, уважаемый Николай Олегович, — елейным голосом произнес Серов.

— Борис, я и сказал без вступлений. Хватит! Подведем итоги, какие есть.

Гуров сел в дальнем углу, стал изучать покрытый лаком паркет.

— Мы остановились на Усольцеве. Может, мы ошибаемся, но другого у нас нет. — Фирсов вздохнул. — Имеем: ужинал в ресторане, взял ключи от машины. В двадцать два часа в трехстах метрах от места преступления стояли голубые «Жигули», третья модель, под зеркалом висела игрушка, якобы плюшевая обезьянка. Похожая машина, я подчеркиваю, только похожая, принадлежит гражданину Гутлину. Из машины вышел мужчина спортивного телосложения в возрасте примерно тридцати лет, на нем светлый пиджак с двумя разрезами. Похожий пиджак был в тот вечер на Усольцеве.

— Благодарим за информацию, — пробормотал Серов.

Фирсов не обратил на бормотание ни малейшего внимания.

— Располагая такими фактами, мне бессмысленно, точнее, нельзя вызывать и передпрашивать подозреваемого. Я ничего не добыю, а он поймет, убедится окончательно, что мы безоружны. Ваши люди ищут свидетелей. Каких? Свидетелей чего? Допустим, неожиданно найдется человек, который видел Усольцева рядом с домом, допустим, видел, как Усольцев вошел в подъезд. Свидетель скажет «да», Усольцев скажет «нет», и я протоколы подожью в дело. Прямых да и косвенных доказательств вины подозреваемого не существует в природе. Мы заставляем людей искать несуществующее.

— У них такая работа, — не выдержал Серов.

— Когда доказательств нет, их необходимо создавать, — сказал Гуров.

— Не понял! — Следователь даже встал, смотрел возмущенно. — Я вас не понял, товарищ старший оперуполномоченный Московского уголовного розыска. Как создать то, чего нет?

— Путь у нас один. Необходимо добиться признания Усольцева. Я, как вы догадываетесь, слышал, — Гуров вежливо поклонился следователю, — что признание вины не является ее доказательством. И мне об этом не бабушка рассказывала.

Серов быстро взглянул на Фирсова, сделал знак: мол, молчи, дорогой, терпи.

— Преступление сложно сконструировано. Получив признание Усольцева, мы пройдем с ним по всей конструкции, зафиксируем факты, которые, кроме преступника, знать никто не может. Таким образом, сделав полный круг, мы получим неопровержимые доказательства. И если в суде Усольцев свои показания возьмет назад, никакого значения это иметь не будет. Пустячный вопрос: как получить признание подозреваемого? Арест и содержание в холодной, темной камере я, разумеется, не предлагаю.

Гуров взглянул на следователя. Неожиданно Нико-

лай Олегович, серьезный, сухой человек, приложил большой палец к кончику носа, растопырил пальцы и сделал Гурову такой «нос», что все рассмеялись. Атмосфера окончательно разрядилась.

— У меня есть идея, — сказал Гуров. — Вы, конечно, давно заметили, что я немного фантазер и авантюрист?

— Заметили. — Фирсов кивнул.
— Ну, Лева, — Серов махнул рукой, — вперед!

Глаза у Анатолия Петровича Кепко светло-серые, с крохотным снайперским зрачком. Гуров видел тренера в третий раз, а его пронзительно-неприязненный взгляд почувствовал впервые.

— Почему вы его не посадите? Заприте его в камеру, — говорил Кепко, тыкая пальцем за свою спину, где, ссутулившись, сидел Краев.

Разговор происходил на стадиончике детской спортивной школы, там Кепко проводил занятия. Гуров понадобилась помощь Кепко и Краева, и он привез того сюда и теперь ждал, пока Анатолий Петрович «отстреляется».

Лева не любил обращаться за помощью к штатским, считая, что каждым делом должен заниматься профессионал.

Оперативные отряды, студенты, рабочие, крепкие, ловкие ребята, готовые прийти на помощь милиции. Кто от такой помощи откажется? Но почему у самого хорошего дела так быстро образуется теневая сторона?

Женщины среднего возраста с повязками на руках, прогуливающиеся по станциям метро или на самых освещенных улицах, вызывали у Гурова, мягко выражаясь, недоумение. За свое бессмысленное гуляние они получают дополнительные дни к отпуску. И люди, составляющие отчеты, и начальники, представляющие за «дежурства» отпуска, знали, что все это фикция и разбазаривание денег. Однако «положено», чтобы общественность принимала участие в борьбе, и чем больше участвующих, тем вроде бы лучше, и женщины — наверно, им больше нужны отпуска, — прижимая к животам сумочки, взявшись под руки, прогуливаются под фонарями, сторонясь темных дворов и скверов. Гуров не раз думал: если посчитать, в какую сумму стране обходятся эти прогулки? На такие деньги наверняка можно открыть еще одну школу милиции.

Идею Льва Ивановича Гурова без помощи Кепко, Краева, их друзей и знакомых осуществить было невозможно. Ни один режиссер не способен поставить спектакль без актеров. Гуров, собирая команду, начал с тренеров, привез одного к другому, ждал, слушал.

— Он же преступник! — продолжал возмущенно Кепко. — Он скрыл от следствия важные факты!

Глаза у Кепко почти белые, зрачки прицеливающиеся.

— Анатолий Петрович, — перебил Гуров, — я вас понял, поясню. В действиях Олега Борисовича Краева состава преступления нет, его действия, точнее, его молчание относится к области нравственности. Вы на тренерском совете и разбирайтесь. Я вам уже говорил, повторяю: вы эгоистично замкнули на себя, Астахова, на ваши взаимоотношения.

— Ну, хорошо, хорошо, ты прав, парень. — Кепко похлопал Гурова по колену, в глазах тренера появилась синева. — Убит человек, мы тоже несем ответственность. Команду!

— Во-первых, — Гуров поднялся и пересел на скамейке таким образом, что Кепко и Краев оказались рядом, а он сбоку, — завтра вечером вы должны быть едины, как никогда в жизни.

— И я говорю...

— Заткнись! — перебил друга Кепко. — Хорошо. Обещаю.

— В вечер убийства в ресторане гостиницы «Центральная» гуляла молодежная свадьба. Завтра вечером необходимо всех этих людей снова собрать, реставрировать свадьбу с максимальной точностью. Дело это сугубо добровольное, милиция не имеет права даже настаивать. Вы известные в Городе люди, используйте свое влияние. Устроим камуфляж под съемку киносюжета. Вот фамилии и адрес молодоженов. — Гуров передал тренером лист бумаги, и Краев вцепился в него, как в якорь спасения.

— Пусть они назовут своих гостей, всех надо повидать, и сегодня, — продолжал Гуров. — Необходимо, чтобы все оделись так, как были одеты в тот вечер.

— Сделаем. — Кепко кивнул, хотел отобрать у друга записку, но Краев быстро убрал ее в карман.

— Вопрос... — Гуров сдержал улыбку. — Что будет на столах? Какие-то деньги я из финотдела выбью...

— Не твоя головная боль, — перебил Кепко. — Мы вам за Пашу не столы, памятник в центре города поставим. Извините.

Он взглянул на Гурова, вздохнул:
— Договорились. Попробуем.

— Простите, Анатолий Петрович, мы пробовать не можем. У нас только одна попытка. Первая, она же последняя.

— Понял. Людей мы соберем. Что должны делать я и этот?— Кепко кивнул на Краева.

Гуров долго и подробно объяснял тренерам их роли, затем, попрощавшись, вышел со стадиона. Здесь его ждали голубые «Жигули», за рулем Арнольд Гутлин, на заднем сиденье Кахи Ходжава и Игорь Белан.

— Здравствуйте, друзья.— Гуров сел рядом с водителем.— Поехали.

15. Конец

Он, как обычно, проснулся около четырех утра. Поел, перестелил кровать, принял снотворное и лег. После убийства Усольцев все время находился во взвинченном состоянии. Он взорвал этот тихий, благополучный мир, в котором так незаметно существует. Усольцев несколько раз в день слышал: Астахов... Астахов... Паша... Говорили, что у подъезда дома покойника остались следы машины, обуви, а в доме и пальцевые отпечатки. Утверждали, мол, совершенно точно, что разговор Астахова с Игорем Лозянко записан на магнитофон, даже предсмертный стон слышен. Усольцев посмеивался и торжествовал. Город одевался в траур, уверенность в виновности Астахова росла. Слухи о чем-то хорошем, радостном воспринимаются насмешливо, критически: «Держи карман шире». Дурные слухи мгновенно превращаются в общеизвестный факт, сомневаться даже неприлично. «Слышал... Знаю... А что сделаешь?»

Усольцев купался в перенасыщенном растворе слухов, новости поступали чуть ли не еженощно. Почему-то он подумал о бирже, на которой никогда не бывал. Наверное, так же чувствует себя человек, рискнувший всем и ожидающий развязки.

В Илье Ильиче Леонидове Сергей Усольцев узнал родное, близкое— обостренное чутье человека-наемника. Не обманули напускное безразличие, показной объективизм карьериста. А ты Паше завидуешь, родной, понял Усольцев, глядя на холодные пальцы следователя, которыми он укладывал в папку протокол допроса. Завидуй, миленький, ты прав: надо все делить поровну. Наш час настал, я камень с горки толкнул, ты лавину направил точно в цель.

Все развивалось по плану. Сергей Усольцев торжествовал. И вдруг вчера как обухом. Два дегенерата с идиотскими расспросами, недоумением и страшноватым рассказом о смене следователя, неожиданном повороте событий. Астахов из петли выскакивал, освобождал место под перекладной. Усольцев должен был испугаться, но не испугался. Почему он сорвал плюшевую обезьянку, он не знал, пробормотал невнятно о делах, расстался с Гутлиным и Ходжавой, зашел в магазин, вернулся домой, залерпал, отключил телефон и пил в одиночку.

Пашка из петли выскочил. Как они разобрались и почему уперлись в меня? Доказательства у них никаких, но Пашка выскочил, вот беда.

О разможенном затылке Игоря Лозянко он не вспоминал, заснул.

Разбудил Усольцева настойчивый звонок в дверь, кто-то нажал на кнопку и не отпустил.

Он взглянул на часы, половина двенадцатого. С работы? Из милиции? Надев халат, Усольцев театральным жестом распахнул дверь.

На пороге стояли Кепко и Краев.

— Боже ты мой!— Сергей схватился за голову.— Отцы родные, проходите! Чем обязан? Здравствуйте!

Кепко только кивнул, Краев прогудел:

— Привет, парниша.— Прошел в квартиру, огляделся.— Среда, полдень, а ты почивать изволишь?— Он покосился на друга. Кепко отвернулся.— Телефончик, значит, отключаешь?— продолжал Краев.— Старикам ехать пришлось.

— Радость большая и честь.— Усольцев следил взглядом за Кепко, но будь тут его, то Краева бы послал одновременно.

— Ты мне нужен, Сергей,— сказал Кепко, резко развернулся, встал перед Усольцевым.— Сегодня вечером в девятнадцать часов. Трезвый. Ты меня понял?

— О чем вы говорите, Петрович?— Усольцев взмахнул руками.— Где прикажете быть?

— Ресторан гостиницы «Центральная».— Кепко пошел к двери, задержался, спросил, не оборачиваясь:— Ты меня хорошо понял?

Усольцев обдумывал ответ. Кепко стоял лицом к двери, Краев поднес к лицу Сергея огромный кулак. Усольцев кулак небрежно отодвинул, глядя завороненно на неподвижную фигуру в дверях, сказал:

— Я вас понял, Анатолий Петрович.

Тренеры вышли, щелкнул замок. Усольцев остался один.

Вечером в ресторане «Центральный» вновь гуляла молодежная свадьба. Так же, как неделю назад, за отдельным столиком сидела пожилая пара, за вторым столом расположились Усольцев, Ходжава и Гутлин.

Чуть в стороне электрики устанавливали диги, у кинокамеры возился Илья Белан.

За свадебным столом чувствовалась какая-то скованность, чего-то явно ждали.

Кахи Ходжава сделал официантке заказ, сказал:— Сегодня все поровну платим. Хватит, я не райсобес.

Усольцев взглянул на него презрительно.

— Тяжело достаются?— И, не ожидая ответа, продолжал:— Не понимаю, что за клоунада здесь происходит.

Гутлин лишь втянул голову в плечи. Кахи махнул широко рукой:

— Зачем понимать, дорогой? Люди попросили, сделайте все, как было двадцатого. Нам не трудно. Слушай, не землю копать.

Гутлин кашлянул и смущенно сказал:

— Тут еще один человек сидел.— И, как всякий не умеющий лгать, начал смотреть в сторону с фальшивым любопытством.

К ним подошел Гуров, улыбаясь, кивнул, сел на свое место.

— Кино.— он подмигнул Усольцеву.— Социализм. Отшел от кинокамеры Илья Белан и хорошо поставленным голосом, который так не вязался с его внешностью, сказал:

— Дорогие друзья! Для документального фильма, который готовит наша студия, необходима сцена молодежной свадьбы. Мы не хотели мешать вашему празднику двадцатого. Снимем ее сегодня. Спасибо, что вы пришли. Друзья, так как вы не профессиональные актеры и можете перед камерой оказаться излишне напряженными, я попрошу вас лишь восстановить в точности обстановку того вечера. Сестра, как вы сидели, танцевали, как вы танцевали, выходить в вестибюль, если вы выходили. Прошу!

С шутками и смехом за столом стали пересаживаться.

Усольцев оглядел шумный зал, повернулся к Гурову и сказал:

— И все это для того, чтобы доказать, что Павел Астахов не убийца, а бог, а Сергей Усольцев— черт с рогами.

Гуров взглянул на часы, раздумывая: принять предложение Усольцева открыть карты или уклониться.

— А почему вы решили, что все происходящее имеет отношение к убийству Лозянко?— Гуров не смотрел Усольцеву в лицо— рано, они еще наглядятся друг на друга.— И почему решили, что происходящее имеет отношение к вам?

— Потому как не идиот.— Усольцев опрокинул в себя изрядную порцию.— Знаю, кто вы есть и чем занимаетесь. Известно, какие вопросы вы задавали моим бывшим.— он неумело рассмеялся.— приятелям. Я еще способен сложить два и два и удивляюсь одному.— Он замолчал, ждал вопроса.

Гуров никак не реагировал, словно не слышал. Ходжава хотел вмешаться. Гутлин ударил его по ноге.

— Я удивляюсь.— Усольцев снова наполнил рюмку.— почему я здесь сижу и принимаю участие в непристойном фарсе.

Самое страшное, если он встанет и уйдет, это конец, но Гуров подготовил ответ заранее:

— Ничего удивительного, вы, как всякий невинный человек, не хотите, чтобы на вашем имени оставалось пятно подозрения. Верно, Кахи?

— О чем говорить?— Кахи пожал плечами.— Я что угодно могу повторить, ничего не боюсь.

Подошла официантка, неловко улыбнувшись, молча взяла со стола бутылки и так же молча ушла.

Этот ход тоже был заготовлен: удар, который перекрывает Усольцеву возможность выпиться и начать бутафорить.

Усольцев проводил официантку недоуменным взглядом.

— Положим, такого фортеля в прошлый раз не было.

— Арнольд.— Гуров обратился к Гутлину.— А куда из вашей машины подевалась игрушка?

— Понятия не имею.— пробормотал Гутлин.— Вчера была...

— Машину не взламывали? Больше ничего не пропало?— спросил Гуров.

— Нет. Ничего.

— Кахи, вы не брали обезьянку?

— Зачем обижаете?— Ходжава даже привстал.— Зачем мне?

— Вам.— Гуров перевел взгляд на Усольцева.— не зачем.

— Не смотрите в камеру.— крикнул Белан.— Расслабьтесь. Горько!

— Горько! Горько!

— Да они уже нацеливались за неделю.

— Хорошо, не развелись еще...

— Пойдем?— Девушка дернула своего соседа за рукав.— Тебе же необходимо позвонить маме.

Парень и девушка направились к выходу из зала.

Пора, понял Гуров, теперь необходимо создать непрерывный темп движения, не останавливаться, не давать ему времени на обдумывание.

— Как вы тогда сказали?

Гутлин, предупрежденный заранее, ждал этого вопроса, как начинающий актер реплики, после кото-

рой должен из небытия шагнуть в историю.— Не узнавая собственного голоса, сказал:

— Пойду звякну, у всех женщины...

Усольцев не почувствовал, что все подготовлено заранее, решил, что Арнольд ляпнул от бесхитростности, просто так, разозлился и подумал: мол, не плохо было бы врезаться умнику по очкам. Но не врезал, даже не взглянул.

Гуров подхватил «пас» и повел игру дальше.

— Идите звякайте.— Он встал, невольно поднялся и Усольцев.

В вестибюле их ждали. Чуть в стороне стояли Кепко и Краев, эксперт с портативным киноаппаратом пятлился, начал съемку.

Усольцев, увидев наведенный на него киноаппарат, остановился, заметил тренеров, театрально поднял руку и направился к автомату.

Действительно, кино, рассуждал он. Интересно, что это им может дать? Звонил я, звонил, что дальше? Вот, черт, надо бы махнуть не рюмку, а стакан, не успел, горячее убрал.

Молодой человек крутил диск автомата, совсем молоденькая девушка стояла рядом, нетерпеливо постукивала туфелькой.

Есть у них что-либо конкретное или нет, надо проверить, решил Усольцев, равнодушно взглянул на автомат, на Гурова, зевнул и сказал:

— Подустал я сегодня, пойду-ка я домой баиньки.

Гуров вздохнул, развел руками и как можно безразличнее ответил:

— Вольному— воля.— Он увидел себя со стороны: ничемного, безоружного. Принудить Усольцева участвовать в эксперименте Гуров не мог, так как все происходящее не являлось юридическим действием, а было самодеятельностью, то есть делом абсолютно добровольным. В данной ситуации закон защищал не его, майора милиции, а этого человека, который почти наверняка убийца. И хотя такой поворот событий Гуров, естественно, предвидел и ответный ход заготовил, он вдруг потерял веру в возможность успеха.

Столько людей поднял, шум, гам, проекты. Фантазер ты, майор Гуров, и авантюрист.

И Усольцев почувствовал растерянность, слабость противника, улыбнулся естественно, обаятельно.

— Спасибо за внимание.— Он поклонился и пошел к выходу.

Как и было оговорено, на первый план вышли тренеры.

— Сергей!— Краев взял его под руку.— Ты куда?

— Сережа, я же просил тебя.— Кепко заглянул ему в лицо.

— А я не желаю!— Усольцев хотел вырваться, но Краев тяжело навалился на него.

— Почему, Сережа?— ласково спросил Кепко.— Или ты мне не должен ничего?

— А что, собственно, происходит?— Усольцев несколько сник.— Объясните.

— Хорошо, Сережа, мы тебе все объясним.— сказал Кепко.

Этим «Сережей» старый тренер схватил Усольцева намертво и тянул туда, в голенастое прошлое, обезоруживал, возвращал свою былую власть.

— Объясни, Олег!— Кепко кивнул Краеву, так как сам врать еще не научился.

Краев был мужик многоопытный, тертый, в разных водах прополоснутый. Он и не считал, что говорит неправду. Он осуществлял задачу легко, даже задушевно. Прижимая локоть Усольцева к своему объемному животу, заговорил:

— Я, Сергей, против анонимок. Однако,— он шмыгнул носом,— на тебя страшенький натюрморт нарисовали, и мне как старшему тренеру подсунули. Некто полагает, что Игоря Лозянко порешил ты.

— Что?— Усольцев рванулся. Краев его отпустил, и Усольцев, отлетев на несколько метров, сел на пол.

Быстро поднявшись, он бросился к Краеву.

— Как смеете? Клевета! Беззаконие!

— А мы, Сережа, не закон,— тихо сказал Кепко.— Мы вроде родителей твоих. И нам необходимо знать, виновно наше дите или нет.

— Мы обратились к властям,— вступил Краев и указал на Гурова.— А они ответили: мол, мы против гражданина Усольцева никакими материалами...

— Уликами,— подсказал Кепко.

— Вот-вот,— Краев закивал,— не располагаем.

Гражданин Усольцев в вечер убийства находился в общественном месте, и у него, таким образом, алиби.

— Так и было!— обрадовался Усольцев.— Так чего вам надобно, отцы?

— А мы попросили проверить,— ответил Краев,— есть у тебя это самое алиби или так, «липа» одна. Сам знаешь, случается, парень в деревне карасей ловит, а по протоколам в соревнованиях участвует.

Лишнее, лишнее говорят, думал Гуров. Заигрываются, сейчас все развалится. Его надо в непрерывном движении держать, не давать думать.

Гуров терпел уверенность, словно кончился в механизме завод и пружина ослабла и повисла.

Краев вновь взял Усольцева под руку, прогуливался с ним по вестибюлю и что-то шептал.

Неожиданно Гуров услышал:

— Вы вроде бы говорили, что борьба предстоит.—Кепко стоял рядом и улыбался недобро.—А сами со старта рванули и к бровке валитесь. Победителей только финиш определяет. Короткое у вас дыхание.—И быстро зашагал к Краеву и Усольцеву.

Гурову показалось, что этот маленький, плешивый, с глазами-льдинками взял его за шиворот, приподнял и отшлепал по голому задку при всем честном народе.

А Кепко подошел к Краеву и жестко сказал:

— Ты, Сережа, можешь домой отправляться и водку лкать. Это как твоей душечке угодно. Только с этого момента ты не наш, ребята тебя не поймут. Тебя о малом просят — проживи сегодняшний вечер, как ты его прожил двадцатого. Ну?

Действительно, не поймут, понял Усольцев. Видимо, правду говорят, и у них ничего конкретного нет. Иначе со мной разговаривали бы не здесь и не так. А может, у них что-то имеется, но мало, а если я откажусь и уйду, так будет достаточно? Провоцируют? Допустим, уйду, и не арестуют, куда я пойду? В Городе мне оставаться нельзя, я уеду, сопьюсь в одночасье, впереди психушник.

— Ну вот что, товарищи.—Гуров подошел, решительно отстранил Краева и Кепко.—Вы мне работать не мешайте.—Он повернулся к Усольцеву.—Вы ведь невиновны?

— Естественно.

— Я рад за вас.—Гуров говорил быстро, решительно, без пауз.—Успокойм тренерский совет и спортивную общественность и закончим. Вы в тот вечер звонили по телефону, данный факт установлен. Звоните.

Гуров вернулся к телефону-автомату, у которого продолжали стоять парень и девушка. Усольцев тоже подошел.

Вновь застрекотал киноаппарат.

Усольцев взглянул на молодую пару. Точно, они и стояли, вспомнил он и остановился. Любопытные взгляды и стрекот киноаппарата подталкивали. Мне потом каждую заминку в ребра воткнул, подумал он, и заставил себя подойти к автомату ближе.

— Он был, он.—Девушка указала для верности пальцем.

— Занято.—Парень повесил трубку.

— Звоните,—сказал Гуров.

Усольцев усмехнулся и начал набирать номер, камера вплотную снимала его руку. Он растерялся, повесил трубку.

— Занято.

— В Городе шестизначные номера, а вы набрали только пять. Звоните,—быстро сказал Гуров.

Все происходило так, словно брали у знаменитости интервью. Микрофон оказался около губ Усольцева, кинокамера рассматривала его с подчеркнутым пристрастием.

И зачем я опять втянулся в эту идиотскую игру? А сейчас вновь отказываться—все равно что признаться. Усольцев напрягся, вспоминая номер телефона какой-нибудь девушки. Мозги словно прополопали, там не то что номера, там ничего не осталось.

А микрофон стоял у губ, и камера стрекотала. На дерьме ловят-то, на дерьме, лихорадочно соображал Усольцев. Возникла короткая пауза, но ему казалось, что он стоит на всеобщем обозрении уже безнадежно долго. Если я сейчас позвоню какой-нибудь девке, то они спросят ее и выяснят, что двадцатого я ей не звонил.

— Мне никто не ответил, и я повесил трубку,—наконец произнес он.

Гуров предвидел такой ответ, контрудар был готов. Лева посторонился, девушка выступила вперед:

— Неправда,—сказала она кинокамере.—Вы разговаривали. Я помню, вы сказали: «Я сейчас заскочу на минутку».

Усольцев вытер ладонью лицо, представил, как выглядит на экране, пробормотал:

— Дозвонился я до одной... Было...

— Так звоните,—быстро сказал Гуров, неинтеллигентно оттеснив девушку.

Появившийся из ниоткуда Серов увел девушку и парня в ресторан.

— Звоните,—торопил Гуров, пытаясь перехватить взгляд Усольцева.

Усольцев взгляда избежал, сказал прямо в камеру: — Не желаю. Я не желаю втягивать порядочную женщину в эту грязную историю.

Из телефонного звонка больше ничего не выжать, решил Гуров, надо слегка отпустить.

— Ну хорошо, оставим телефонный звонок,—сказал он миролюбиво,—пойдем дальше. Вы повесили трубку и вернулись в зал?

Гуров взял Усольцева под руку, и они, словно двое закадычных друзей, вошли в ресторан.

— Молодцы,—сказал Серов, подходя к Краеву и Кепко.—Вы сработали, как надо.

— И что это даст?—спросил Краев.

— Неужели действительно Сережа убил Игоря?—Кепко поморщился, казалось, он может заплакать.—Он хотел уничтожить Пашу?

— Как дела?—Краев теребил Серова за рукав, заглядывая в лицо.

— Лева посадил его на крюк, теперь будет водить,—ответил Серов.—До подсадчика очень далеко, Усольцев способен сорваться в любой момент.—Он оглядел тренеров и, горько улыбнувшись, добавил: —Мне никогда в жизни не придумать такого, я уж не говорю организовать.

— Этот ваш парень,—Кепко кивнул на дверь ресторана,—в порядке. У него кислород кончился, а он вытерпел, удержался на дистанции.

А свадьба гуляла. Молодежь развеселилась, забыла про кино съемки. Лишь иногда раздавались реплики:

— Я с тобой не танцевала...

— Мало ли, что ты тогда меня целовала...

Никто, естественно, не подозревал, что Игорь Белан снимает лишь Усольцева.

Вернувшись в зал, он направился было к столу, вспомнил, что спиртное убрали, остановился, спросил:

— Я не арестован?

— Не говорите глупости,—ответил Гуров.

— Так я отойду на минуточку.—Усольцев решительно зашагал в сторону ресторанного буфета.

— Клава, привет!—Он прилепнул на стойку десять рублей.—Стакан коньяку. Сдачу оставь себе, детишкам.

— Не могу, Сережа,—зашептала буфетчица.—Видит бог, не могу.

— Почему здесь посторонние?—За спиной Усольцева появился метрдотель.

— Ты что, Сашка, ошалел?—Усольцев схватил метра за атласный лацкан.—Ты пьян!

— Выйди, Сергей, отсюда.—Метр отвернулся.—Ты ни за какие деньги не получишь ни капли.

Проходя мимо свадебного стола, Усольцев решил спиртное украсть. Подойду, налью стакан и вылью, пусть думают, что хотят, решил он. В бокалах поблескивало шампанское, остатки. Ни одной «серьезной» бутылки он на столах не увидел. Ах, так? Ладно. Не ждите, что слаб Сергей Усольцев, вытерпит и это.

Он занял за столом свое место, глотнул минеральной, вызывающе спросил:

— Следующим номером вашей программы?..

Последовал выход Ходжавы.

— Блондинка!—сказал Кахи.—Какая блондинка!—В его черных глазах было недоумение.—Иди! Танцуй!

Усольцева одолевали два желания: выпить стакан и материться, кричать до хрипоты, до потери голоса. Бешенство в нем вызывал не миллионер, конечно. Он все организовал, но он и зарплату за это получает. А эти?

— Иди танцуй,—повторил Кахи.

Усольцев тяжело поднялся, пошел танцевать. Высокая девушка, действительно блондинка, уже ждала его. Неестественно приподняв руки, она походила на манекен. Усольцев вошел в ее объятия, танцевал, старался расслабиться, отключиться, думать о постороннем. Когда они все успели? Как разгадали? Чем конкретно располагают? Что произойдет дальше? Как себя вести?

— Скажите,—Гутлин тронул Гурова за плечо.—Неужели? И я, как шофер...

— Год человека кормлю,—Кахи махнул рукой.—Слушай, начальник, людям надо верить?

Гуров на риторический вопрос не ответил, лишь вздохнул. И каждый только о себе. Никто не возмутился и не закричал: «Человека убили? За что?»

Оркестр замолк, блондинка выскользнула из рук Усольцева.

— В прошлый раз вы танцевали великолепно. Сегодня вы словно оловянный солдатик. И руки у вас холодные... Пошли.—Она направилась к выходу.

Усольцев шел следом, у двери девушка остановилась, обернулась:

— Что же вы? Открывайте!

— Да-да, конечно.—Он распахнул перед девушкой дверь, увидел киноаппарат, микрофон, уже не среагировав.

Девушка чуть замаялась, затем улыбнулась.

— Здорово!—Она повернулась к Усольцеву, который пытался вернуть на место соскользнувшую улыбку.—Ваша реплика,—шепнула девушка.

— Телефончик разрешите?—выговорил Усольцев.

— Не разрешу.—Блондинка улыбнулась в камеру и направилась в туалет.

Усольцев стоял в одиночестве, оператор снимал, со стороны за происходящим наблюдали Краев, Кепко и Серов. Все молчали.

Швейцар мялся у дверей, на которых висела табличка «Ресторан закрыт».

Усольцев не знал, что секунды способны растягиваться в бесконечность. Он хотел вернуться в ресторан, дорогу ему преградил Гуров.

— Через тридцать минут,—сказал он.—Где вы были эти полчаса?

— Сергей!—позвал швейцар.—Ты вышел.—И открыл дверь.

Гуров выходил из ресторана последним, ноги слегка дрожали, в голове пусто и звонко, ладони вспотели, и он незаметно вытер их о пиджак. Лева-готовился к сегодняшнему вечеру, как спортсмен к соревнованиям. Он выпался, поел не очень плотно, мало пил воды, знал, будет трудно. Однако, если бы не старый тренер, Гуров мог сорваться в самом начале. Почему? Он играл в игру, не имея никаких прав, без привычной державной мощи за спиной.

Он оправился, взял себя в руки, снова обрел зоркость, сейчас он видел, что Усольцев плохо себя чувствует не только психологически, но и чисто физически, и не мог понять, что происходит. Гуров перекрыл ему спиртное, не давая возможности Усольцеву использовать коньяк, как защиту: мол, я пьян и серьезных разговоров не способен вести. Можете меня оштрафовать, сообщить на работу, а пока я пошел спать. Так рассуждал Гуров, убирая от Усольцева спиртное, и не знал, что он своими действиями перекрыл подозреваемому «подачу кислорода».

Гуров передохнул за спинами товарищей, выйдя на улицу, быстро, но как бы между прочим сказал:

— Итак, вы вышли на улицу.

Усольцев подготовился и ответил:

— Я пошел гулять.

— Встретили кого-нибудь из знакомых?—Гуров чуть повернулся, искал взглядом Кепко.

— Нет.—Усольцев почувствовал облегчение.

Все, тут они упрутся. Он гулял и никого не встретил. Все. Больше он не скажет ничего, пусть попробуют доказать обратное. Презумпция невинности. Человек не виновен, пока его вина не доказана. Так записано в законе. Он даже улыбнулся Гурову, взглянул открыто.

Вот он, второй серьезный барьер, понял Гуров и задал заготовленный, казалось бы, беспомощный вопрос:

— Вы тридцать минут гуляли, когда вас ждали друзья, накрытый стол, очаровательная девушка?

— Да, гулял.—Усольцев почти развеселился.

— Интересно,—Гуров кивнул.—Сегодня вы сидите в машину. У вас ведь есть ключи? В тот вечер они у вас были и, мне кажется, что вы не гуляли пешком, а катались на машине. Прогулка на машине отнюдь не криминал. Разве не так?

Анатолий Петрович Кепко появился перед Усольцевым, глянул в глаза, спросил:

— Сережа, мы же вроде договорились? Или у тебя со слухом плохо? Садись за руль. Ну?

— Ради бога, Петрович, без мелодрам.—Усольцев пожал плечами, открыл машину, сел за руль.

— Прямо, пожалуйста,—сказал Гуров, усаживаясь на переднее сиденье. Кепко и Краев сели сзади.

Зря я согласился, понял Усольцев, пусть и нет свидетелей, но они меня везут под ручку прямо к месту, ни к чему мне это, надо кончать. Уберусь я из Города, останусь, время покажет, а сейчас надо сорваться, уйти. Как только он призвал себя к активным действиям, его прошиб пот, руки задрожали сильнее. Стакан бы мне сейчас, только стакан, я бы им показал, где кто зимует.

Если не доведу до конца и он начнет вырываться, все равно повезу в прокуратуру, решил Гуров. Конечно, он далеко не в кондиции, однако лучшей ситуации для официального допроса не добиться. Ему плохо, явно плохо, он на грани истерики. Странно, он выпил лишь две рюмки, что же его так трясет?

— Здесь направо, пожалуйста,—сказал Гуров.—И остановите.

Точно, здесь я оставил машину, вспомнил Усольцев, повернул ключ зажигания, выключил мотор. Значит, знает...

Он покосился на Гурова, который потянулся устало, как бы говоря: вот чертова работа, всякие глупости приходится делать.

На противоположной стороне остановилась «Волга». Серов и два эксперта вылезли из машины. Вспыхнул свет, застрекотал аппарат.

Усольцев стоял у машины и понимал, что опять ошибся. Рвать надо все, кончать. Заигрывает меня сыщик, затягивает.

Скрипнула дверь соседнего дома, две пожилые женщины в черных платках, надвинутых на брови, крестясь, вышли на крыльцо.

— Надо же... Бог дал, бог и взял.

— Упокой, господи, душу грешницы.

Женщины, оглядываясь на машины и людей, крестясь, засеменили по переулку.

— Никак у вас лжесвидетель помер?—усмехнулся Усольцев и вздрогнул.

В пустом переулке раздался стук каблуков, прижимаясь друг к другу, подошли девушка и парень.

Влюбленные шизофреники меня сегодня доконают, подумал Усольцев, отвернулся и пошел от машины к перекрестку.

— Правильно, Усольцев,—похвалил Гуров.—Только вы здесь оглянулись,

Усольцев опешил, споткнулся.

— Оглянулись! Оглянулись!—радостно сообщила девушка, подошла к Усольцеву, указала на разрезы его пиджака.—Вот эти разрезы называются шлицы.

Как и большинству женщин, ей нравились и кино-съемка, и внимание окружающих. Она подошла к «Жигулям».

— Я же сказала, голубая.— Она замолчала.— Это не та машина. У той под зеркалом висела белая обезьянка!

— Большое вам спасибо,—остановил девушку Гуров.

Усольцев рванулся к ним.

— Рот затыкаете!—Микрофон выскочил перед ним, застыл у рта.—Раз не то свидетель говорит, так «спасибо» и «адыю»?

Гуров встал перед Усольцевым, разглядывал внимательно, будто на лице у того появилось что-то необычайно интересное, необычное.

— А вы, Усольцев, глупы. Обезьянка висела в этой машине до вчерашнего дня. Свидетелей тому...—Гуров сжал ладонями виски, покачал головой.—Вы ее сорвали неизвестно зачем. Впрочем, понятно, нервы. Убить человека—не рюмку выпить.

Сказано! Существовал лишь подтекст, теперь сказано!

«Ну, Лева, вперед, не дай ему перестроиться»,—подстегивал себя Гуров и быстро спросил:

— Двадцатого около двадцати двух часов вы находились на этом месте?—Он подвинул микрофон ближе.

Усольцев молчал, хотел сказать: дайте стакан, поговорим как люди, понял весь идиотизм своих желаний и молчал.

— Оператор, крупный план,—скомандовал Гуров.—Усольцев, повторяю вопрос. Двадцатого июля около двадцати двух часов вы находились на этом месте?

— Нет!—сказал Усольцев.

Девушка, которая не могла опознать его в лицо, ведь все ее свидетельские показания сводились к «шлицам» и «обезьянке», следовательно, равнялись нулю, искренне воскликнула:

— Ну и глуп!

Милая, дай я тебе ручку поцелую, чуть не крикнул Гуров, взяв Усольцева под руку, повел к перекрестку, за углом находился «тот» дом.

— Усольцев, пойте, — доверительно говорил Гуров.— Мы боремся не против вас, а за вас. Убийство с заранее обдуманным намерением, с целью компрометации третьего лица тянет на высшую меру.

— Сначала надо доказать,—голос Усольцева те-рял живые интонации.

— Верно,—легко согласился Гуров.—Вы уже не отрицаете сам факт, лишь апеллируете к закону. Вы теряете позиции, Усольцев. Вы будете отступать и отступать, пока не упретесь спиной в стенку.

Гуров держал Усольцева под руку, ощущал, как тот дрожит, видел покрытый потом лоб, отваливающийся подбородок.

— Вы эту стенку сначала сложите.—Усольцев сопротивлялся уже по инерции. Расходя нервную энергию, он терял силы, хлебнуть их было не из чего. Герякл оторвал Антея от земли и удавил, почему-то вспомнил он. Так я не Антей, а ты, милиционер, не Герякл! Усольцев, расшвыряв от отчаяния, ощутил прилив энергии.

Гуров почувствовал это, отпустил руку Усольцева, остановился у подъезда Лозьянко, подошли тренеры, Серов с экспертами.

— Усольцев, когда в последний раз вы были в этом доме?—безразлично спросил Гуров.

— Не помню,—мгновенно ответил Усольцев, демонстративно отвернулся от камеры, носовым платком вытер лицо и руки.

— Интересно.—Гуров взял Усольцева за плечо, повернул к себе лицом.—С вами разговаривают, Усольцев.—И обратился к Кепко:—Анатолий Петрович, задай я вам такой вопрос, вы ведь задумались бы, стали вспоминать. Так?

— Конечно.

— Потом бы вы говорили: «примерно», «видимо», только запутавшись, сказали бы «не помню».—Гуров изобразил недоумение.—А тут как выстрел: «Не помню».

Серов, стоя позади всех, мысленно аплодировал Гурову.

Усольцев не реагировал, сил не осталось, вытекли. «Признаюсь, и конец,—думал он.—Раз признаюсь, вышку не дадут. Лет двенадцать вмажут точно. Так ведь вылетят. Отсиджу десять, выйду на волю молодой и здоровый. Тюрьма? А сейчас я свободный? Водка лучше тюрьмы?»

— Подонки!—сказал Краев.—Убийца!

Гуров застонал, громко застонал, словно его ранили. Усольцев вздохнул, выпрямился, замахнулся на оператора, тот шархнулся, едва не выронил аппарат.

Гуров понял, что не дошел до финиша одного шага, струна, натянутая между ним и Усольцевым, лопнула. Тренеры, которые весь вечер как бы призывали Усольцева рассеять абсурдные подозрения, не давали ему занять сугубо официальную позицию, превратились в обвинителей. Если до последнего момента он стремился остаться для них, а следовательно, и для всего Города Сережей Усольцевым, то теперь ему

терять уже нечего. Убийца? Ну, нет, он будет защищать не честь, а жизнь.

— Финита!—театрально воскликнул Усольцев.—Вы, гражданами милиционер, проводите очные ставки, в законе все сказано. Действуйте.

— Как желаете,—сказал Гуров.—Едем в прокуратуру, следователь вас ждет.

— Едем!—Усольцев смотрел вызывающе.

Я сделал все, что мог, попытался оправдать себя Гуров, даже пожал плечами, взглянул на Кепко, который стоял, опустив голову, и предвидел последнюю попытку.

— В конце концов, Усольцев, от вас требуется совсем немного,—как можно мягче сказал он.—Назовите человека, с которым вы разговаривали по телефону двадцатого вечером. Мы проверим, никого не компрометируя. Помните, ваш отказ наводит на серьезные размышления.

— Нет!—выпалил Усольцев, не задумываясь.—Я в ваши игры больше не играю, а размышления не доказательства!

— Вы совершаете ошибку,—сказал Гуров, повернулся к Усольцеву спиной и понял, что его маневр разгадан. Если бы в данной ситуации Усольцев заговорил, то обязательно запутался бы и в конце концов признался.

Не успел никто сделать и шага, как дверь подъезда распахнулась и на улицу с радостным визгом выскочила немецкая овчарка, а следом вышел мужчина.

Пес, не обращая внимания на людей, бросился справлять свои собачьи надобности. Мужчина, увидев скопление людей, несколько растерялся, узнав Усольцева, сказал:

— Сергей, здравствуй!

Усольцев сорвался. Весь вечер милиционер играл по правилам. В кабаке все тотелька в тотельку, в вестибюле тоже. Машина, переулоч, пара влюбленных дегенератов. Все точно. Этого, с собакой, не было!

— Ты меня двадцатого тоже видел?—Он схватил мужчину, что называется, «за грудки».—Ты тоже, сука, свидетель?

— Отпусти! Пан порвет тебя!—успел сказать мужчина.

Что-то серо-рыжее, ушастое и клыкастое уже лезло по переулочу, все попятилось. Хозяин оттолкнул Усольцева, шагнул вперед. Пес, утробно рыкнув, хотел его обжевать.

— Стоять! Сидеть!—Мужчина погладил пса.—Гулять!—И повернулся к Усольцеву.—В чем дело, Сергей? Разве мы с тобой не встречались?

Дорогу осилит идущий! Конечно, легче всего оперировать избитыми истинами. А что прикажете делать? Сегодня и в космосе используют без зазрения совести колесо. А ведь его изобрели даже и не позавчера.

Гуров шел, полз, карабкался, Кепко ему помог, Краев подставил ему ножку, а неизвестный мужчина, как позже выяснится, два часа назад вернувшийся из отпуска, вышел гулять с собакой и восстановил равновесие.

Сколько недоразумений происходит оттого, что люди, объясняясь вроде бы на одном языке, друг друга не понимают.

Человек удивился: «Разве мы с тобой не встречались?» Они действительно неоднократно встречались. Но для Усольцева в данный момент существовал лишь «тот» вечер, который столь тщательно реставрировался. И непонимание превратилось для него в катастрофу.

— Не было тебя здесь! Не было!—Усольцев истерически кричал, топал ногами.

Мужчина ничего не понял, он и о смерти своего соседа еще не слышал, махнул на Усольцева рукой, пробормотал:

— Опять пьяный.—И пошел за своим остроухим другом.

Присутствующие смотрели на Усольцева без гнева или ненависти, устало, даже равнодушно. Он увидел отворачивающиеся от него лица, застонал, потух, безвольно опустил плечи.

— Мне надо заглянуть в ресторан.

Алкоголик, понял Гуров. И вспомнил, как двадцатого Усольцев за столом сначала нервничал, затем вышел в буфет и вернулся веселым и насмешливым. И на улице, у прокуратуры, он достал повестку и тут же убрал, так тряслись у него руки. Гуров хотел высказаться в свой адрес, но произнес иное:

— Нет, Усольцев, вам не надо в ресторан.—Гуров нашел взглядом Серова.—Борис Петрович, позвоните дежурному, в прокуратуру срочно требуется врач.

Гуров и Серов брели по ночной улице. Убийца, эксперты и тренеры остались в прокуратуре, а розыскники ушли. Со следователем Лева попрощался взглядом, Николай Олегович рассеянно улыбнулся и кивнул, он уже был там, в борьбе, которая для розыскника закончилась, а для следователя только начинается. Гуров не обиделся, он понимал и, кивнув остальным, вышел на улицу. Здесь его и догнал подполковник, и они побрели по плохо освещенным улицам, пока не выбрались на главный проспект, где фонари горели через один.

— Город ваш я так и не видел,—сказал Лева.—Станут расспрашивать, а я ни гугу. Сколько людей у вас?

— За миллион.

— Подходяще.—Гуров помолчал.—Театры, музеи, архитектура старинная?

— Тебе не кажется, что доктор здоровых людей не у себя в кабинете встречает, а когда в гости ходит? Ты же не туристом здесь был, ты работал.

— Это конечно.

Они остановились у гостиницы. Скрипнув тормозами, у тротуара притормозила «Волга».

— В шесть я за тобой заеду, попытайся заснуть.—Серов протянул руку.—Да, ты как-то трепался: мол, земля круглая, да еще и вертится. Может, она еще повернется так, что я тебе пригожусь.

— Может, и повернется.—Гуров пожал подполковнику руку и пошел к запертым дверям объясняться со швейцаром.

Серов вернулся домой, заглянул в холодильник, обнаружил пакет молока, зубами оторвал жесткий, с привкусом воска уголок, хлебнул. Молоко было прокисшее, но холодное.

Только он сел на постель, как зазвонил телефон.

— Ну?—сказал Серов безразлично.—Группу выслали? Кто за старшего? Нет... Он улетел домой, оставил для тебя слюнявчик. Наши деды, светлая им память, собирались покончить с преступностью завтра. А мы покончим послезавтра. И не вздумай мне звонить. Меня нет!

Он положил трубку, выключил бра, лег.

Телефон тут же зазвонил вновь, Серов перевернулся на другой бок. Аппарат не унимался, казалось, он начал подпрыгивать от усердия. Серов пробормотал слова, которые сотрудник милиции употребляет не должен, снял трубку.

— Ну? Кто? Паша, ты? Извиняю. В шесть утра.—Он взглянул на часы.—Через пять часов. Ладно, ладно... Не за что. Спокойной ночи...

Он не поленился встать, закутал телефон в одеяло и сунул его под стол.

Совершенно невероятно, но Гуров заснул мгновенно, снов не смотрел, а когда дежурная разбудила, встал свежий и в отличном настроении. Бутылку кефира выпил из горлышка, быстро уложил чемодан: еще бы, тренировка была, он занимался этим за последние дни в третий раз. Серов вошел, не постукав, положил на стол пистолет в оперативной кобуре и билет на самолет.

— Ваше личное оружие, майор.—Он легко обнял Гурова.—Тебя проведут, а я, извини, спешу.—Серов подмигнул и вышел, не оглянувшись.

Гуров несколько растерялся, пристегнул пистолет, начал одеваться, когда в дверь постучали.

— Открыто!—крикнул Гуров.

— Доброе утро.—В номер вошел Павел Астахов.

— Доброе,—ответил Гуров, разглядывая Астахова, который в шесть утра был в вечернем костюме и при орденах.

Павел вел «Волгу» неторопливо, притормаживая на поворотах, выкатившись из Города, скорости не прибавил. Инспектор ГАИ весело козырнул, Астахов помахал рукой.

И хотя было во всей этой ситуации нечто театральное, у Гурова в горле першило, и он молчал.

— Думаю, год я еще подержусь,—сказал Астахов.—Проиграю и отправлюсь раздавать долги. Многие считают, надо уходить чемпионом, непобежденным. Я считаю, мужчина должен дойти до конца. Ни Валерий Борзов, ни Виктор Санеев, никто из проигравших чемпионов не ушел побежденным.—Он повернулся к Гурову.—Вы устали, скоро пройдет, я знаю.

Гуров был признателен Астахову, что тот не заговорил об убийстве, не благодарит и не заверяет в вечной дружбе.

Гуров кивнул, ничего не ответил.

В аэропорту Гуров отозвал в сторону лейтенанта милиции, предъявил удостоверение и вместе с лейтенантом и Астаховым, минуя спецконтроль, вышел на летное поле.

— Я скоро буду в Москве, позвоню.—Астахов пожал Гурову руку и, сопровождаемый любопытными взглядами, ушел.

На Гурова, который направился к самолету, никто не обратил внимания.

Дорогие читатели! Над иллюстрациями этого номера работал молодой художник Антон Куманьков, о творчестве которого «Смена» рассказывала в прошлом году (№20).

Как вы считаете, стоит ли поручать иллюстрирование всего номера одному художнику, тем самым добиваясь единства изобразительного

решения? Каких художников стоит привлечь к этой работе? Речь, конечно, не идет о систематическом предоставлении журнала только одному графику. Но, может быть, иногда такая возможность позволила бы молодым художникам интереснее и ярче раскрыться в журнале? Ждем ваших писем...

Итоги 27-й шахматной олимпиады

В 27-й олимпиаде «Смены» приняли участие около шести тысяч любителей шахмат нашей страны и братских социалистических стран. Многие читатели с удивлением отметили равномерное распределение заданий повышенной трудности в ходе олимпиады. Это поддерживало постоянный интерес к соревнованию до последнего тура даже у начинающих. Более семисот участников соревнования впервые выполнили разрядные нормативы, повысили свои разряды по шахматам.

Читатели просят пояснить некоторые ранее опубликованные решения заданий олимпиады. Во многих письмах выражается сомнение в том, что 2-е задание из I тура решается ходом 1. **Фd2!** Видимо, читатели забыли о такой возможности, как 2. **О—О—Ох!** Существует правило: если король и ладья стоят на первоначальных позициях и нельзя доказать, что они уже ходили, то возможна рокировка.

Москвич Большаков уверяет, что 3-е задание из VI тура решается так: 1. **Сс7 h2** 2. **Сg3 Kph1** 3. **Фfх**, 2. ...**hФ3** 3. **Фf2g**. Но это ложный след, после 2. ...**hК1** мата нет. Киевлянин Горденко почему-то уверен, что мы «умолчим» найденное им побочное решение к 1-му заданию из X тура: «1. **Се8 Сb5** 2. **Сf7 Сс4** 3. **Се6 Сb3** 4. **Сс8** и 5. **Сb7х**. Опровергайте!» — пишет он. Пожалуйста — 2. ...**Сс6!**, и мата в 5 ходов нет.

Дополнительных баллов за обнаружение дефектов в композициях решателям не начисляется, однако это учитывается при определении сильнейших. И все же максимальный результат показало более ста участников олимпиады. Для выявления победителей жюри решило прибегнуть к жребию.

Победителями 27-й шахматной олимпиады стали: врач **Н. Варченко** (Миргород), инженеры **Л. Волков** (Донецк), **А. Максимов** (Ангарск, Иркутской обл.), инженер-геолог **Р. Кукушкин** (Душанбе), инженер-конструктор **В. Стеч** (Краматорск), учителя **М. Германов** (с. Чаша, Курганской обл.), **Г. Калафут** (ПНР), **Ю. Осовский** (Тотьма,

Вологодской обл.), **Ф. Рогожин** (Караганда), экономист **А. Голомедов** (Воронеж), военнослужащие **И. Дик** (Приозерск) и **А. Рекун** (Североморск), ветераны Советской Армии **А. Зинченко** (п. Петрово-Роменка, Полтавской обл.) и **И. Кваша** (Ново-Черкасс), автомеханик **В. Казас** (Симферополь), слесарь **И. Поталов** (Одесса), электрик **В. Коннов** (п. Правдинск, Горьковской обл.), регулировщик радиоаппаратуры **Г. Резников** (Омск), супруги **В. и М. Разумевы** (Запорожье), рабочие **А. Рудинский** (Ленинград) и **А. Фролов** (Днепропетровск), бетонщик **М. Скорняков** (Ухта, Коми АССР), мастер цеха **В. Урусов** (г. Энгельс), токарь **О. Хачатурян** (Ереван), бухгалтер **А. Щекин** (Вельск, Архангельской обл.). Все они награждаются дипломами «Смены» и шахматными книгами.

Еще 25 участников олимпиады награждаются дипломами «Смены»: коллектив спортивного клуба «Ровесник» при ЖЭУ-4 Баку (руководитель **В. Арутюнов**), физик **В. Беззубов** (п. Протоино, Московской обл.), инженеры **Б. Боронин** (Москва), **А. Брызгалов** (Пенза), **В. Демин** (Москва), **Б. Зольков** (Арзамас), **Д. Красиков** (Ростов-на-Дону), **В. Кирлич** (Измю, Харьковской обл.), **Г. Леонов** (Курган), **С. Тягун** (Химки, Московской обл.), **И. Фаянс** (Киев) и **Ю. Харченко** (г. Синельниково, Днепропетровской обл.), врач **А. Быховцев** (Омск), слесари **А. Жук** (Христиновка, Черкасская обл.), **М. Разуванов** (Красноярск), **П. Скуба** (п. Колчино, Закарпатской обл.), **В. Немлиенко** (Одесса), учителя **С. Остапюк** (с. Надорожное, Тернопольской обл.) и **Н. Попов** (Кунгур, Пермской обл.), аппаратчик **Н. Пешехонов** (Саянск, Иркутской обл.), студент **Ю. Петров** (Могилев), электромонтер **В. Саложников** (Муром), крепильщик шахты **Г. Шамилов** (г. Гуково, Ростовской обл.), инженер-химик **В. Чесноков** (г. Силамяз, ЭССР), инженер-строитель **Б. Шумский** (Шяуляй). Редакция журнала «Смена» поздравляет победителей и желает им успешного выступления в 28-й шахматной олимпиаде!

4-я ШАШЕЧНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией заслуженного тренера БССР Виктора КРАМАРЕНКО

Пятый тур «Дамка в столбняке»

Прием «столбняк» характерен для дамочных окончаний.

В этой композиции-миниатюре, автором которой является В. Муляр из Хмельницкой области, черные опрометчиво напали на шашку белых b4. Последовало 1. **de3 f:d2**. Не меняет дальнейшего замысла белых 1. ... **d:f2**. В случае взятия 1. ... **a:c3** к выигрышу ведет 2. **e:e7 de3** 3. **ef8** 2. **e:g7 a:c3** 3. **ab2!** Приглашение в дамки. 3. ... **c:a1** и... 4. **gh8** — «столбняк!» Черные вынуждены сами идти под удар.

Г. Кетлер (Кривой Рог), Н. Торопов (Пермь)

А. Шошин

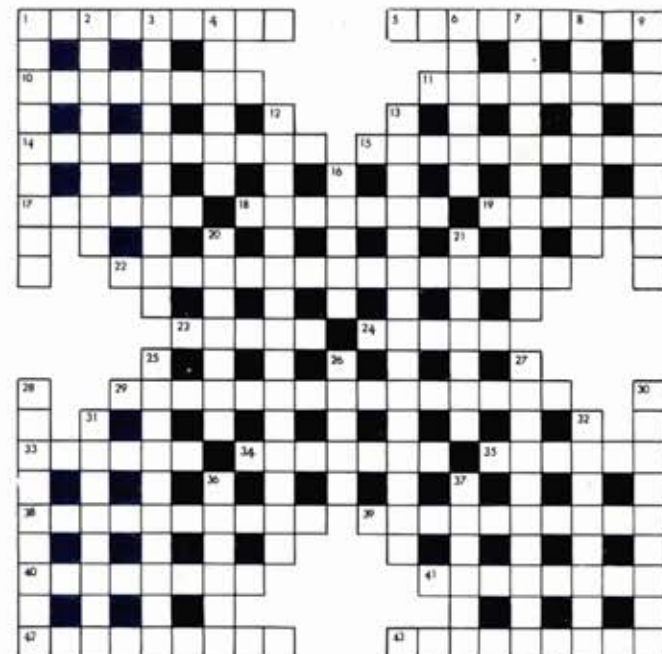
В обеих позициях ход белых. Читателям предлагается сделать анализ и оценить эти позиции: выигрыш, ничья или проигрыш белых (по 3 балла).

Ответы на задания пятого тура присылайте с пометкой: «4-я шашечная олимпиада, 5-й тур, «64». Каждое задание на отдельной открытке.

Рассматриваться будут ответы, отправленные до 1 июня (по почтовому штемпелю).

КРОССВОРД

Составил Н. ВАСИЛЬЕВ, Новочебоксарск Чувашской АССР

По горизонтали:

По вертикали:

1. Жеманство. 5. Горизонтальная установка для формовки высококачественных бетонных изделий. 10. Жительница города, известного по произведениям И. С. Тургенева. 11. Античастица по отношению к электрону. 14. Женщина в Болгарии, владеющая искусством танцевать на раскаленных углях костра. 15. Холодоустойчивый, поздно распускающийся садовый цветок. 17. Первый советский шахматный компьютер. 18. Высота боковой грани в правильной пирамиде. 19. Род цирка, возникший в 30-х годах XIX века. 22. Дисциплина, изучающая водяные знаки на бумаге. 23. Восточный мужской головной убор. 24. Конспиративное имя разведчика Исаева в фильме «Семнадцать мгновений весны». 29. Работник транспорта. 33. Вид напильника. 34. Чувство досады, вызванное успехом другого человека. 35. Указатель, обязательный в адресе на конверте. 38. Приспособление, защищающее органы дыхания от пыли или вредных веществ. 39. Наука, изучающая историю, культуру, литературу народов, связанных с древней Персией. 40. Немецкий революционер, друг и соратник К. Маркса и Ф. Энгельса. 41. Ранневесенний дальневосточный цветок. 42. Документ на перевозку грузов. 43. Поэма Т. Г. Шевченко, рассказывающая, по его словам, «что делалось на Украине в 1768 году».

1. Латвийский актер, сыгравший роль разведчика Кузнецова в фильме «Сильные духом». 2. Каждый из людей одного возраста. 3. Выдающийся советский дирижер. 4. Напиток богов в «Илиаде» Гомера. 6. Древняя «медь из Бриндизи». 7. Практическое занятие вне школы с применением компаса. 8. Молодогвардеец. 9. Название каждого химического элемента из группы 14 периодической таблицы. 12. Ученый, занятый опытами. 13. Должность исполнителя консульских, преторских и квесторских обязанностей вне Древнего Рима. 16. Город — колыбель древней цивилизации. 20. Герой романа Э. Войнич «Овод». 21. Румынский скульптор, автор памятника В. И. Ленину в Бухаресте. 25. Дальневосточный полукустарник, из которого вырабатывают лекарство, подобное стрихнину. 26. Пристань на Сура в Чувашии. 27. Вид спорта. 28. Вспомогательный высококачественный генератор в радиоприемниках. 30. Автор поэмы «Витязь в тигровой шкуре». 31. Болотное растение, из которого в древности делали разные музыкальные инструменты. 32. Пьеса Н. В. Гоголя. 36. Географическое название уникальных берегов реки Колорадо в США. 37. Третья по длине река в СССР.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 6

По горизонтали:

По вертикали:

1. Елань. 6. Планерист. 7. Аквамарин. 12. Герцильб. 15. Циркуль. 17. Робиния. 21. Ячмень. 22. Рулет. 23. Жасмин. 24. Хоровод. 25. Импорт. 26. Дятел. 27. «Чернец». 28. Макаров. 30. Христин. 31. Голиков. 34. Фергуссон. 35. Звонкость. 36. «Шкраб».

2. Лантан. 3. Нарвал. 4. Эликсир. 5. Юстиция. 8. Термопара. 9. Сценарист. 10. Украшение. 11. Климентов. 13. Бородач. 14. Пилотаж. 15. Цитолог. 16. ...мякиш. 18. Буряк. 19. Невер. 20. «Жнецы». 28. ...Минерва. 29. ...волость. 32. Огонек. 33. Истома.

ОТ РЕДАКЦИИ.

В этом номере мы закончили публикацию остросужетной повести Николая Леонова «Обречен на победу». Как вы заметили, уважаемые читатели, с нового года мы внесли значительные изменения в верстку повести и сделали это для того, чтобы любителям конволютов (сборников, составленных из журнальных страниц) было удобно вырезать и переплести полюбившиеся произведения.

Мы пошли и на значительное сокращение оформления этих полос, что позволило увеличить количество публикуемого текста.

Нам, уважаемые читатели, хотелось бы знать ваше мнение: удобны ли все эти новшества и позволяют ли они вам самим в домашних условиях вырезать и переплести страницы «Смены», чтобы делать конволюты.

В свою очередь, мы, следуя многолетней традиции, будем и впредь печатать лучшие произведения военно-патристической и приключенческой литературы, способствуя тем самым нашим читателям в создании домашних библиотек.

Ждем ваших писем!

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописных страницы) редакцией не рассматриваются.

Сдано в набор 20.02.86. Подписано к печати 03.03.86. А 01932. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1150000 экз. Изд. № 844. Заказ № 2469. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

В кулисах еще тишина, и Рэггеди Энн, тряпичная кукла (как мы полюбили ее — до слез!), дремлет, свесив кудлатую голову, и волшебная музыка еще не прилетела, но... действие уже началось.

Действие, в ходе которого труппа театра для детей и юношества Института исполнительского искусства города Олбани штата Нью-Йорк, весьма спешно собрав реквизит последнего спектакля, двинулась на двухнедельные гастроли в Москву.

Действие, принесшее коллективу — возглавляет его энтузиаст культурного сотрудничества и мастер театрального дела Патриция Снайдер — успех у советской публики. (Все спектакли проходили при переполненном зале, хотя в гастрольной афише значилось единственное название — «Рэггеди Энн», или «Тряпичная кукла».)

Действие, ради которого, видимо, и была написана драматургом Уильямом Гибсоном пьеса, ставшая основой динамичного и яркого мюзикла.

Действие, подтолкнувшее театр не только спешить, чтобы оказаться в Москве «при первой же представившейся возможности», как выразилась художественный руководитель Детского музыкального театра Наталия Сац, давний друг Патриции Снайдер, но и спешить быть понятым.

— Они понимают нас совершенно — сказала актриса американского театра Памела Суза о московских зрителях. — У себя дома мы не привыкли к преданности театру и объясняем равнодушие популярностью телевизионных зрелищ. Я была потрясена до слез тем, как воспринимали нашу игру здесь, и никогда не забуду маленькую девочку с огромным бантом, которая подарила мне букет цветов, хотя в спектакле я злой персонаж.

СПЕКТАКЛЬ, ПОКАЗАННЫЙ В МОСКВЕ АМЕРИКАНСКИМ ТЕАТРОМ — СКАЗКА, НО КАК СОЗВУЧНА ЕГО ГЛАВНАЯ МЫСЛЬ ТОМУ, ЧТО ТРЕВОЖИТ ВСЕХ ЧЕСТНЫХ ЛЮДЕЙ В РАЗНЫХ СТРАНАХ

ОТВАЖНОЕ СЕРДЦЕ ЭНН

Нина ТРОФИМОВА

Фото Евгения СТЕЦКО

ми чудотворцами и разными чудесами, сопровождаемым музыкой Джо Рэпо. Рэггеди Энн спешит: летит со своей беспомощной компанией и плывет, бежит из города, где царствует Генерал Тьмы, в далекий Лос-Анджелес, где живет Добрый Доктор. Это сон, мы понимаем. А Рэггеди Энн это знает без нас, и она спешит дальше. Нет другой цели, кроме как спасти девочку Марселлу, ведь «если Марселла умрет, мы все исчезнем!»

Это почему же исчезнем? Ах, все дело в том, что Энн обращается к ожившим куклам из компании Марселлы, те, конечно, исчезнут, ведь дело происходит во сне Марселлы. Но зал взрывается, как будто это митинг.

Мы поняли. Если Марселла умрет... Если Рэггеди Энн перестанет спешить... Если она струсит перед Генералом Тьмы и не защитит от него девочку силой простых слов, написанных на маленьком ненастоящем сердце. Если в ответ на деловой вопрос Доброго Доктора, спасенного ею, мол, нет ли у кого лишнего сердца для девочки Марселлы, Рэггеди Энн не начнет спешно откалывать от тряпичного платья тряпичное, но настоящее сердце... Если, уводящая Генералом Тьмы (теперь она беззащитна, защитница Энн), она не заставит ползала вскочить... То мы, несомненно, исчезнем все.

Театр Патриции Снайдер предлагает нам действовать в духе Рэггеди Энн, и мы это предложение с благодарностью принимаем. А это и есть главное действие.

Генерал Тьмы, страшный человек в страшной шинели, страшно реальный в этом условном музыкальном детском спектакле, уводит Рэггеди Энн. Не может быть, чтобы навсегда! Навсегда если...

Как близко то, что происходит на ярко освещенной сцене самым тревожным нашим мыслям!

Прежде я и мысли не допускала, что дети за внешним ходом событий могут увидеть большее.

Каков же внешний ход событий, и в чем заключается главное действие?

Девочка Марселла больна. Беспомощный ее отец, отчаявшись спасти дочь, шьет ей из тряпок смешную, некрасивую куклу — тряпичную Энн, Рэггеди Энн. Возможно, кукла разве селит ее? Как украшение она прикалывает к платью Энн тряпичное же кукольное, ненастоящее сердце. На нем написано: «Я люблю тебя». И этот, казалось бы, пустяк решает все. Рэггеди Энн оживает (во сне девочки Марселлы: подробность для тех, кто следит лишь за внешним ходом событий) и спешит спасти девочку Энн спешит — как это важно! И в детском спектакле, заполненном ужасно злы

